

*Артавазд
Сарецян*

*Однажды
в человеке
родится
Бог*

*Рассказы
Воспоминания
Статьи
Интервью*

*Абгосиздат
Сухум
2021*

УДК 821. 19-93
ББК 84 (5Арм) 6-44
С20

Под редакцией Даура Начкебия

Сарецян, А.А.

С 20 Однажды в человеке рождается Бог: рассказы, воспоминания, статьи, интервью/Артавазд Сарецян: Абгосиздат, 2021. - 258 с.

ISBN: 978-5-604-6636-6-0

В сборник вошли автобиографические рассказы, воспоминания, статьи и интервью Артавазда Сарецяна. Большая часть произведений опубликована в международных изданиях: «Форум», «Веси», «Общенисательская Литературная газета», «Притяжение», в сборниках современной армянской прозы «Тени бытия» (Киев), «Армянские мотивы» (Ереван), газетах «Армянская церковь» (Москва), «Она+» (Якутск), «Республика Абхазия», «Литературный Амшен», а также на страницах других изданий, в том числе в популярном электронном журнале «Literra».

Абхазское государственное издательство в 2018-2019 гг. выпустило двухтомник избранных произведений А.Сарецяна на армянском языке.

УДК 821. 19-93
ББК 84 (5Арм) 6-44

© Абгосиздат, 2021
© Сарецян А.А.
© ООО «Митра», 2021

ОТЧИЙ ДОМ, КОТОРЫЙ ЭРГИР¹

*«...Правительство издало приказ об истреблении
всей армянской нации».*

Из приказа по военному министерству Турции

*Горсть пепла, отчий дом!
Горсть с пеплом дорогим...
Горсть пепла, – чтоб моё
осыпать сердце им!..
Сиаманто²*

Огонь, смерть, разрушение – здесь прошли турки.

Виктор Юго³

*То было в Турции, где совесть – вещь пустая,
Там царствуют кулак, нагайка, ятаган...*

Константин Бальмонт⁴

Вот я вновь, уже в который раз, сажусь за письменный стол, чтобы изложить на бумаге рассказ о нашем прадеде Ованесе и прабабушке Амест, вернее, о нашем доме в селе Ахрит. В моём сердце и душе рассказ готов. Нет, не рассказ – боль. Я её выстрадал...

Наши предки испокон веков жили на высоких склонах неприступных пещерных гор исторического Амшенского княжества⁵. Жили изолированно, почти не общались с остальным внешним миром.

Это было, конечно, вынужденной мерой: жить обособленно. Они таким – жестоким к самому себе способом защищались от преследований как турецких регулярных войск, так и вооружённых бандитских групп, сохраняли не только родных и близких от физического истребления, но и, что немаловажно, берегли свою исключительную самобытность и культуру. Берегли её по крупицам: песни и танцы, устное народное творчество и обычаи, рецепты

приготовления своеобразных блюд: ёка, татарлома, вознат, кавурма, мацнац, лазди и ехинджи чаш, турша⁶...– до гениальности простых, но крайне важных и нужных для сохранения здоровья, а также выживания в чрезвычайных условиях. И эта обособленность, граничащая с замкнутостью, а порой и скрытностью, со временем стала характерной чертой амшенского армянина. Она с другими, не менее важными качествами сохранила его и сама сохранилась до сих пор. И ещё следует сказать о том, что спасая в первую очередь детей, люди даже в самых экстремальных ситуациях не забывали об их строгом воспитании и разностороннем образовании, свято чтили национальные традиции, выработанные предками на протяжении многих веков. Эти традиции составляли целостный образовательно-воспитательный комплекс, до сих пор вызывающий удивление и восхищение острой ориентированностью на самосохранение: это – воспитание физической выносливости, волевой выдержки и самообладания; это – готовность жертвовать самым дорогим во имя самого важного и главного; это – умение быть благодарным небу, воде, земле, ближнему и возвращать добро сторицей; это – фанатическая преданность родному дому, очажному огню...

«Чтобы иметь свой очаг и угол, надо постоянно строить дома, и в первую очередь – их надо строить в людских сердцах», – наставлял умудрённый жизненным опытом мой дед Епрем по материнской линии. В этом предложении, по моему глубокому убеждению, сконцентрирована житейская философия амшенского армянина: созидать, чтобы иметь. Я хорошо запомнил этот наказ. Старался жить по науке деда и обязательно передам её своим внукам.

Сев гет или Кара дере⁷.

События Сев гета – это действительно чёрная страница в истории амшенских армян, точнее, в истории насильственной исламизации их большей части, до сих пор

проживающей в этом регионе. Эта кощунственная по сути политика продолжалась около ста лет, много тогда погибло и пропало людей.

Это было то время, когда за семь слов, произнесённых на родном армянском языке, что считалось страшной руганью и неповиновением исламу, отрезали язык или убивали, а турок, убивший семерых армян, попадал в рай.

Эти события сопровождались суровым вооружённым противостоянием.

Часть населения была вынуждена покинуть свои очаги. Другая же, большая его часть, приняла ислам. Приняла вынужденно. И никто не имеет права упрекать их за это.

Сами армяне называли их «османли» или «кес-кес» – наполовину христианами, наполовину мусульманами. Их нарекали двумя именами – турецким и армянским: Али-Саркис, Махмуд-Левон, Аслан-Ованес, Кярим-Андраник... Но и многие кес-кес, несмотря на все запреты и наказания, вплоть до смертной казни, тайно справляли христианские верования. Они сумели сохранить своё наречие, культуру и обычаи. Их, для видимости принявших мусульманство, турки называли «тенесурами», что означало ложное веропринятие, и считали изменниками Магомеда, подлежащими обязательному уничтожению.

Наши предки, как мужчины, так порой женщины и даже дети, обученные стрельбе, были в первых рядах тех, кто поднимался в неприступные горы и с оружием в руках до последней возможности воспротивлялся насильственной исламизации. Они из поколения в поколение были воинами, не ведающими страха. Почти все они погибли: кровопролитные бои были продолжительными, ожесточёнными и неравными.

Из многочисленной нашей родни чудом уцелело всего несколько человек. Среди них был и Ованес – наш прадед.

Они, уцелевшие, уходили дальше от родных мест, в горы, уходили всё выше и выше; пробирались по вер-

хушкам вековых могучих деревьев, которые тянулись из глубоких ущелий к свету; переходили по бревенчатым мостам, перекинутым от одного дерева к другому. Потом они преодолевали крутые капоны⁸, пока, наконец, не обосновывались в суровых и неприступных горах. Многие срывались в ущелья. И только единицам удавалось пройти этот путь. А некоторые преодолевали все препятствия даже с детьми, которых привязывали к своим телам.

Здесь, в этих суровых местах, они провели достаточно тяжёлый период своей жизни, и когда относительно спала напряжённость и их почти перестали беспокоить (временно, конечно), спустились вниз.

В годы Сев гета потерялась связь между многими нашими родственниками. Прервалась связь и с саниками – нашими очажными крестниками Раганянами.

Наши предки эту святую обязанность перед Богом выполняли с честью и достоинством.

...Прошло более ста пятидесяти лет. В начале 70-х годов прошлого века, в результате обоюдных поисков, которые из поколения в поколение вели наши предки в течение всего этого времени, наконец нашли друг друга.

Я учился в седьмом классе и хорошо помню тот день: шёл урок родной литературы, когда физрук Седрак Текнеджян просунул свою голову в приоткрытую дверь класса и попросил у нашей учительницы, уважаемой Карзуи Саркисян, разрешить мне выйти «буквально на одну минуту». Я вышел и перед классной комнатой увидел маму, а рядом с ней улыбающегося молодого человека, в котором узнал младшего брата нашего соседа Размика Раганяна.

«Вот, – сказала мама, – это Артуш Раганян. Он долго искал нас и нашёл».

Я, конечно, ничего не понял: как он мог найти нас, если мы не прятались, более того, ещё и часто виделись на нашей улице? И вообще, почему он искал нас и почему мама была так рада успешному завершению его поис-

ковых усилий? Эти вопросы в течение нескольких секунд успели промелькнуть в моей голове.

Я постоял немного, неловко переминаясь с ноги на ногу. Я уже начинал понимать, что случилось что-то очень серьёзное и важное. И не придумав ничего лучшего, повернулся и пошёл обратно в класс, взял портфель и молча, в сопровождении удивлённых взглядов учительницы и одноклассников, вышел из комнаты, от внезапно нахлынувших волнений забыв не только спросить разрешения у учительницы, но и попрощаться. (На следующий день я попросил извинения у нашей учительницы).

Я был очень растерян. Как у нас говорят, «картина маслом начала проясняться» лишь тогда, когда дома рассказали о значимости данного события. Надо же, каждый день видеть дядю Размика, с сыном которого, Андраником, мы учились в параллельных классах, и даже не подозревать, какая замечательная связь объединяет наши семьи!

В тот же вечер мы всей нашей семьёй на американском военном «Виллисе» дяди Размика, кстати, с двухсторонним входным кузовом и брезентовым верхом, поехали в высокогорное село Парнаут, где жила семья Артуша Раганяна в своём отцовском доме. Здесь состоялось наше знакомство со старшим Раганяном – дедом Киракосом и их родственниками, специально приглашёнными на нашу «очень значимую, историческую» встречу. Буквально через несколько дней мы в строгом соответствии с нашими традициями крестили детей Артуша и его жены Оли: дочь Гоарик, сыновей Тиграна и Артура. Так, наконец, была восстановлена эта богоугодная обязанность, принятая нашими дедами. И её сегодня, как и они, с честью и достоинством продолжают мои сыновья – Айк и Тигран.

...Своё родное село Ахрит некоторые уцелевшие наши родственники покинули в трагические годы Сев гета. Им удалось обосноваться в новой горной, практически неприступной местности, которую, в память о родном селе, на-

звали Новым Ахритом. Обосновались здесь сперва Сарецяны, ближайшие родственники нашей прабабушки, всего несколько человек.

Дело в том, что фамилию Сарецян носили предки моего отца по материнской линии.

Настоящая фамилия прадедушки по отцовской линии была Манукян, мужская часть которой, да и женская тоже, с оружием в руках самоотверженно защищалась от убийц и грабителей. Это потом наш прадед Ованес стал Сарецяном: может быть за то, что его, оставшегося сиротой парнишку, приютили соседи Сарецяны и дали ему свою фамилию, чтобы спасти от преследований турецких властей и вооружённых разбойничьих банд после трагедии Сев гета, а может быть и потому, что он некоторое время находился в горах⁹ с взбунтовавшимися односельчанами. Возможно, за то и за это тоже.

Позже к переселенцам присоединились бывшие соседи по старому Ахриту: Торосяны, Мерваняны, Симоняны, образовав небольшое компактное поселение.

Потом наш прадед Ованес женился на замечательной девушке Амест. Вскоре родился у них сын Затик.

Он станет отцом восьмерых сыновей, в том числе и моего отца: Григор, Вардан, Ваган, Ваграм, Айк, Андраник, Аршавир и Аршак. Все они родятся уже в Абхазии.

Но обо всём по порядку.

...Была заветная мечта у нашего прадеда Ованеса и прабабушки Амест – иметь свой светлый и тёплый дом, сложенный из каштановых брусьев, вырубленных и обтёсанных своими же руками, на своём небольшом земельном участке в Новом Ахрите, окружённом вековыми лесами и с трёх сторон отрезанном обрывами, с высоты которого были видны выступы горы Галейджук.

Чуть дальше, над небольшим селом Мала, клубилась вызванная россыпью водяной пыли почти постоянная

(словно корона переливаясь янтарным разноцветьем) радуга от водопада Хурчан, 150-метровую вертикаль которого приступом брали форели краснопятнистые.

Село Новый Ахрит находилось почти в середине – на расстоянии двухчасовой неспешной ходьбы между двумя деревнями – Лагона и Агрый, имевшими каменные церкви и начальные школы: в первой – деревянная, во второй – каменная.

Такая же каменная школа была и в селе Иле, которое находилось юго-западнее Нового Ахрита.

Остальные деревни были в основном турконаселёнными. С некоторыми турецкими семьями наши родственники поддерживали добрососедские отношения, что не раз спасало их от погромов.

Особенно подружились с Махмудом Эмтуллах-беком и Эмером Топчи-оглы, которые со своими многочисленными сыновьями всегда, без промедления, спешили на помощь своим армянским друзьям.

Они жили в селе Кропи, к востоку от Нового Ахрита, на склонах горы Галейджук. В центре этого села находилась екехеци Сурб Аствацацин – церковь Святой Богородицы – с начальной школой.

Через много лет, когда наши обосновались в Абхазии, каким-то чудом сумев покинуть родину на парусниках-«сандалах», названных так по имени дерева, из которого изготавливались, один из сыновей Эмера Топчи-оглы, Исэ, с юных лет друживший с моим дедом Затиком, часто бывал в нашем дедовском доме, где гостил длительное время. Приезжал он в основном к сезону сельскохозяйственных работ, чтобы подсобить своему другу детства. Их дружба вынесла все суровые испытания, в том числе и трагические события геноцида.

(Сегодня я с удивлением думаю о том, каким же чудесным образом потом, когда начались политические репрессии, моему деду удалось избежать сталинско-бериевского

сурового наказания в виде ссылки на Колыму за «связь с иностранной разведкой» в лице добропорядочного Исэ).

Как выяснилось позже, были и такие турки, которые тоже «дружили» с армянами и греками. Но на самом деле они очень внимательно следили за ними и поддерживали тесную связь с разбойниками, были настоящими «стрелочниками» и ждали удобного момента для завладения имуществом «своих друзей».

Одним из таких был Аслан-эфенди со своими сыновьями. Они часто приходили в армянские и греческие дома, пользуясь традиционным гостеприимством и радушием этих людей, клялись в вечной дружбе и верности, ели, пили, веселились... Наивные, наивные наши предки... Как же они безмерно верили сладкозвучно-лживым словам?!

А с другой стороны, как же могли не верить?! Как могли они жить без веры?! Ведь глубокая вера в порядочность людей являлась сущностью их души и крови, она впитана с материнским молоком!

Село Новый Ахрит было копией старого. Посередине села, на небольшой равнине, росли могучие орешины, из-под корней которых били серебристые источники, а неподалёку протекали реки: в старом – Сев-гет, новом – Серагет. Со временем, южнее этой равнины, на удобных, слегка пологих землях, обосновалось несколько турецких семей, количество которых быстро увеличивалось, и вскоре здесь образовалось довольно-таки обширное турецкое поселение. Чуть левее, почти на берегу реки Сера, приютилось более десятка разграбленных греческих семей, которые опасались новых турецких погромов. Они поддерживали очень добрые отношения с нашими родственниками и при необходимости сообща защищались от разного рода посягательств. Сколько же трагических событий пережили трудолюбивые понтийские греки! Они тоже, как и наши предки, вдоволь хлебнули горького лиха, всеми возможными в тех условиях способами спасая свои семьи.

Ахритские мальчишки учились в школе, находившейся в селе Иле. Девочки не ходили в школу. Им было небезопасно проходить через турецкие компактные поселения, здесь могли их похитить и продать в рабство, или же обесчестить и даже убить. Но достаточно хорошее разностороннее образование и воспитание, в том числе и трудовое, они получали в семье от родителей и домашних учителей. И, естественно, они были «очень деловитыми и хозяйственными». И ещё они умели неплохо пользоваться оружием. Так что, через несколько лет эти хрупкие девочки становились подготовленными к семейной жизни трудолюбивыми и скромными невестами. Они глубоко уважали старших, при необходимости отважно защищали свои родные очаги от врагов, которые постоянно угрожали их существованию. Кстати, из-за таких суровых нравов в воспитании трапизонских армян ещё в глубине веков родилась поговорка, употребляемая до сих пор: «В свой дом невесту приводи из трапизонской семьи, но свою дочь в трапизонский дом не отдавай».

Сёла Новый Ахрит, Иле и Верана, которая находилась юго-восточнее от первых двух, образовывали разносторонний треугольник, в середине которого находилось святилище Кукул-кар – огромных размеров камень в форме стола на вершине одноимённой горы. 7-е августа считалось его, Кукул-кара, днём: в этот день категорически запрещалось работать, и жители окрестных сёл – не только армяне, но и греки и даже многие турки – уже накануне праздника начинали подтягиваться к горе Кукул.

Праздник начинался рано утром с богослужения и продолжался до позднего вечера в сопровождении песен, танцев, разнообразных развлекательных игр, шуток и розыгрышей на любой вкус. Люди верили в чудотворную силу святилища и часть принесённых продуктов ставили на Кукул-кар, как бы воздавая должное Всевышнему и освящая своё добро. И в этот день, вкусив священной еды,

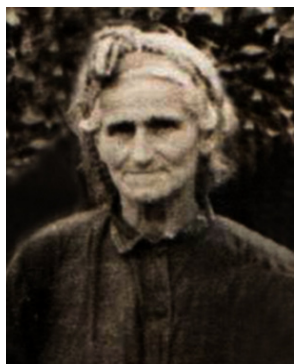
даже враги пожимали друг другу руки, мирились, повинуюсь обычаям предков. И ещё: праздник собирал истосковавшихся друг по другу в течение года родственников и друзей, разбросанных по всему историческому Амшену...

Здесь знакомились молодые сердца, имевшие серьёзные намерения. И если в результате таких знакомств создавались семьи, то они отличались очень крепкими брачными узами, хотя, ради справедливости скажем, что брачные узы у амшенских армян, в особенности у трапизонских, традиционно были крепкими и считались святыми. Более того, у них почти не встречались смешанные браки – в течение веков сложился этот незыблемый обычай для сохранения своей идентичности. И этот обычай сохраняется по сей день, конечно, не так строго, как было раньше. Если вы спросите, с чем можно сравнить тот день святилища Кукула, я отвечу, что хотя бы с водопоем в засуху, когда жажда гонит всех животных к воде, и они вместе пьют воду из реки или озера, стоя рядом и не трогая друг друга! Ведь это святое – утоление жажды!

Есть такая народная мудрость: «Когда человек пьёт, даже змея не кусает». И 7-е августа тоже было своего рода утолением жажды, но ещё большим и значимым, ведь люди утоляли жажду души и сердца.

Всё это рассказывала нене – моя бабушка Элмаст. И ещё она с удовольствием рассказывала о том, почему село было названо Ахритом.

«Да с лёгкой руки нашего прапрадеда Трдата! – каждый раз в сердцах восклицала она, как будто впервые сообщала эту новость.– Как-то где-то за какую-то проделанную работу ему дали большое количество соли, и привёз он её на своём ишаке в село и объявил: «Ах бери битунид омар, арек»¹⁰. Из поколения в поколение рассказывали об этом благородном поступке нашего прапрадеда Трдата, и со

временем его слово «Ах бери» сперва стало крылатым выражением, а затем, с небольшим изменением, ещё и названием села: Ахрит».

– Но ты должен знать, что село было известно и как Манукцоц гех¹¹, потому что первыми там обосновались Манукяны и положили начало селу.

– Нене, а нене, а это правда, то, что ты рассказываешь, или сказка?– однажды засомневался я.

– Не знаю,– честно призналась нене,– так моя нене рассказывала, когда я была такой же маленькой, как и ты. А нене всегда говорила только правду. Потому что она была так воспитана: говорить только правду... И потом: сказка – это самая настоящая правда. Я это хорошо знаю.

Вот это да! Я был очень удивлён тем, что моя нене тоже может чего-то не знать, сомневаться в чём-то.

– Так вот, если даже это сказка, то очень мудрая и глубокая, ведь без соли, как и без хлеба, не может быть жизни на земле. Потому и гостей встречают с хлебом-солью. И ещё,– продолжала нене,– говорят: чтобы понять человека, надо с ним пуд соли съесть. Но я не знаю, съели мы этот пуд соли, или нет? И если даже съели, то большую её часть потом выплакали и смешали с водами Чёрного моря, когда спасались в годы пахепах¹². Это от наших пролитых слёз море такое очень солёное.

Ещё нене с благоговением рассказывала о большом серебряном кресте, найденном моим дедом недалеко от Кукул-кара. Три раза по три пере-

крестившись, она начинала свой неторопливый рассказ.

– Этот крест принадлежал самому Тер Аствацу¹³, – говорила нене, поднимая глаза к небу. – Փշ'ըք Քեզի, Տեր Աստված, Փրկիչ մեր աշխարհիս, – благодарила она, – Слава Тебе, Господи, Спаситель мира нашего.

– Крест Тер Астваца? А как он попал к деду?

– Кукул-кар – это же его, нашего Тер Астваца стол! Проголодавшись, Тер Аствац садится за этот стол, достаёт из хурджина скромную еду и кушает. Те, кто видели его, говорили, что он любит туршу и кукурузный хлеб с лёгким красным вином. И вот однажды он оставил свой крест, а может быть, просто забыл его. Мало ли! У него тоже, гораздо больше, чем у нас, простых смертных, забот, от которых голова точно идёт кругом. Наверное, по какому-то очень срочному делу ему надо было подняться на небо, вот он засуетился и впопыхах забыл свой крест. Вон, уже я всё начинаю забывать, хотя мне всего-то ничего, лет восемьдесят. А как же быть Ему? Ему же столько много лет! А может быть, он просто потерял его? Вот так твой дед Затик однажды нашёл Его крест, когда с другом Исэ собирал ягоды на горе Кукул.

– А сколько много лет Тер Аствацу, нене?

– Не знаю. Так много, что даже сам варжапет¹⁴ Мкртыч не знал.

– А кто такой варжапет Мкртыч?

– О-о-о! Варжапет Мкртыч! Ты спрашиваешь, кто такой варжапет Мкртыч? Он всё знал! Кроме вот этого одного! Он учил не только правильно читать Айббенгим¹⁵, но и пользоваться оружием. Потом, когда начали убивать армян и греков, он взял «мосин»¹⁶ и стал защищать простых людей. Он тоже, как и некоторые другие ктрич тханер¹⁷, сказал, что

за каждого убитого армянина он убьёт десять турок и сожжёт пять турецких домов за каждый сожжённый армянский дом. Вот так! За его голову турки обещали много золота. Говорили, что сам султан – чтоб я похоронила его тогда! – приказал убить нашего варжапета Мкртыча.

– И убили?

– Убили. Есть люди, которые за золото продадут – прости меня, Господи – не только очажную цепь, но и колыбель! Ты даже не представляешь, какое это святотатство, какой это грех – продать очажную цепь и колыбель! Они – начало всех начал, это как корни дерева. Вот что такое очажая цепь и колыбель! Такое святотатство не может быть прощено.

Иногда нене прерывала свой рассказ и шептала «Հայր մեր, որ յերկինս ես» («Отче наш, Иже еси на небесех...»). Шептала и крестилась, как обычно, три раза по три.

– Султан был плохим человеком?

– Он не был человеком. Человек не может быть плохим. Если человек, это уже значит, что он хороший. Плохие – нечеловеки. Султан был самым большим нечеловеком.

Уже потом я обратил внимание на то, что в нашей семье султана никогда не называли ни человеком, ни зверем. «Էն մաշթ չէ, գազանն էլ մեղք է», – говорили наши о султанине. – «Он не человек, и зверя жалко». Со временем это слово распространилось и стало народной поговоркой.

– Нене, а Бог оставил крест или забыл на Кукулкаре? – не унимался я.

– А кто знает, это же дело такое, Божественное! Нам ли знать?! Может быть и оставил, а что, мог же оставить специально, как напоминание о себе? Чтобы люди не забывали, что он, Бог, есть и должен находиться в душе каждого из нас, не только на небе.

А затем, подумав немного, она добавляла, как бы соглашаясь со мной:

– Вообще-то, ты, конечно, прав. Он действительно оставил. Не мог же забыть! Кому-кому, а Богу как-то неудобно было бы забывать свой крест где попало, не к лицу ведь! Хотя, конечно, Кукул-кар не совсем где попало, но всё же. Забывать – не очень Божественное это дело! А вот напоминать – да, его!

– А ты видела тот стол?

– Я не только видела тот стол, я даже сидела за ним, как вот за нашим столом, и ела ёку, запивая слегка подсоленным жирным таном! Сидела там, где сидел Сам Тер Аствац. Я по теплу креста почувствовала его место!

– А где крест, куда его дели?

– Его закопали там, где должны были построить дом, чтобы он был крепким, плотным и светлым, как крест. И четырёхкомнатным, как если бы соединить все четыре стороны креста прямыми линиями. И вообще, ты должен знать, что крест – основа армянского дома, а также всех армянских букв. Вот так крест объединяет армянские дома и армянские буквы. В этом есть большой смысл, великая мудрость, которая Божественна.

– А какой имеет смысл крест Бога? Если я поеду туда, смогу найти его?

– Какое ещё «если»?! Ты должен вернуться туда, чтобы его найти. И твой путь будет освещать свет Того Божественного Креста. О его глубоком смысле я расскажу тебе потом. А пока знай, что свет, который будет освещать твой путь, исходит от тепла очага, место которому на пересечении двух линий креста. И ещё ты должен знать, что это место – самая высокая точка на земле. И если его свет будет гореть в твоей душе, где бы ты ни был, на какой стороне, всегда будешь находиться на самой высокой точке нашей планеты.

Ованес и Амест денно и ночью обрабатывали свой участок земли. Они вставали очень рано, ни свет ни заря, и уходили на небольшую, относительно открытую поляну, где до позднего вечера работали не покладая рук.

Днём прерывались на лёгкий традиционный обед с курузным хлебом, сыром, луком, мацуном или таном.

Они выбрали для своего участка хорошее место, окружённое вековыми деревьями, которые, создавая садозащитные полосы, надёжно, как живая изгородь, прикрывали участок от ветров, метелей, бурь... И ещё, что немаловажно, солнечные лучи падали на участок и, скользя по нему, до позднего вечера не покидали его, проникали в распаханные полосы земли и одухотворяли её. Изнурительный это труд – обрабатывать землю белом¹⁸ и одновременно вытаскивать из неё разнообразные по форме и величине камни, ударами кувалды дробя на более мелкие части. Где-то приходилось выкорчёвывать корни вековых деревьев, сперва оголяя их петатом¹⁹, а потом обрубая лопатой, топором или спиливая ножовкой. И часто приходилось работать на огрубевших коленях, покрытых мозолями так, как были покрыты ими широкие добрые руки пахаря с глубокими до крови трещинами, забитыми землёй, которая как бы срослась с живым мясом.

Амест очищала землю от густых колючек. Она резкими ударами ловко разрезала их «носиком» бейчу²⁰ и собирала в середине участка.

Они, работники земли, хорошо знали, что никак нельзя землю полностью освобождать от камней.

Земля без камней – это уже не земля. Надо запомнить, чтобы передать своим потомкам: камни сохраняют солнечное тепло в земле, они очень медленно двигаются в ней, распространяя его – это тепло солнца. Как это делает кровь в организме человека, согревая его каждую клетку.

Умелым помощником родителей был Затик – жизнерадостный юноша с голубыми глазами. Часто на подмогу

приходил его друг Исэ, сын приятеля отца – Эмера Топчиоглы. Ованес и Амест радовались их дружбе. «В наше время иметь друга – большое счастье, – говорил Ованес, – друг – надёжная спина, опора. Друг даже больше чем солнце, потому что его свет никогда не заходит».

«Вот построим дом, женим Затика на Элмаст. Очень хорошая девушка Элмаст, воспитанная, трудолюбивая. Как раз для нашей семьи. И закурится над нашим домом тёплый очажный дым, и солнце не будет заходить в наших окнах, – мечтала Амест и обращалась к мужу, – Ованес, сразу, когда мы построим наш дом, ты сделай колыбель из каштана. Очажную, переходящую из поколения в поколение. Как вера, как завет предков».

– Дом без очага и очажной цепи, колыбели и колыбельной песни – не дом, – говорила нене.

– Как же может дом быть не домом, нене? – удивлялся я.

– Может, ещё как может. Когда в доме нет колыбели и колыбельной песни, очага и очажной цепи, разве это дом? Если не будет одной из четырёх этих святынь, дом не может быть домом, как крест не может быть крестом без одной из своих сторон. Это будет называться как-то по-другому, но не домом.

– А что же это?

– Так, ну скажем, просто место для проживания. Дом – святилище, освящённое колыбельным песнопением с отблесками очажного огня.

Трудно было понять смысл сказанного нене, но раз она говорила, значит так и есть.

– Ну что тебе сказать ещё, – продолжала рассказывать нене, ловкими движениями рук орудуя на самодельном деревянном ткацком станке для изготовления ковров, который смастерил мой дед со своим другом Исэ. Очень давно смастерил, не то что

до моего рождения, но и задолго до начала войны с немцами, в которой приняли участие пятеро сыновей нене, двое из них, Григор и Ваган, погибли.

К слову сказать, я деда Затика не видел, он умер за десять лет до моего рождения. Как-то в одну очень дождливую и холодную ночь пропала корова – кормилица семьи, и дед до утра искал её, нашёл конечно где-то далеко в горах, но сам заболел и умер.

– Так вот, – продолжала нене, – приглянулись мы с твоим будущим дедом друг другу. Конечно, об этом мы ничего не говорили. Но разве можно такое скрыть? Не буду рассказывать подробностей, скажу только, что мои родители согласились. И почему бы нет, почему бы не согласились? Затик вырос на их глазах воспитанным и трудолюбивым парнем. О таком говорят, что «при его виде солнце заходит».

– А как родители моего деда, они тоже согласились, нене?

– Конечно, они тоже согласились бы, потому что моим родителям не раз говорили об этом своём заветном желании, даже мечтали об этом дне... Но к тому времени их уже не было...

– А где они были?

– Об этом расскажу как-нибудь потом. Так вот, родители-то согласились, но упрямый попался тертер²¹, который вёл службу в церкви села Агрой. Он категорически отказался освятить наш псак²² по причине нашей кровной связи. Он-то не знал, что мы не родственники. Что мы могли поделать? Ничего! Оставалось попытать своё счастье в церкви села Лагона. Но если бы и там «ршїиnr јшї њшпїшr»²³, то пришлось бы её, нашу судьбу, искать ещё где-нибудь, совсем в другом месте. Но нам повезло, тертер церкви Лагоны, вняв нашим слёзным мольбам и заверениям, что мы не более чем однофамильцы,

за небольшой и скромный нвер²⁴ согласился обвенчать нас.

– А почему вы тертерам не сказали, что настоящая фамилия деда другая?

– Ты что?! Об этом нельзя было говорить! Ни в коем случае нельзя было говорить об этом! Если бы турки узнали, что фамилия твоего деда не Сарецян, а Манукян, они убили бы всех нас за то, что мы не только не выдали его, но ещё и поддерживали, и даже приютили. А деда твоего обязательно убили бы. А может быть, и это скорее всего, его оставили бы для матах²⁵ на мусульманском празднике курбан-байрам²⁶.

– Деда как матах?

– Трудно в это поверить, но были и такие случаи, когда некоторые богатые турки в жертву Аллаху приносили христианских юношей, чтобы после всех своих злодеяний попали в обещанный рай.

– Зная это, тертеры могли выдать деда?

– Не знаю, не буду брать грех на душу перед нашим Тер Аствацом,– перекрестившись, как обычно три раза по три, говорила нене.– Времена были смутные, всё было возможно. Убили же варжапета Мкртыча?! Чтобы избежать случайностей, было лучше, чтобы никто не знал настоящей фамилии твоего деда. Ну так, на всякий случай. Мало ли?

Медленно, очень медленно давалась земля своему пахарю, с большим сопротивлением, как бы испытывая его на преданность и прочность! Так знает только большая любовь, самая большая на свете любовь.

Сперва земля бывает очень жадной и недоступной. Это потом она потихоньку, почти незаметно становится щедрой и ласковой,– потом, когда пахарь сумеет доказать свою любовь и благоговение к ней.

Затем земля становится родной, когда начинает чувствовать животворящее тепло крови, исходящее из глубоких трещин рук и ног своего пахаря.

Это чувство обоюдное, потому что обнажённые до крови руки и ноги пахаря тоже начинают чувствовать тепло земли. И уже после этого они, земля и пахарь, проникаются доверием друг друга, начинают тянуться друг к другу с невероятной силой – взаимно-притягательной.

Сколько же было на участке корней и камней. Корни и камни дополняли друг друга, как дополняют друг друга слова и музыка «Песни пахаря»!

Большим деревьям с могучими корнями нужны огромные камни, плотно сидящие глубоко в земле: корни, проникая в её глубину и пробивая преграды на своём пути, в поисках камня медленно и верно движутся вниз и безошибочно находят его. Сперва они нежно прикасаются своими корневыми волосками, затем всё больше и больше прижимаются к нему, потом начинают скользить по краям, обхватывая и опутывая со всех сторон.

– Нене,– спрашивал я,– а как же корни дерева находят камень в глубине земли?

– Они чувствуют солнечное тепло, накопленное в душе камня,– отвечала нене,– и идут на это тепло точно так, как виноградная лоза стремится к солнцу и свету.

– А разве у камня есть душа?

– Есть, балик джан²⁷, конечно есть. Порой она болит так же сильно, как болит душа человека. И даже сильнее болит, когда боль становится больше самого камня, он в отчаянии начинает трескаться, лопаться, как человеческое сердце от инфаркта.

– И когда же болит душа у камня?

– По-разному бывает. Но чаще болит от сравнения с чёрствыми и злыми людьми, о которых гово-

рят, что у них вместо сердца камень. Вот почему обидно и больно становится камню, до самых глубин души обидно и больно.

У каждого дерева есть свой камень, именно свой. Иногда бывает и так, что корень безразлично проходит мимо какого-то камня, потому что этот камень – не его. Так поэт выбирает слова своей песни, художник – краски, музыкант – звуки.

И каждое дерево выбирает свой камень. И чем больше камень «свой», тем плотнее корни опоясывают его, иногда даже врастая в плоть, проникая в её глубины. У камня тоже есть своё дерево. Когда дерево и камень находят друг друга, у них создаётся своя семья. Всё как у людей. Дереву с такими корнями не страшны ни бури, ни ураганы...

Попробуй-ка оторви его от родной земли! Не оторвёшь! Никогда не оторвёшь, как бы ни старался. И если даже вырубешь топором, всё равно, корни дадут новые ростки, новые побеги. Чем больше будешь вырубать, тем больше будет ростков. Это закон природы – размножаться всё больше и больше, всё чаще и чаще, чтобы сохранить себя.

Корни и камни. Они не могут друг без друга.

Люди тоже, как деревья, пускают свои корни. Без глубоких корней не бывает чувства родины. Дерево может упасть даже от незначительного ветра, если корни поверхностные, придаточные. Да разве корни бывают поверхностными? Никогда! Корень должен быть главным, который развивает-ся из зародыша!

Вот и наши предки Ованес и Амест старались пустить свои зародышные корни, врезаться в эту святую землю и в её глубине найти свой камень, который удержал бы, спас бы их от всех жизненных невзгод.

Земля освобождалась от камней, которые впритык укладывались друг к другу и друг на друга вокруг участка, становились забором, поднимались всё выше и выше: внизу укладывались крупные валуны, на них плотно ложились более мелкие, – умело переплетались, как люди, подставляя друг другу плечо, чтобы не упасть, не рассыпаться. Самые крупные камни шли под фундамент деревянного добротного дома, который потом будет сооружён с небольшим отступом в передней части участка. Вот так со временем образовался уютный, покрытый густой травой двор, по краям которого Амест разбила цветочник, соорудила из белых камней разнообразные клумбы. Из таких же камней были проложены дорожки во дворе и в саду. За домом зеленел ореховый сад с аккуратными, ряд в ряд, саженцами. Реализация ореха в Трапизоне сулила неплохую выгоду. Можно было не только оплатить налоги, но и отложить часть выручки на женитьбу сына – Затика.

Для себя и частичной реализации, уже на отдельных небольших грядках, выращивали лук, баклажаны, перец, помидоры, фасоль, зелень...

Всё это было необходимо ещё и для приготовления солений – обязательного запаса на зиму.

Были и другие заготовки, для приготовления которых на склонах гор собирали бухр и тошт²⁸. Их было много на склонах Галейджука, куда наши поднимались вместе с соседями – греками и друзьями-турками.

И не было ничего удивительного в том, что дрова, заготовленные для топки из вырубленных деревьев, аккуратно, ряд в ряд, уже были уложены недалеко от дома в специальном сарайном помещении рядом с коровником: это помещение называлось «хичаноц», т.е. местом для всякой всячины, необходимой по хозяйству.

Рачительный землепашец загодя, практически в течение всего года готовится к следующей зиме, иначе она обязательно застанет его врасплох.

– Нене, а почему зима наступает неожиданно? Люди не знают, что после осени идёт зима? Это же знают даже дети, которые в школу пока не ходят. А взрослые не знают?

– Знают, как не знают. Но знать – это ещё не значит быть готовым к её приходу.

Для человека, не заготовившего про запас дрова, продукты питания и тёплую одежду ещё летом, зима всегда наступает неожиданно. Вот вырастешь, пойдёшь в школу, выучишь басню о муравье и стрекозе, тогда поймёшь, что значит наступление неожиданной зимы. Для лентяев зима всегда наступает некстати. Говорят же люди: «Неожиданно, как снег на голову». И чтобы снег неожиданно не выпадал на голову человека, к зиме надо готовиться летом. А к лету умный, дальновидный человек готовится загодя, ещё зимой.

Ко всему надо готовиться вовремя. Жизнь так устроена.

Потом ты поймёшь, что и в жизни человека порой наступает зима. Эта суровая зима наступает в любое время года, даже жарчайшим летом.

Вот к этой зиме, зиме жизни, надо быть готовым особенно.

В тот злополучный день Затика не было дома. Он всегда вставал очень рано, а на этот раз встал ещё раньше, взял несколько плотных тканевых мешков и пошёл к своему другу Исэ. Они накануне договорились вместе с другими соседями подняться на склоны горы Галейджук для сбора тошта и бухра. Их там всегда бывало очень много: крупных листьев, с шумом и колыханием гонимых ветром всё выше и выше, к вершине горы. Затика казалось, что зелёное море поднимается на гору, готовую, как птица, вспорхнуть, и вот-вот оно отцепится от её крепких крыльев и, сорвавшись, обрушится вниз.

Из упругих стеблей тошта и бухра получалось замечательное соленье, а из крупных листьев рачительные армянские хозяйки готовили отвары и кашицы для лечения некоторых заболеваний. Вот такие замечательные были дички! Надо было запастись заготовками на зиму и даже на первую половину весны. Лес кормил и лечил одновременно. «Будет кукурузная мука, значит, будет хлеб, будет сыр и зелень, ещё соленье – и никакая зима тебе не страшна», – говорили наши предки.

Ованес и Амест работали на своём приусадебном участке, когда перед их каменным забором появились вооружённые всадники: это Аслан-эфенди с пятью сыновьями-башибозуками²⁹ пожаловал в гости к «своему кардашу»³⁰ Ованесу, очень обрадовавшемуся их приезду, потому что они были дорогими людьми в этом доме, где их всегда встречали с хлебом-солью. Ещё бы: также с помощью Аслана-эфенди и некоторых других влиятельных турецких друзей Ованес и Амест освободились от унижительного положения кёчебэ или мераба; так называли безземельного крестьянина в Турции, кому запрещалось иметь собственный дом, а значит и вести хозяйство.

Может ли быть более оскорбление и унижение для человека, почитавшего родной очаг и землю?!

Не было ничего удивительного в том, что гости были вооружены, ведь в те смутные времена, когда в лесах бродили шайки разбойников, которые не упускали удобной возможности для неожиданного нападения на безоружных людей с целью ограбления (часто такие ограбления заканчивались убийствами «неверных»), оружие было необходимо для самообороны. Тем более, что сыновья Аслана-эфенди были башибозуками. Но здесь надо сделать одно существенное и необходимое уточнение: если мусульманское население было обязано иметь оружие, то остальным (особенно армянам) за это грозило суровое наказание, вплоть до смертной казни. И, естественно, они были совершенно бесправными и беззащитными.

Самой главной и страшной виной христиан уже было то, что они родились гягурами – неверными. Всё остальное имело второстепенное, а точнее, вообще не имело никакого значения; когда армянину запрещалось даже вступать в спор с мусульманином, не говоря об отстаивании своей правоты, стоило ли говорить о каких-то правах? Конечно, многие армяне тайно хранили оружие, но использовали его только в исключительных случаях, когда не оставалось другой возможности для решения вопроса, касающегося своей жизни и смерти или же близких. Лесные разбойники знали это и особо не старались соваться в армянские дома, довольствовались лишь мелким воровством овощей и фруктов, а более «отчаянные» ещё и скотокрадством и нападением на людей в стороне от посторонних глаз.

– Гостей принимаешь? – крикнул Аслан-эфенди поспешившему к ним навстречу Ованесу.

– Гость от Всевышнего, эфенди! Мой дом – твой дом! На нашей голове имеет место! – общепринятым приветствием встретил гостей Ованес, – заходите домой. Ваш приход большая честь для нас. Спасибо, что уважили.

– Домой заходить не будем, ещё успеем. Сядем во дворе на чистом воздухе, под орешником.

– Как пожелаете, эфенди. Здесь свято ваше желание.

Амест уже накрывала пристроенный к орешнику небольшой стол, доставая из кладовки традиционные для амшенской кухни яства. А как же: всё самое лучшее, всё самое вкусное сохранялось для угощения дорогих гостей: так было принято в каждой армянской семье. Сами хозяева могли жить впроголодь, но сохраняли как зеницу ока этот «неприкосновенный запас». Гости набросились на еду так, как будто голодали неделями. С удовольствием и жадностью пили янтарное вино и закусывали, аппетитно причмокивая и облизывая жирные пальцы.

– О, Ованес, – сказал уже слегка захмелевший Аслан-эфенди, – вы, как я погляжу, время зря не теряете. Всё готовитесь и готовитесь, никак не угомонитесь...

– Да, конечно, время не терпит,– ответил Ованес,– к зиме готовимся. Время торопит,– повторил он.

Наивный земледелец, он пока не мог понять, к чему клонит Аслан-эфенди.

– Да, конечно... К зиме...– усмехнулся эфенди,– мы знаем к какой зиме вы так усердно готовитесь...

Он выпил ещё один стакан вина, бросил в рот жирный кусок кавурмы:

– Эти каменные стены тоже к зиме?.. Знаем мы вас, гявуров: что вы, что греки – все вы шайтаны, из одного теста сделаны. Всё что вы делаете, всё вы делаете против нас. И все самые лучшие участки ваши, все плодородные. И лучшие дома ваши... Всё, всё ваше... Мы ничего не имеем. И всё вам мало, всё вам всегда мало... Всегда вам чего-то не хватает...

– Ты же знаешь, что эту землю мы на коленях обрабатываем с женой и сыном,– попытался объяснить Ованес,– это она сейчас такая, щедрая... И дом мы построили своими руками...,– он показал свои мозолистые руки.

– Как ты сказал: мой дом – твой дом? Так же ты сказал?

Ованес хотел ответить, что когда приходит гость, значит, с ним приходит и сам Бог. Но потом решил, что не стоит повторять известные всем избитые слова о традиционном почитании гостя: неужели Аслан-эфенди и его сыновья не знают об этом? Знают, конечно, знают, как могут не знать! Аслан-эфенди помолчал немного, потом ещё раз негромко, как бы для себя, повторил слова Ованеса: «Мой дом – твой дом». Налил ещё один стакан вина и продолжил, как бы размышляя вслух:

– На нашей голове имеее место...

Он усмехнулся, оглянулся вокруг и громко сказал:

– Говорите: «На нашей голове имеее место», как будто вы здесь хозяйева, а мы, вот, видите ли, гости; говорите: «Мой дом – твой дом», а сами строите крепость, во-о-он какие стены отгрохали! Отсюда вся округа видна, как на ладони она видна, отсюда можно наших отстреливать как

беззащитных куропаток... Это даже не стены, это – самые настоящие баррикады для целой сотни! И продукты на целую сотню заготовили, аж на всю зиму! И даже источник есть у вас! Все условия создали для своих армян и друзей греков! Ешьте, пейте и убивайте наших из этих надёжных укрытий, вот так, да? А ещё говорите, что мы дорогие гости, что мы на вашей голове имеем место, что ваш дом – это наш дом... Умеете красиво говорить, что верно, то верно.

Сыновья Аслана-эфенди согласно кивали головой и кровью налитыми глазами сверлили Ованеса, который уже начинал понимать всю серьёзность ситуации, которая не сулила ему и Амест ничего хорошего.

– Конечно, твой дом – мой дом. А чей же ещё? Ты думаешь, что я просто так помогал тебе стать собственником земли, обзавестись хозяйством?! И не только тебе. И твоему другу греку Харитону тоже. Не-ет. Я помогал, чтобы вы получили землю, обработали её, построили добротные дома, которые потом станут нашими – моими и моих сыновей. А как же иначе? Вон у меня сколько сыновей. Видишь? Не оставлю же я их бездомными... Ты же лучше меня знаешь, что дом – самое главное богатство в жизни человека. Уже для нас тоже. Это вы, армяне и греки, научили нас дорожить домом.

Аслан-эфенди помолчал немного и добавил с ядовитой усмешкой:

– И знайте, что ни один предатель, даже если он турок, не сможет помочь вам.

Он явно имел в виду Махмуда Эмтуллаха-бека и Эмера Топчи-оглы:

– Придёт время, и мы с ними тоже разберёмся.

Аслан-эфенди засмеялся громко и торжествующе, стоя перед Ованесом, преисполненный чувством собственной значимости и достоинства. Вдруг он размахнулся и со всей силы ударил по голове Ованеса кнутом с деревянной ручкой, сплетённым из воловьих жил.

Ованес почувствовал резкую обжигающую боль, пролившую дорожку пульсирующей огненной змеёй от спины по голове до лба. Сильный удар рассёк кожу, началось кровотечение. Ованес двумя руками схватил Аслана-эфенди за горло, и его пальцы сами стали сжиматься.

Это было чем-то вроде мёртвой хватки. Она возможна всего один раз в жизни человека, потому что в ней без остатка сливаются воедино боль, ненависть, презрение, уверенность в своей правоте и любовь к жизни.

Такая хватка в течение нескольких секунд полностью вбирает в себя энергию человека, отпущенную Всевышним на всю его жизнь, и после её внезапного использования организм человека моментально истощает все свои ресурсы и через небольшой промежуток времени умирает.

Раздался сдавленный стон, переросший в хрип, который вскоре прекратился.

Ованес почувствовал тяжесть, которая тянула его руки вниз и медленно увеличивалась. Одновременно она, эта тяжесть, становилась противно-брезгливой.

Пальцы Ованеса стали разжиматься... и тяжесть рухнула на землю, прямо перед его ногами...

Это было бездыханное тело Аслана-эфенди.

Руки Ованеса вдруг стали лёгкими-лёгкими, как наполненные воздухом и зовом высоты крылья птицы перед полётом. Стоило только взмахнуть ими, и Ованес вспорхнул бы ввысь величественной птицей, но...

Раздался выстрел. Следом второй – как отголосок первого.

Это один из сыновей Аслана-эфенди выстрелил в спину Ованеса.

Следующий, напав, выстрел уже в стрелявшего башибозука произвела Амест, вышедшая из-за дома с «мосином» в руках, припрятанным там в специальном тайнике. От перенапряжения Ованес не чувствовал боли. Всё его внимание было направлено на Амест.

Конечно, она с детства была обучена меткой стрельбе, но силы были неравными.

Амест успела выстрелить ещё раз...

– Шайтан, шайтан, – смутно дошли до Ованеса отчаянные крики башибозуков, – она убьёт всех нас... Она шайтан... О, Аллах, Аллах...

Ответным выстрелом один из них ранил Амест в руку. Тут же чёрные две пары рук схватили её... Ованесу вдруг показалось, что край горизонта начинает взбираться вверх, на гору Галейджук, а потом и выше. Медленно, очень медленно за ним вверх пошла сперва сама гора Галейджук, а затем и водопад Хурчан с короной радуги, которая переливалась янтарным разноцветьем.

Потом перед глазами Ованеса вспыхнуло солнце. Но почему с жаркими языками пламени? Почему?! Оно, это вдруг вспыхнувшее солнце, затрепетало и вырвалось из чёрных оков ночи. Оно устремилось в сторону дома, дверь которого широко распахнулась, пропустив его, и тут же закрылась перед чёрными силуэтами ночи, став границей между тьмой и светом... А может быть, добром и злом? Галейджук и Хурчан уходили всё выше и выше, за собой увлекая вверх и край леса, и каменные стены, и солнце, которое всё увеличивалось и увеличивалось, полыхало совсем рядом с орешником. «Сейчас начнётся камнепад, – мелькнуло в голове Ованеса, – потом огонь с земли начнёт падать вниз – прямо в небо...»

До сознания Ованеса доходили ржавые обрывки слов, бьющих каплями тяжести крови:

– Она подожгла... мой дом...

– Нет, мой... мой дом... это мой дом горит...

Ованес понял, что это горит его и Амест дом. Это она, его скромная, как и своё имя, Амест³¹, горящей собой подожгла дом – добротный, светлый дом. Подожгла, чтобы он никогда не стал турецким. Она подожгла свой дом, чтобы сохранить его армянским. Горел дом, горела колыбель. В этом доме должен был родиться мой отец. Потом

в этом доме должен был родиться я. Здесь должна была прозвучать колыбельная песня моей мамы: «Орпрр, ршцрц, орпрр» (спи, малыш, спи). И вдруг из горящего дома вместе с клубами огня вырвалась наружу колыбельная песня, без которой дом не может быть домом. И эта песня прозвучала-таки в доме Ованеса и Амест. Звучала колыбельная песня и горела в огне. Горела и звучала. Потом она стихла. Наступила какая-то странная тишина, которая вместе с домом горела в огне и трещала, трещала. Тишина с треском горела в огне. Ованес чувствовал это горение.

Земля уже поднялась вплотную к Ованесу, полностью прильнула к нему и обняла его, почувствовавшего, как уходят боль и усталость куда-то ... вверх, в поднявшуюся землю, вместе с уходящим от неё в небо водопадом Хурчаном. Вместе с дымом и последними переливами смолкнувшей песни. Он лежал с распростёртыми руками; как под горящим домом лежал серебряный крест Бога, найденный на Кукул-каре. Земля не отпускала его. Она всё сильнее и сильнее притягивала к себе тело своего пахаря, за которым, там, внизу, голубело небо. Только небо, больше ничего. Земля крепко держала своего пахаря, чтобы он не упал вниз – в небо... Потом прогремел гром, тут же прогремел ещё раз. «К дождю, – обрывком сознания мелькнуло в голове Ованеса, – земле нужен дождь. Станный дождь, который пойдёт снизу вверх». Но дождя не было.

Нет, это были выстрелы, с грохотом ударившиеся эхом о гору Галейджук и камнепадом покотившиеся по её склонам. Эти склоны помнили тепло босых ног Ованеса и свет лучащихся глаз Амест. Запомнили и помнят до сих пор.

– Это один из сыновей Аслана-эфенди, младший, башибозук Абдулла, воспользовавшись удобной ситуацией, застрелил своих братьев, таких же башибозуков, как и он сам, – рассказывала нене. – Вот так ему удалось прибрать к своим рукам всё богатство своего отца. Люди говорили, с его слов

конечно, что он тогда очень обиделся на своих братьев, когда те «делили» между собой горящий дом твоего прадеда, а о нём даже не вспомнили. Делили, да не поделили. Каждый считал, что это *его* дом горит. Постепенно мы узнавали подробности произошедшего, потому что Абдулла на пьяную голову рассказывал, хвастаясь о своём геройстве здесь и там. Он был очень доволен тем, что в одночасье избавился и от отца, и от братьев. И ещё он «благодарил»... Ованеса и Амест, которые «помогли» ему в этом. Это было в то время, когда уже начинались очередные, самые жестокие и масштабные погромы армян. Многие армяне уходили в горы и леса, где скрывались от убийц и грабителей.

– Прятались, чтобы турки не находили их, не убивали?

– Да. И прятались, и боролись с оружием в руках. Эти мужчины, мы их называли *фидаи*³², защищали женщин, детей и пожилых людей, но турки их считали просто разбойниками и бандитами – эшкия, которые жили по своим суровым, но справедливым законам. Они, эти «эшкия», были, вынужденно!, не будем скрывать, очень жестокими и в то же время справедливыми. Вернее будет сказать: до жестокости справедливыми и к врагам, и, к сожалению, к своим тоже.

– А почему вынужденно и к своим?

– Иначе погибли бы все.

– Расскажи о них, нене, – просил я.

– Суровая судьба выпала на долю *фидаи*. Человек-жертва, человек, отказавшийся от себя во имя благой цели: вот значение этого слова. На самом деле эти люди были простыми тружениками земли, орошавшими её своим потом. А потом они встали на её защиту, не менее обильно проливая свою

кровь, защищая свои очаги от убийц и грабителей. Но сами никогда не стали убийцами и грабителями, потому что не трогали женщин, детей, стариков и честных турок. Фидаи были благородными мстителями. Часто безоружные, они создавали небольшие мобильные группы самообороны, уводили женщин, детей и стариков в неприступные горы и дремучие леса, скрывали там этих несчастных, голодных и холодных людей, спасая от полного физического истребления. Фидаи давали клятву, в которой были такие слова: «Отныне моей подушкой будут армянские горы, а заветным желанием – умереть за свободу своей родины». За нарушение этой клятвы полагалась неминуемая смерть.

В первое время люди надеялись, что всё образуется, и они в скором времени вернутся к своим родным очагам. Но очень быстро эти надежды начали рассеиваться. Изменилось и само фидайское дело, оно стало более многогранным, более обдуманым и ответственным. Одной из главных целей фидаи, кроме вооруженного сопротивления, стал поиск осиротевших детей, женщин и стариков, которые прятались в лесах и горах. Этим важнейшим делом фидаи занимались регулярно, в промежутках между боями, были и специальные люди, которые занимались только спасением людей. Беженцев они разными путями переправляли в безопасные места: наиболее удобным и доступным местом для поселения амшенских армян была Абхазия. Переправляли сюда по Черному морю на лодках, именуемых в народе «сандалами», ты это знаешь. И хотя многие становились жертвами разбушевавшихся морских волн и убийц-преследователей, немало было и тех, кто все же достигал абхазского берега спасения и надежды. Здесь абхазы, сами сполна

хлебнувшие горя в годы махаджирства³³, сделали всё возможное для размещения наших соотечественников в безопасных для их жизни местах. А размещали их в основном в горной местности, вдали от прибрежных районов, т.к. беженцы, да и сами приютившие их абхазы не в меньшей степени, опасались нашествия турецких убийц и грабителей, которые преследовали как армян, так и греков, навсегда покинувших свои очаги. Турки грабили и местное абхазское население.

– Греки и абхазы были на стороне армян?

– Да. Потому что они тоже в своей истории очень сильно пострадали, не меньше нашего. Они тоже, как и мы, очень-очень хотели жить. Их тоже убивали, депортировали, грабили. Не только убивали. Уничтожали! Представь: вот огромный вековой лес. Для его уничтожения, сколько бы ни старались, мало деревьев вырубать, потому что корни опять и опять будут давать побеги, пробивающие любые препятствия. Чтобы полностью уничтожить лес, надо выкорчевать, вырвать деревья с корнями. Вон, наш Миша³⁴ рассказывает о махаджирах. Ты же помнишь его рассказы. Мы тоже, я и твой дед Затик, когда уже не было никакой возможности оставаться на нашей родине, с несколькими, такими же обездоленными семьями, нашли убежище на абхазской земле. Мы поселились там, где сейчас живём. Видишь, какие здесь красивые места?! Чем-то напоминают наш Эргир: горы, вековые деревья, эвкалипты, источники... И море отсюда видно, как на ладони. Смастерили мы здесь «плетёнку», замазали её красной глиной, получилась кухня с очагом и очажной цепью посередине для подвешивания котлов над огнём, в которых варили нехитрую еду... И ещё, мы, конечно, смастерили очажную колыбель, на которую падали отблески очажного

огня.— Нене тяжело вздохнула из глубины души, которая таила в себе много горя, страданий и нежности: «Эй вах!» и перекрестилась три раза по три.

— Вот что делали с нами,— сказала она,— нас выкорчёвывали. Вернее, хотели и до сих пор хотят выкорчевать наши корни. Но как же быть с корневыми камнями? Они ведь вечны. Как же быть с Божьим крестом, зарытым под фундаментом дедовского дома? Сейчас ты понял в чём его смысл? Можно убить тело. Но как же быть с духом? Ведь сказано же в Святой Книге: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить». Сместилась ось земли, а мы всё хотим и хотим ровно и твёрдо стоять на собственных ногах...

...Остаётся добавить, что все свои рассказы нене начинала и заканчивала так: «Сам турок три раза по три проклят, да благословенно его слово».

— Как же может быть благословенным слово турка, который три раза по три проклят? — интересовался я.

— Его слово так же благословенно, как и наша земля, которую он постоянно отнимает у нас. Потому что наше Слово тоже он отнимает у нас постоянно.

И ещё нене говорила, что она очень хочет, чтобы кто-то из нас обязательно стал писателем «как наша тётя Эльпис»³⁵ и написал «нашу жизнь на бумаге пером».

— Её пера боялись все,— с особой гордостью сообщала нене и при этом обязательно поправляла осанку.

— Даже султан?— спрашивал я.

— Да, даже самый большой нечеловек,— подтверждала нене.— Чтоб я похоронила его тогда.

— А почему тётю Эльпис боялись все?

— Потому что она имела «Гитару» и очень сильно была «Гитарой» тех, то жил не по законам Божьим. Потому что Бог может не быть с тобой, но ты обязательно должен быть с Богом.

Послесловие к рассказу

Одним из фидаи, кто до самой последней возможности, буквально на грани жизни и смерти, оказывал героическое сопротивление вооруженным турецким военным и бандформированиям, мардаспанам³⁶ разных мастей, был Григор Ованесович Тепулян, родом из села Тоницлух³⁷.

Он вместе со своим небольшим отрядом до марта 1919 года сражался с теми, кто грабил и убивал мирное армянское население, и спасал тех, кто нуждался в помощи: женщин, детей и стариков. На его счету сотни спасенных жизней! Он их тайком, разными путями, в основном по морю, переправлял в Абхазию и Россию. Для этого использовалась любая возможность: от шантажа и запугивания вплоть до подкупа проводников и капитанов парусников, которые за довольно-таки высокую плату выполняли такие, скажем прямо, очень рискованные задания.

Конечно, не все капитаны и проводники были добронормальными: в самом начале переселения некоторые из них брали плату за перевоз, но сообщали турецким властям или бандгруппам о предстоящей отправке беженцев, или отплыв на некоторое расстояние, просто убивали беззащитных людей, топили в море.

Когда фидаи по выработанной схеме начали узнавать о таких трагических случаях, обязательно находили и сурово наказывали предателей-«проводников», по вине которых несчастные беженцы так и не доходили до берега спасения.

После таких фидаинских судов, скажите, какой проводник-капитан, пусть даже с огромным камнем ненависти к армянам за пазухой, рискнул бы косо взглянуть на беженцев?!

Григор Тепулян имел свою небольшую группу, которая называлась просто: хумб. Сам он был хмбанетом – руководителем группы и через специальных, очень надёжных, проверенных в серьёзном деле людей поддерживал связь с другими такими же группами, в том числе и греческими.

Греки называли его Хорхор Тепул, на свой лад переименовав имя и сократив фамилию. Для армян он был Тепул Киркор. Турки же называли его Хент (Неистовый) Киркор. Наши и греки поддерживали друг друга, часто проводили совместные вылазки против превосходящих сил турецких регулярных войск и бандитских отрядов.

«Покровительство» Тепула Киркора не распространялось на тех, кто мог держать оружие в руках и воевать против врагов, ибо, по его мнению, тот, кто мог держать оружие, должен был его твёрдо держать, как он и его друзья, воевать, защищать, спасать... Иначе он их считал предателями, личными врагами и, в лучшем случае, трусами.

Через много лет о его жизни рассказала моя жена Гоар – внучка Григора Ованесовича Тепуляна.

Насыщенная судьба выпала на его долю, героическая, и в то же время трагическая.

Когда в школе изучали произведение «Айк и Бэл» Мовсеся Хоренаца³⁸, посвящённое восстанию прародителя армян Айка Лучника против халдейского родоначальника Бэла Титанида, в образе Айка живо представлялся Григор Тепулян; как и Айк, он был высоким, статным, голубоглазым и светлым; как и Айк, поразивший порабодителя армян Бэла Титанида своей трёхкрылой стрелой, он всего себя посвятил борьбе против врагов армянства и ни на йоту не отступил от этой главной стези своей жизни; как и Айк, основавший небольшое поселение – дастакерт, он своими руками построил несколько каменных домов для дочерей и сыновей, в которых сейчас живут его многочисленные внуки и правнуки. А камни, обтёсанные своими руками, он на арбе привозил из высокогорного села Азанты.

Он был волевым, упорным, очень строгим и одновременно добрым человеком.

Странно, но фидаинская, богатая лишениями жизнь не ожесточила его и не убила в нём веру в силу добра и справедливости: наоборот, сделала его очень ранимым, чувствительным, нежным и внимательным, ценящим даже самые незначительные радости жизни, которые «нет-нет да случались в глубоком и глухом лесу».

Григор Тепулян отличался исключительным трудолюбием, он ценил не только свои дни, но и часы и даже минуты.

Начатое дело обязательно доводил до конца и никогда не оскорблял своё время праздностью и леностью души и тела.

У него всегда были заготовлены в большом количестве ореховые прутья, и когда во время пусть даже очень тяжёлой и изнурительной работы садился передохнуть, он своим специальным острейшим ножом-наджахом выстругивал тонкие гибкие рейки для плетения калатов – широких и глубоких корзин, в которые складывали аккуратными штабелями собранные на плантациях широкие табачные листья. Плёл калаты за небольшую плату по заказу табакосадов.

Вот так он работал и отдыхал, чередуя тяжёлый труд с более лёгким; и эту «лёгкую» работу считал отдыхом, да ещё и с материальной пользой.

Единственным исключением было воскресенье: в этот день он никогда не работал, ничего не делал. Нарушение этого неписаного закона он считал большим грехом.

Часто в Сухуме к нему в гости приезжали его друзья по фидаинской жизни, – как и он высокие и статные: Аветис Аветисян, Мисак Топчян, Пашиян (к сожалению, запомнили его имя), Аракел Арзуманян (он был племянником Назели – жены Григора Тепуляна. Хотя Аракел Арзуманян был сыном брата Назели, но они были одногодками, ибо брат был на много старше своей сестры) и другие одноклассники.

Приезжал, правда, редко, и близкий родственник Назели – Артин Арзуманян: знаменитый фидаи Кучук (Короткий)

Артин, которому посвящены многочисленные публикации в разных изданиях. Частым гостем был и дядя Григора – Амбарцум Тепулян: один из активных участников боёв по самообороне. Они вспоминали былое время, рассказывали интересные истории из фидаинской жизни, проведённой в горах и лесах. Иногда переходили на полутурецкий-полуармянский, употребляли незнакомые слова, известные только им, но по выразительности глаз, движениям рук и интонациям голосов было понятно, о чём, о каком эпизоде говорили, о грустном или весёлом. Поражало то, что эти люди, находясь на грани жизни и смерти, не теряли чувства юмора: оказывается, даже в тех экстремальных условиях они шутили, смеялись, «подкалывали» и разыгрывали друг друга, играли в нарды. Но самое главное то, что они обучали чтению и письму своих детей, которых сумели каким-то чудом сохранить. Правда, этим важным делом в основном занимались «освобождённые от воинской повинности» старшие женщины. Они в свободное время рассказывали своим детям и внукам сказки, притчи и предания, пели колыбельные. Благодаря им наш народ сумел сохранить уникальное и богатое устное творчество амшенских армян.

Я уверен: именно это помогало им оставаться людьми, достойными восхищения и глубочайшего уважения.

Эти встречи, как правило, заканчивались танцем, всегда одним и тем же. Его можно было назвать одновременно танцем рождения и смерти, танцем веры и неверья... Можно было назвать выстрелом и взрывом... Танцем возмездия... Это был танец единения духа человека и пробуждения природы. Каждый воспринимал его по-своему, потому что это был только их танец, и кроме них никто, ни один гениальный танцор, не смог бы его исполнить: они жили в этом танце и танец жил в их крови.

Это был тот танец, который они исполняли после боя. Неважно какого: выигранного или проигранного.

После каждого...

...Григор и Назели с юных лет приглянулись другу другу. И какое для них имело значение, что солнцеликая Назели была из богатой семьи, а голубоглазый Григор, наоборот, из бедной. Но родители Назели твёрдо решили выдать свою дочь за другого соседа, очень богатого и, кстати, хорошего человека. Решение было окончательным и даже не обсуждалось. Ведь тогда мнение молодых, к сожалению, никого не интересовало, такой серьёзный вопрос решали только старшие, а точнее, решал глава семьи.

Вот и наступил день свадьбы. В сопровождении весёлой музыки прибыли сваты. Во дворе дома Арзуманянов начался зажигательный и продолжительный танец подносов. Кто-то верёвкой перерезал дорогу гостям, за проход требуя подарки... Уже шла традиционная бойкая торговля за выкуп украденной туфельки невесты... В стороне от весёлой толпы стоял хмурый Григор в окружении друзей-острословов, которые «ядовито» подшучивали над ним:

– Эх ты! Да какой же ты Тепул Киркор, если на твоих глазах уводят твою невесту, а ты стоишь бесчувственным столбом, как ни в чём не бывало! Какой позор и унижение! И не только для тебя, но и для нас тоже! С землёй сравнял ты нашу честь, наш авторитет! Как же мы будем людям в глаза смотреть! Эх Киркор, Киркор!.. Что же ты натворил?!

Нет, не выдержало сердце Григора издевательств друзей. А может быть, в его душе созрел какой-то отчаянный план, и он незаметно для собравшихся покинул свадебный дом.

Можно только догадываться, какие мысли и чувства одолевали Григора, как они, словно когтями, скребли-терзали его душу и сердце.

– Так-то лучше,– засмеялись друзья, когда заметили его исчезновение,– не так будет больно... А

вдруг сердце доброго молодца не выдержит, мало ли что может случиться... Дело-то тонкое.

Буквально через несколько минут раздалась душераздирающие крики женщин:

– Пропала! Помогите! Пропала невеста!.. Назели пропала...

– Неужели башибозуки похитили её?..

В доме Арзуманянов началась страшная паника.

Но вскоре выяснилось, что никакие башибозуки не похищали невесту: это Григор приставил лестницу к заднему окну комнаты Назели и через окно похитил её. И пока люди приходили в себя от шока, даже след его коня простыл.

Скажем, что тогда Григору было восемнадцать лет, а Назели – всего шестнадцать.

Семья Арзуманянов во всеуслышание объявила Григора врагом своего большого рода, перед всем миром оскорбившим их намус (честь), унизившим его до земли, и заявила о кровной мести.

Никто не знает, чем бы закончилась эта история, достойная перу великого Ованеса Туманяна, написавшего близкую по сюжету поэму «Ануш», если бы суровая действительность в виде общенациональной беды, обрушившейся на армянский народ, не помирила Арзуманянов с Тепулянами и их многочисленных сторонников.

Младотурецкое правительство приступило к массовому уничтожению армянского населения.

Начались повсеместные погромы, депортация, убийства, похищения...

Кто, если не Григор, встал бы на защиту своих соотечественников?!

И он создал небольшой хумб из своих, надёжных и таких же отчаянных, как и сам, друзей, в состав которого вошёл и его «ярый кровный враг», сын

старшего брата Назели – Аракел, ставший ближайшим сподвижником Григора. Хумб во главе со своим юным командиром еженощно перемещался из одного горного места в другое, заматывая свои следы.

Одновременно фидаи незаметно несли круглосуточное дежурство на тропинках и дорогах, в лесах и на склонах пещерных гор, где скрывалось мирное население села.

Фидаи не упускали удобного случая для нанесения резких неожиданных ударов по вооружённым турецким отрядам, преследующим их, которые несли тяжёлый человеческий и материальный урон. Фидаи пополняли свой арсенал турецким оружием, собранным у убитых или брошенных бежавшими: одним словом, запасались турецким обмундированием, провизией и амуницией. Вот в таких условиях турецкие власти, чтобы заманить Григора и его соратников в ловушку, пошли на традиционно хитрый шаг, рассчитанный на наивных армян: они объявили, что женщины, дети, больные и старики, а также фидаи, готовые добровольно сложить оружие и сдаться на милость властям, могут без опасения вернуться в свои дома и получить помилование.

К этому времени у Григора и Назели уже был ребёнок – трёхмесячный сын, наречённый именем Мнацакан.

Некоторые люди, уставшие от многомесячных, практически бессонных ночей, поверили лживым обещаниям властей и вернулись в свои дома в селе Тонцлухе. Вернулись и большая тётя Григора с его сыном Мнацаканом, и добродушный здоровяк двухметрового роста – кузнец Погос, их первый сосед.

В ту же ночь Григор, одолеваемый тревожными сомнениями, вместе с несколькими друзьями, среди которых был и отчаянный юноша по прозвищу Си-

рун (Красивый), пришёл в село и никого в живых не застал. Страшная мысль пронзила его сердце.

На лесной опушке он увидел тётю: закололи её несколькими ударами кинжала рядом с колыбелью, сделанной руками Григора для сына. Они долго искали ребёнка, но им так и не удалось найти его.

Перед домом кузнеца Погоса была посажена на кол его голова, отсечённая саблей – турецким ятаганом.

Всем было ясно, что турки, не сумев поймать Григора, в отместку убили его больную тётю, которая пыталась уйти от них вместе с ребёнком. Больную женщину зарубили саблей и забрали ребёнка для отуречивания.

Волею судьбы старший сын Григора Тепуляна был назван Мнацаканом, что в переводе с армянского означает «остающийся».

Так родители называли своих детей, надеясь, что они, несмотря на все трудности, останутся, будут продолжать жить, оправдывая смысл своего имени. Сын Григора и Назели тоже, правда, своеобразным способом, «оправдал» своё имя: он навсегда «остался» в Турции.

Потеря сына стала самой страшной болью Григора и Назели, самым сильным потрясением в их жизни, хотя были и другие, не менее страшные и сильные. Григор Тепулян до конца своих дней, даже когда, особенно в последнее время, от тоски по родной земле подходил к черте потери реального восприятия времени, истязал свою душу самым главным и страшным для себя вопросом, не имеющим ответа: как же могло случиться так, что его, защищавшего и борющегося за право каждого армянина быть и оставаться армянином, сына «сделали турком», как говорил он сам?!

И тем не менее, жизнь продолжалась. Она сопровождалась обильными горестями и скудными радостями: людскими потерями и, к счастью, рождениями, правда, редкими, и потому очень и очень важными, имевшими большее значение, чем сугубо семейное.

Вскоре в жизни Григора случилась ещё одна страшная трагедия: он потерял свою любимую мать – Сатеник.

Это произошло в тот день, когда развернулся тяжёлый бой между хумбом Григора из восьми фидаи и отрядом Эмера паши, в составе которого было более двухсот всадников.

Пока в лесу продолжался бой, другому отряду аскеров³⁹-всадников удалось подняться на вершину горы по её единственному склону, где находились беженцы – в основном семьи фидаи из группы Григора. Гора с трёх сторон круто обрубалась глубокой пропастью. Началась резня. Несчастливым ничего не оставалось делать, кроме как погибнуть от турецкого ятагана или броситься в пропасть в надежде чудом остаться в живых, а если и погибнуть, то мгновенно, по крайней мере, не от ненавистной турецкой руки...

И выжили некоторые, правда, единицы – разбитые и раненые... Среди них были отец Григора Ованес, брат Аветис и жена Назели... К сожалению, мать Григора, Сатеник, погибла от турецкого ятагана ударом вдогонку, ещё до того, как успела броситься в пропасть.

А тем временем в лесу продолжался ожесточённый бой. В один из моментов Григору удалось точным выстрелом убить Эмера пашу. Увидев, как рухнул с коня их командир, аскеры, как один, побросав оружие, подняли руки и встали на колени перед фи-

даи: они предпочли сдаться на милость победителя, тем более, хорошо знали, что Григор не воюет с безоружными, не трогает их.

Этой чертой его характера, которую сам Григор считал своей одновременно сильной и слабой стороной, часто пользовались враги. Как же здесь не вспомнить описанное Мовсесом Хоренаци повержение Бэла Айком, когда, «...увидев столь невероятный подвиг мужества, его (Бэла) полчища разбегаются куда глаза глядят».

Как всегда, отпустили пленных с миром и наказали «вернуться к своим семьям и вести себя умно».

Точно так Давид Сасунский арабские «...войска домой отправил с миром, но посоветовал им впредь с Сасуном дела не иметь...»

После сражения фидаи поспешили подняться «домой», но их радость была омрачена страшным погромом, учинённым аскерами. Здесь царила мёртвая тишина. Повсюду лежали тела зарубленных женщин и стариков, а также юношей.

Малолетних детей не было: по приказу одного из организаторов геноцида армян Талаата-паши турки уводили, как мы говорили выше, для отуречивания тех армянских и греческих «детей, которые были не в состоянии помнить своих родителей», т.е. свою национальную принадлежность.

Снизу, из пропасти, доносились слабые стоны и мольбы о помощи. Специальными носилками, спущенными вниз верёвками, фидаи подняли на гору раненых. Затем подняли тела погибших и предали земле. Фидаи поклялись отомстить за каждого убитого армянина и похищенного ребёнка.

Через доверенных людей фидаи знакомились с махаджирами абхазами, с помощью которых уста-

навливали связи с их родственниками и уже переселившимся в Абхазию армянскими беженцами. В Абхазии принимали вновь прибывавших и, по необходимости, предоставляли им жильё или подсказывали удобное место для обоснования.

Из поколения в поколение армяне передают слова благодарности абхазам, которые в тяжелейшую минуту приютили в одночасье потерявших всё и вся людей.

Уметь быть благодарным – вот одна из характерных черт армянского народа.

Где бы ни жили армяне и чем бы ни занимались, они становились (оставались!) законопослушным, преданным и верным населением в данном государстве, мощной созидательной силой и надежной опорой в периоды испытаний.

Всемирная история не знает ни одного случая, когда армяне каким-то образом проявляли бы недовольство своим отношением к народу, приютившему их. Не было такого и никогда не будет.

До марта 1919 года Григор Тепулян и его друзья воевали и занимались поиском армян и греков, женщин и детей-сирот в лесах, часто находили их в турецких семьях, разными способами освобождали и отправляли на парусниках-сандалах в Россию и Абхазию, а иногда, правда, очень редко, и через иностранные миссионерские организации и в другие страны – увы и ах, подальше от исторической родины, которую младотурки превратили в настоящий ад для её исконных жителей.

Так некоторые родственники Григора Тепуляна оказались в разных странах.

Через много лет, уже после смерти Григора Ованесовича, его сын, мой тесть Ованес Григорович

Тепулян, по объявлению в газете «Айреники дзайн» («Голос Родины») не только нашёл своих родственников: двоюродных тётю Назели в Америке, дядю Галуста в Румынии, но и побывал у них в гостях. А Назели сама приезжала в Сухум и гостила здесь несколько дней.

С большим трудом Ованесу Григоровичу удалось найти свою другую тётю – Пайцар, что означает светлая. Не совсем светлая судьба досталась ей: не сумев выбраться из Турции, она осталась там и каким-то чудом выжила, а после геноцида вышла замуж за отуреченного армянина по фамилии Демирчоглы, проживавшего в одной из дальних деревень исторического Амшена.

Она тайно обучила армянскому языку своего сына, который стал подающим надежды артистом театра, но по неизвестной причине покончил жизнь самоубийством, выбросившись с балкона многоэтажного дома. Дальнейшая судьба тёти Пайцар неизвестна.

Сам Григор Тепулян с отцом Ованесом, дядей Амбарцумом и женой Назели в марте 1919 года обосновался в высокогорном селе Амзаре Абхазии, поразившем новых жителей своей необыкновенной красотой. С ними были и их тонцлухские родственники и соседи: Мелетяны (часть Мелетянов обосновалась в Сочинском районе, один из их потомков, Арутюн Мелетян, стал Героем Советского Союза), Карагозяны, Арзуманяны, Кесяны... Здесь, в Абхазии, у Григора и Назели родились сыновья Еранос и Ованес, дочери Хнкенуи, Эрикназ и Сатеник.

Григор Тепулян был непререкаемым авторитетом как среди своих родственников, так и среди соседей, и после организации колхоза, его избрали председателем, кем и являлся он в годы Великой

Отечественной войны, а затем был лесничим и на этих должностях всячески поддерживал своих односельчан.

Сохранились фотографии Тепуляна с военнослужащими Красной Армии и абхазских горах, где были высажены германские разведывательные группы, впоследствии уничтоженные и с его помощью. Это было не совсем простым делом, ибо члены этих разведгрупп хорошо знали абхазские горы, ещё до войны побывав здесь в качестве туристов и изучив их.

В то суровое и голодное время Григор Тепулян на свой страх и риск разрешал своим односельчанам в разумной мере пользоваться природными богатствами гор и лесов, чем многих спас от голодной и холодной смерти. Об этом с благодарностью рассказывал участник сухумского армянского литературного объединения «Черноморская заря», автор двух поэтических сборников Ованес Овак (Кюлян). Он родился в соседнем селе Азанте и хорошо помнил эти события. По моей просьбе Ованес Овак обещал подготовить материал о военном периоде жизни села для публикации в газете «Литературный Амшен», но, к сожалению, не успел предать бумаге свои интересные воспоминания о тех не совсем простых годах, нелепым образом уйдя из жизни в самом расцвете творческих сил.

До обидного мало написано о Григоре Тепуляне – всего несколько слов в разных изданиях. Так, известный ереванский журналист Саро Геодакян, впоследствии ставший главным редактором литературно-художественного журнала «Амайнапаткер», выходящем в Лос-Анджелесе, написал о нём небольшую статью «С тоской по Эргиру в сердце», которая была опубликована в газетах «Крунк» и «Литературный Амшен».

Григор Тепулян является одним из героев романа «Танец смертников» Зорика Кешишяна, известного многочисленными публикациями об амшеноармянских фидаи.

Роман вышел в 2006 году в ереванском издательстве «Ван-Арян».

Честь и хвала автору за свой огромный труд, отдельные главы которого, посвящённые народному мстителю Ваштон-оглы (Карапету Варданяну), были опубликованы в газете «Литературный Амшен» ещё до выхода романа.

В данном произведении автор достаточное место уделил и образу Григора Тепуляна, воздав должное его героизму и храбрости, однако не совсем верно осветил некоторые моменты его жизни, что стало мне известно, к сожалению, очень поздно, уже после выхода книги в свет.

Так, искажение фактов началось уже с имени Тепуляна Григора: в романе он представлен как Тепулян Тепул. Добавим, что в описываемый период ему было девятнадцать-двадцать лет, а никак не «около тридцати», как утверждает автор романа. Более того, он представлен одним из членов группы Ваштон-оглы, постоянно находящимся рядом с ним. На самом деле, как уже знает читатель, Григор Тепулян имел свою самостоятельную небольшую группу в составе своих родственников и односельчан – тонцлухцев. Конечно, он через надёжных людей поддерживал тесную связь как с Карапетом Ваштон-оглы – хмбапетом с непререкаемым авторитетом, так и с другими хмбапетами.

Группа Тепуляна состояла исключительно из жителей села Тонцлуха и действовала в его окрестностях, тогда как группа Ваштон-оглы находилась совсем в другом месте – в района села Помбаклуха.

Далее, Григор Тепулян представлен как житель села Гатынчуха. Он никак не мог находиться среди его мирных жителей, которые поздней ночью были собраны турецкими властями в сельской деревянной церкви якобы для проведения чрезвычайно важного совещания.

На самом деле их собрали для депортации.

В это время у Тепуляна уже была вооружённая группа, которая, как знает читатель, находилась в окрестных лесистых и пещерных горах его родного села Тонцлуха – далеко от Гатынчуха.

Речь идёт об описанном в романе эпизоде: якобы некто Матос, один из жителей села Гатынчуха, увидев своего старого знакомого Григора Тепуляна в церкви среди томящихся в ожидании совещания односельчан, поведал ему об истинной цели властей, которую ему по строгому секрету сообщил жандарм Али – преданный друг армян. Матос предложил Григору бежать из церкви вдвоём. По сюжету романа они так и сделали: бросили своих односельчан и бежали, спасая свои жизни.

Нет, не мог Григор Тепулян, человек чести и достоинства, посвятивший свою жизнь спасению людей, вот так трусливо бежать, бросив мирных жителей на произвол судьбы, а вернее – своим побегом приговорив их к неминуемой смерти!

Для такого человека, как Григор Тепулян, это было бы низко и подло, очень не по-фидаински.

Кстати, после депортации людей, которые были собраны в церкви якобы для очень важного совещания, она была сожжена турками. Об этом Тепуляну сообщил его верный помощник фидаи Сирун, выполнявший обязанности разведчика. И на его вопрос «Что делать?», Тепулян ответил: «Если церковь всемогуща, сама как-нибудь выкрутится. У нас

же более земные дела: нам надо думать всего лишь о сохранении жизни и здоровья наших людей».

И последнее. По сюжету романа, Григор Тепулян покидает историческую родину на корабле вместе с группой Ваштон-оглы в составе 104 человек, выйдя на берег в районе нынешнего села Весёлое близ Адлера в мае 1923 года. На самом деле Тепулян переехал в Абхазию в марте 1919 года с 43 беженцами, щедро заплатив золотом капитану корабля за их спасение. Об этом мы писали выше.

В разговоре со мной, когда я поинтересовался источниками, которыми пользовался Зорик Кешишян при создании образа Григора Тепуляна, он сказал, что роман – художественное произведение, и признал, что вызвавшие мои сомнения эпизоды – вымышленные. Другими словами – плоды воображения автора.

Тем не менее, он выразил сожаление за досадные упущения и неточности, исказившие образ достойнейшего человека.

Хочу сказать, что Зорик Кешишян очень много сделал для увековечения памяти фидаи, посвятив их жизнедеятельности ряд произведений, некоторые из которых, как я говорил выше, опубликованы на страницах газеты «Литературный Амшен».

За свой огромный и кропотливый труд честь и хвала ему, по крупицам собравшему воспоминания свидетелей тех трагических дней.

...Последние годы жизни Григора Ованесовича Тепуляна были переполнены непреодолимой тоской по исторической родине. Он жил суровыми воспоминаниями, всё больше и больше одолевавшими его; в такие острые моменты он всегда рассказывал о вековой орешине, растущей в центре родного села

Тонцлуха: видимо с этим деревом были связаны какие-то чрезвычайно значимые воспоминания, тревожившие его душу.

Это чувство можно назвать ностальгией, в конце концов ставшей причиной его не совсем простой смерти, случившейся 30 декабря 1981 года, когда ему было 86 лет.

Историческая справка

Проходят десятилетия за десятилетиями, но не проходит боль армянского народа, связанная с трагическими событиями в его многовековой истории: геноцидом на своей исторической родине.

Ежегодно 24 апреля армяне всего мира поминают очередную годовщину этого чудовищного преступления против человечества. Конечно, 24 апреля 1915 года – условный день Геноцида армянского народа.

Это тот черный день, когда начались массовые аресты крупнейших представителей армянской интеллигенции: писателей, журналистов, учителей, политических деятелей... По предложению армянского писателя Вртанеса Папазяна 24 апреля был объявлен днём поминовения погибших представителей армянской интеллигенции.

Всего 800 человек, которые были уничтожены самыми жесточайшими способами.

Против мирного армянского населения выступали регулярные, до зубов вооруженные войска, грабители и выпущенные из тюрем уголовники, которые проходили специальную подготовку у кадровых офицеров по «совершенствованию своего мастерства».

С сожалением отметим, что свою весомую лепту в дело уничтожения мирного армянского населения внесли... германские офицеры, в большом количестве слу-

жившие в штабах турецких подразделений и заложившие «идеологические основы подготовки массового истребления армян».

Особо преуспел в этом деле генерал Лиман фон Сандерс, в 1913 году назначенный главой немецкой военной миссии в Османской империи. Снабжала же турецких янычар винтовками и карабинами немецкая оружейная компания Mauser.

В чем же «провинились» армяне перед германским командованием?

Дело в том, что оно считало армян союзником своего заклятого врага – России.

Вот что писал военно-морской атташе Ханс Ханман, друг военного министра Османской империи Энвера-паши: «Армяне – из-за их заговора с русскими – будут более или менее истреблены. Это сложно, но полезно».

Воспользовавшись благоприятными условиями, созданными Первой мировой войной и «совпадением турецко-германских интересов», младотурецкое правительство приступило к осуществлению массового истребления армянского народа. Забегая вперед скажу, что только спустя более века, в 2016 году, Федеративная Республика Германия откровенно заявила о своей ответственности перед армянским народом.

Геноцид армянского народа с разной интенсивностью и территориальным охватом продолжался в течение нескольких десятилетий: от массовых жестоких убийств армян в 1890-х гг. до резни христианского населения старейшего греческого города Смирны, известной под названием «Великий пожар Смирны», когда погибло более 200 тыс. человек, в том числе 10 тыс. армян, 100 тыс. греков. Только за 1915-1923 гг. было уничтожено около 1,5 млн армян; остальные армяне, проживавшие на территории Турции, были депортированы или насильно исламизированы. С 1894 года по 1923 г. было убито более 2 640 000 армян.

Геноцид – суровая боль, объединяющая разные поколения нашего народа, представителей разных вероисповеданий и политических воззрений.

Эта боль начинает объединять и другие народы нашей земли.

Ряд стран признал Геноцид армянского народа на своей исторической родине.

И первым государством, признавшим это преступление против человечества, был Уругвай: 20 апреля 1965 года Главная ассамблея Сената Уругвая и Палаты представителей приняла закон «О Дне памяти жертв Геноцида армян».

Геноцид армян признали: Кипр, Греция, Канада, Италия, Ливан, Бельгия, Франция, Парагвай, Аргентина, Швеция, Боливия, Великобритания, Нидерланды, Словакия, Германия, Литва, Венесуэла, Польша, Чили, Швейцария, Бразилия, Люксембург, Австрия, Чехия, Дания, Ватикан.

Геноцид армян признан и осужден многими влиятельными международными организациями, такими как Европейский парламент, Всемирный совет церквей, Сионистская организация и Прогрессивный еврейский союз США...

49 штатов США из 50 (кроме штата Миссисипи) официально признали и осудили Геноцид армян, а также объявили 24 апреля Днем памяти жертв Геноцида армянского народа. 29 октября 2019 года Палата представителей США приняла резолюцию, признающую геноцидом массовые убийства армян в Османской Турции, которые происходили с 1915 по 1923 гг. За резолюцию проголосовали 405 конгрессменов, против – только 11.

Следующий шаг американские законодатели сделали 12 декабря 2019 года, когда Сенат США единогласно принял резолюцию о признании Геноцида армян 1915 года.

24 апреля 2021 года президент США Джозеф Байден признал события 1915 года в Османской империи геноцидом армян.

Армянская боль становится общечеловеческой?

КОФЕЙНАЯ ЧАШЕЧКА МОЕЙ НЕНЕ

Та фарфоровая кофейная чашечка в нашем доме была ещё до моего рождения, как и медная кофемолка, привезённая нашими дальними родственниками из Еревана по просьбе нене более шестидесяти лет тому назад. К слову сказать, она верой и правдой служит до сих пор, и до сих пор качество молотого кофе вызывает всеобщее восхищение. Кофемолка по праву стала семейной реликвией, и я, наверняка, передам её по наследству моей внучке Софии.

Нене... Так называют трапизонские армяне бабушку, а дженикские называют просто – мец майр, что переводится как большая или старшая мама.

А вот что означает слово нене, я узнал, когда начал изучать творчество западноармянского поэта Петроса Дуряна (1851-1872). Так вот, в современном армянском языке местоимения **он** и **она** обозначаются одним словом **նա** – **на**, а в древнеармянском, ныне неупотребляемом – грабаре, слово **она** означалось словом **նո** – **не**: он – на, она – не. Как сказано в стихотворении Дуряна «Любить»:
Նո հեղացի ինձնի⁴⁰: (**Она** ушла от меня). И всё стало на свои места: не – женщина, а нене – старшая женщина! Так что, это никакое не турецкое слово! К счастью, трапизонский говор армянского языка сохранил это замечательное слово: нене!

Чашечка, когда-то гладкая и блестящая, со временем лишилась глянца, и сейчас она почти вся поцарапана, вместо стёртых узоров на её стенках появились трещинки-морщинки, как на лице нене, а в нескольких местах отбиты края. У чашечки было своё место – «постоянная прописка» (как шутили мы) в одном из ящиков располжившегося вдоль стены старого шкафа, такого же изношенного, как она сама. Ручной работы этот шкаф, с красивыми симметричными узорами, был очень старым, точнее, старинным.

– Его много лет тому назад смастерил твой дед, варпет⁴¹ Епрем, из каштановых досок, золотыми своими руками их обтесав и отшлифовав,– время от времени напоминала нене,– эти доски помнят тепло его души, ласку его рук. Ты должен, ты обязан чувствовать это, ты же его, деда Епрема, внук ...

«Это же раритет!»,– говорили соседи и, будто сговорившись, в один голос твердили, что если его умело отремонтировать и покрыть лаком (а лак бесплатно привезла бы из далёкого Армавира моя тётя Нвард, работница мебельной фабрики), можно дорого (конечно, по нашим меркам) продать, а на вырученную сумму купить сталинский «Москвич» очень даже в неплохом состоянии. Благо, любители подобных ручных работ, по их словам, всегда были, есть и наверняка будут.

Но, к моему глубокому сожалению, нене об этом даже слышать не желала:

– Раритет-маритет не знаю и знать не хочу ... Вот когда меня не будет...

Дальше следовало очень многозначительное молчание. И хотя уже прошло немало лет, я до сих пор отчётливо помню, как же приятно ласкало мой слух это хотя и совсем непонятное, но такое тёплое, почти родное слово «раритет»!

О, эта кофейная чашечка! ..

Только нене и пила из неё. Она одна.

И не потому, что никому не разрешала ею пользоваться – просто чашечка настолько (по мнению домочадцев) была изношена физически и морально, что её стыдно даже показывать людям.

Из шкафа нене доставала свою чашку один раз в день. Строго один раз – и только по утрам, когда соседки, как по расписанию, собирались у нас дома на «асац-асац», т.е. поговорить о том, о сём, чуть-чуть посплетничать за чашкой ароматного кофе.

После особой церемонии приготовления напитка и его смакования, тётя Марика переходила к основной части кофепития – к гаданию на чёрной гуще, узорами умолкнувшей на узком донышке чашечки.

О, искусство гадания на кофейной гуще!

Здесь всё очень серьёзно и важно, всё имеет судьбоносное значение и глубокий смысл: и взбалтывание содержимого чашечки круговыми движениями левой руки, и узоры-рисунки на стенках чашечки, их расположение и очередность, цветовая насыщенность. Здесь нет мелочей, случайностей. Моя нене безгранично верила в эти гадания. Конечно, верили и соседки, но нене по-своему, как-то по-особенному верила. Она напряжённо и молча слушала тетю Марику, слегка наклонившись вперёд и беспокойно подламывая потрескавшиеся от работы пальцы (думаю, что до боли, но она не чувствовала её, потому что, теперь я точно знаю, её сердце болело сильнее).

Нене ждала... Я хорошо знаю, чего она ждала, а точнее – кого ... Ждала с глубокой верой и неиссякаемой надеждой, ждала каждый год, каждый месяц, каждый день и миг. Наяву и во сне. Она ждала сыновей своих – Григора и Вагана, пропавших без вести на полях сражений Великой Отечественной, чьи увеличенные фотографии стояли на нашем шкафу.

Точно так же, как нене, ждала своего мужа Григора его жена, тётя Србуи, что в переводе с армянского означает Святая. Она прожила жизнь, полностью оправдав значение своего имени и умерла сравнительно недавно.

К слову сказать, нене до последнего своего земного дня называла меня Ваганом, не смирившись с Артаваздом – наверное, во мне видя своего сына. И в родном моём селе я так и остался Ваганом, и многие не знают моего настоящего имени.

Рассказывают, что уже после смерти нене некоторые мои родственники гадали: «Кто же этот Сарецян... Арта-

вазд, чей же он сын, не из наших ли?», и когда один из двоюродных братьев Альберт, наконец, вспомнил курьёзную историю, связанную с моим именем, обрадовано соглашались: «Конечно же наш, чей же ещё! Это же наш Ваганик!»

Отец назвал меня Артаваздом, потому что это имя он считал наичистейшим армянским именем. Именем, определяющим сущность армянского народа, его многовековое стремление к мирной жизни и созидательному труду. «Я тебя нарёк Артаваздом: не именем великого армянского царя-воина Артавазда, а именем великого царя-драматурга Артавазда, основателя армянского театра. Смотри, сколько замечательных слов в твоём имени: арт – поле, ваз – лоза, азд – благая весть», – говорил отец.

Каждое божье утро нене протирала фотографии и ставила свежие цветы перед ними. А садилась она всегда напротив шкафа, на свою тахту, потому что отсюда хорошо были видны фотографии её сыновей. Нене всё больше наклонялась вперёд, всё больше напрягалось её лицо, всё больше озарялись лучами надежды её глаза, она всё сильнее и сильнее подламывала пальцы, и, наверное, её сердце начинало биться чаще, когда тетя Марика на стенках кофейной чашечки вдруг находила ведущие издалека еле различимые крутые линии дорог... И это означало, что к нам обязательно должны прийти гости! А может?.. А вдруг?

О, эта кофейная чашечка – изношенная и... морщинистая, как лицо и руки нене! Сколько веры скопилось в ней, сколько мечтаний и ожиданий, сколько страданий, надежд. И ... их крушений...

К слову сказать, дорогим гостем в нашем дедовском доме был известный писатель, классик абхазской литературы Михаил Лакербай. «Наш Миша пришёл!», – обрадованно говорила нене, когда Лакербай по узкой крутой тропинке поднимался на вершину горы, где располагались

дома наших родственников. Лакербай неустанно записывал устное народное творчество, обрабатывал их и публиковал, как в Сухуме, так и в Москве в толстых журналах. Думаю, его привлекали не только гостеприимство и радушие хозяев, но и рассказы моей нене, которая была тонким знатоком душевных бесед, хотя и не умела читать и писать. Я очень смутно помню писателя, но в моей памяти остался всегда аккуратно и чисто одетый, выделяющийся своим внешним видом человек.

Однажды вечером, когда мы со старшей сестрой добросовестно исполняли завет дедушки Ленина «учиться, учиться и учиться», а нене, сидя на своём обычном месте, вязала носочки для нашей младшей сестры, из шкафа послышался слабый треск. Это неожиданно лопнула кофейная чашка, рассыпавшись на осколки... как надежды нене.

Я тогда подумал, что нене обязательно скажет, что зло миновало нас, что Господь спас нас от очередной беды – так, перекрестившись, она говорила всегда, когда разбивалась посуда. Но она ничего не сказала. Глядя на острые осколки, помолчала несколько минут, потом устремила на нас бездонную тоску насквозь прозрачных своих глаз и прошептала:

– Не выдержала ...

Я и сегодня помню, что мы тогда очень удивились. Как же мы не понимали: кофейная чашка уже не была просто чашкой – она давно стала... её сердцем...

А вскорости не стало и самой нене. Она умерла неожиданно. От разрыва сердца.

«РАСЦВЕТАЮТ ДЕРЕВЬЯ. ЗИМА...»

Эта песня – горчайший дымок.

Эта песня – творенья венец...

Вспомню –

к горлу подступит комок...

Артавазд Сарецян

Эту песню часто напевал мой отец: почти каждый день, когда поздно вечером возвращался домой, уставший от изнурительной работы сперва в кроватном цехе строительного комбината, а затем и на ткацкой фабрике, где начал

работать по предложению директора – нашей первой соседки тёти Зины.

Прежде чем зайти в нашу небольшую комнату, он садился на скамейку в тени яблони, широко раскинувшейся во дворе перед домом.

У отца был замечательный голос – чистый, богатый, звонкий, как кристальный источник, бьющий в дедовском саду. Удивительно, но отцовский голос никогда не уставал, никогда не тускнел...

Это было моим открытием, я даже сказал бы изобретением, которое до сих пор никто не смог опровергнуть, да никто и не пытался это сделать: ведь все знают, что родительский голос никогда не теряет своего первоначального очарования, оно даётся один раз и навсегда. Это известно всем, но каждый его открывает для себя сам и по-своему.

Я, конечно, не знал автора песни. Я даже не думал об этом, потому что не подозревал, что песни могут иметь ав-

тора. Только одно я знал очень хорошо: эта песня – моего отца, это только его песня. Потому что так никто не смог бы её спеть. И это я знал точно, ведь для пущей убеждённости я несколько раз проводил свои, на мой взгляд, вполне удавшиеся эксперименты: представлял, как эту песню поёт кто-то другой, обладающий таким же хорошим и богатым голосом.

Скажем, та же тётя Лена, двоюродная сестра отца, которая пела на встрече с маршалом бронетанковых войск СССР Амазаспом Бабаджаняном в актовом зале нашей школы. Я хорошо помню эту многолюдную встречу и чёрную автомашину «ГАЗ-21» с белыми накидками на сиденьях, на которой привезли маршала. И ещё помню, как он спускался вниз по лестнице в сопровождении нашего завуча Гаспаряна, они разговаривая прошли как раз перед нами. Так вот, тётя Лена замечательно пела армянские народные песни, особенно «Застольную песню» на слова Гегама Сарьяна:

**Пьём за тех мы, кто сеет зерно,
Кто растит виноград золотой,
Вызывает из гроздей вино,
Охраняет наш труд и покой.**

Я старался представить, как она поёт папину песню и ... всегда приходил к невозможности этого.

Нет, эту песню мог петь только мой отец, потому что она была создана только для него.

Колдовство песни и голос отца дополняли друг друга и становились гармонично целым, единым.

В песне меня смущало только то, что я пока никак не мог понять: как же зимой расцветают деревья? Разве возможно такое? Но я тут же успокаивал себя, не оставляя даже тени сомнения: точно расцветают! А как же! Иначе об этом не пел бы отец.

«Я никогда не видел, как расцветают деревья зимой. Кто знает, может быть далеко-далеко, там, в той деревне,

где навсегда осталась наша очажная колыбель, которую когда-то смастерил мой прадедушка Ованес, даже глубокой зимой расцветают деревья...», – по-взрослому рассуждал я.

И только через много лет я должен был понять, что деревья расцветают в любом месте, в любое время года, даже зимой в городе, если в душе человека царствует весна и восходит солнце!

Иногда мы с отцом садились на пороге дома, рядышком, прильнув друг к другу – как те две красивые бело-снежные горы в рамке, висящей в нашей комнатке на стене. Папа говорил, что эти горы – наша родина, которую много веков назад вынужденно покинули наши предки, спасая свои семьи от истребления.

– Они бежали?, – интересовался я.

– Нет, они спасали женщин и детей. – Отвечал отец и продолжал: – Всё это видели эти святые горы, Сис и Масис, они – отец и сын, прижавшиеся друг к другу.

– Как я и ты? – спрашивал я.

– Да, как я и ты, – в ответ вздыхал отец и как в подтверждение сильнее прижимал меня к себе.

Папа пел, я слушал.

И никто не смел прерывать это самозабвенное пение. Даже мама: каким бы срочным и неотложным не было дело, она обязательно дожидалась окончания песни, потому что точно знала, что отец не просто пел, а общался со своими предками. Это были святые минуты сопричастия родственных душ, дарованных Всевышним только избранным.

Я не слушал песню. Нет, так не слушают песню. Так выпитывают каждое её слово, каждый её звук, каждый перелив, поглощают жадно, без остатка – так снег поглощает солнечные лучи и медленно-медленно тает-тает, без остатка проникая во все складки земли, исполненной жгучей, уже невыносимой тоски.

Песня лихорадочной горячностью разливалась во всей моей сущности, одухотворяющей востребованностью проникая в самые глубокие и потайные уголки души, и нежно окукливалась – как дерево, покрытое весёлыми почками и гулом пчелиного роя. И мне казалось, что в моей душе рождается пока безымянное чудо-дерево – единственное в мире, какого никогда ещё не было... и никогда уже не будет. Но почему же казалось, если я действительно чувствовал волнительное шевеление корней этого дерева, которые сладкой щекочущей истомой расправлялись в моих венах, углублялись и доходили до самых-самых сердечных глубин?!

Я чувствовал, как крыльями разрастались его ветки во мне, и казалось мне, что оно волшебной птицей вот-вот медленно и нежно вспорхнёт на волнах отцовской песни, – как сладчайший дым, клубящийся над нашим небольшим домом, уютно приютившимся под яблоней, увитой виноградными лозами.

И это чудо-дерево пустило свои глубокие корни в моей душе, пышно разрослось и вскоре стало красивым Древом песни с такими здоровыми, такими сочными и сладкими плодами, щедро переливающимися на солнце красками!

Но я в то время ничего не знал об этом.

Я и не подозревал, что в жизни бывают злые и грубые руки, которые не только будут безжалостно сбивать камнями спелые плоды с этого чуда-дерева, но и беспощадно разламывать и рубить ветки.

Я ещё не знал, что в жизни бывают чёрные души ненавистников, которые станут вырывать с корнями дерево, в животворящей тени которого сами же не раз переводили дыхание, спасаясь от ливня или нещадно палящего солнца.

Я не знал. Я ещё ничего об этом не знал.

Я просто был счастлив, что на свете есть мой отец,

есть его песня, есть моя мама, которая никогда не прерывала отца, когда он пел свою песню. Есть далёкие святые горы Сис и Масис, прижавшиеся друг к другу.

«Расцветают деревья. Зима...»

...Прошло много лет. И в один из таких зимних дней ушёл из жизни мой отец, долгие годы прикованный к постели какой-то непонятной болезнью: ушёл легко, светло, тихо.

Так же легко и светло, как и прожил свою не совсем длинную жизнь.

Он умер на второй день после смерти своего старшего брата Вардана, скончавшегося в сухумской больнице во время операции. Так и сказал хирург Арутюн Чакрян, племянник Героя Советского Союза капитана Арутюна Чакряна, мой друг: «Твой дядя умирает. Сделаем операцию, попробуем спасти, надеясь на чудо».

Но чуда не произошло...

Отец не знал о смерти брата. Ему об этом никто ничего не говорил – в ожидании моего возвращения из деревни, куда накануне я повёз тело дяди.

Но отец каким-то невероятным образом, наверное сердцем почувствовал уход родственной души и сказал моей маме:

– Я должен пойти к Вардану, он уже ждёт меня, он зовёт меня... Я готов... Я должен увидеть своего брата. Скоро я увижу его...

Потом он позвал к себе внуков – семилетнюю Сусанну и пятилетнего Айка, попросил, чтобы они спели песни, прочитали стихи...

Он внимательно и жадно слушал детей, потом поднял руку и медленно положил на грудь.

Наверное, поблагодарил детей и закрыл глаза... Навсегда.

И вот так, он, поклонник армянского слова и песни, ушёл в вечность, сопровождаемый ими.

А на улице была глубокая зима, и вокруг безумно буйно цвели деревья...

Сегодня никто не сомневается, что душа моего отца пребывает в Раю.

Потому что божественны армянское слово и песня.

«Расцветают деревья. Зима...»

P.S. Остаётся только добавить, что мой отец, Айк Затикович Сарецян, как и его старшие братья Григор, Вардан, Ваган и Ваграм, внёс свою посильную солдатскую лепту в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

Об этом периоде жизни отца свидетельствуют сухие лаконичные записи в его военном билете: он был призван на действительную военную службу Гульрипшским районным военным комиссариатом и направлен в 28-ю школу отличных стрелков снайперской подготовки. В школе стрелков отец обучался с 17 августа 1944 года по январь 1945 года. Затем он продолжил свою службу в 140-й отдельной пулемётно-артиллерийской бригаде.

После окончания войны, до мая 1948 года, когда отец был уволен в запас на основании Постановления Совета Министров СССР от 13 января 1948 года, он служил в 15-м отдельном мотострелковом батальоне.

На снимке отец запечатлён в языческом храме Гарни, построенном в I в.н.э. армянским царём Трдатом Первым (62-88).

ТАМ, ГДЕ ЗВЕЗДУ МОЖНО РУКОЙ ДОСТАТЬ

...Мама нас, меня и моих младших сестёр Кнарик и Гоарик, часто возила в гости в наш дедовский дом по материнской линии в одном из живописнейших уголков Абхазии – высокогорном селе Псырцха Гудаутского района, утопающем в буйной зелени.

И вот мы в очередной раз выходим из рейсового однодверного автобуса-коробочки на первом повороте после бензозаправки. Битком набитый автобус следует в сторону Нового Афона и дальше мимо Лебединого озера в Гудауту.

По крутой дороге (почти как по эшерскому «тёщиному языку», остроловами названному так из-за длинных поворотов; его мы только что проехали) пешком поднимаемся высоко-высоко туда, где можно просто взять и протянуть руку и без особого труда, играючи – вот она, совсем рядом! – достать звезду или слегка ударить пальцем об один из её концов, и будет она, пятикрылая, вращаться над твоей судьбой: там начинается царство пятого океана – небесного, таинственного, высокого и глубокого. Это – та звезда, которая навсегда сохраняется в сердце, даже в самую тяжёлую минуту освещая душу человека.

Конечно, это очень легко говорить – пешком взбираемся вверх как по винтовой лестнице. А давайте-ка представим наш этот подъём под палящим летним солнцем (о «зимнем походе» расскажем в следующий раз).

Впереди иду я с небольшой сумкой, набитой сухумским, очень вкусным белым мягким хлебом: он – для дедушки и бабушки. Хлеб настолько качественный, что если даже двумя руками очень сильно прижать и отпустить, непременно поднимется и примет свою первоначальную форму.

Отставая от меня на достаточное расстояние, идёт моя мама, Гехануш, стройная и красивая, как и своё имя⁴². Она одной рукой обнимает и прижимает к себе мою младшую сестру Гоарик, обхватившую маму за шею, второй рукой

держит за пухленькую ручонку Кнарик, а на плече огромных размеров, набитая всякой всячиной сумка. Она болтается за спиной и периодически сползает вниз: её ремни больно натирают плечо, и мама часто перебрасывает сумку с одного плеча на другое, одновременно переводя Гоарик на другую руку.

В сумке аккуратно разложены кульки с крупой, макаронами, сахарными кубиками рафинада и конфетами, куски хозяйственного мыла, спичечные упаковки, платки, полотенца, сигареты «Прима» и папиросы «Казбек» для мужа моей тёти – Саркиса и старшего маминого брата – Амаяка. Дедушка Епрем курил исключительно свою «дзыгару» (с густым, как табачный дым, произношением и ударением на последнюю гласную) из замечательных сортов табака «Трапизон» или «Самсун», семена которых он привёз «оттуда», когда навсегда покидал свой родной очаг в самом начале Геноцида армянского народа. Табак он выращивал на своём приусадебном участке, что на крутом склоне горы. После сушки и довольно-таки искусной обработки, дедушка очень ловко нарезал его широкие, золотистого цвета листья на тончайшие волокна. От ухода, способа обработки листьев и их сушки, в том числе и на сковороде, а также умелой нарезки во многом зависело качество готового к употреблению табака.

По своему опыту знаю: ох и трудоёмкое это дело, табководство, иной раз приходилось работать даже на коленях под беспощадно обжигающим солнцем.

Кстати, наши предки между табачными рядами на плантациях обязательно сажали помидоры, перец, баклажаны, арбузы, дыни... Какими же здоровыми и вкусными получались они, какими аппетитными! Не знаю, то ли табачные листья надёжно защищали их от многих вредителей, то ли сама земля, не напичканная, как сейчас, всякими ядохимикатами, была чрезвычайно урожайной, плодородной. А может и то и другое вместе.

Небольшой опыт табакокурения был и у меня, правда, довольно-таки забавный. Я решил последовать примеру моего товарища Стёпы Саркисяна, старшего меня на два года; тогда он учился уже в первом классе и имел «свободный доступ» к отцовским сигаретам, а в большей степени, к бесчисленным окуркам – «бычкам» от «Примы», «Казбека», «Беломорканала», которые оставались в трёхлитровой жестяной банке из-под томата. Их вечером каждого дня после длительной игры в домино оставляли наши соседи во главе с отцом Стёпы – дядей Левоном. Все они, поклонники этой интересной игры, собирались в небольшой комнате, пожелтевшие от никотина стены которой были пропитаны густым запахом табака. Стёпа «балдел от кайфа пускать кольца», похлопывая по щеке. Но всё это происходило – на всякий случай, подальше от взрослых глаз – за домом, а вернее, в пустом свинарнике: последнюю свинью дядя Левон убил тяжелой кувалдой, нанося несчастному животному несколько резких ударов по голове. Обычно свиньи падали без крика, как подкошенные, уже после первого удара. Но на этот раз, – то ли удар был недостаточно сильным, то ли дяде Левону не удалось попасть в самую лобную часть, – огромная свинья со страшным криком сорвалась с места и помчалась по приусадебному участку. Мы в страхе разбежались в разные стороны. Дядя Левон погнался за свиньёй, по ходу нанося удары «куда попало». В конце концов ему удалось свалить свинью, а подоспевший дядя Бено ударом острого ножа в сердце заколол её. Когда свинья успокоилась, он вынул нож, и все облегчённо вздохнули.

Отчаянный крик несчастного животного долгое время звучал в моих ушах, и я аж до службы в армии не ел свинину, потому что мне всегда казалось, что это мясо – её, таким жестоким образом убитой свиньи. После этого случая свинарник пустовал, а затем как-то незаметно превратился в Стёпину «курилку».

Стёпина мама, тётя Вардуш, когда из свинарника через щели между досками начинал валить голубоватый дымок, приятно щекочущий ноздри, и беспрепятственно проникать в окно кухни, тут же извергала проклятия:

– Ну за что мне такое наказание?! Одного пыхтящего паровоза с вагонами не хватало, ещё и второй... Разве это дом?– спрашивала тётя Вардуш, явно имея в виду уже игру в домино с участием своего мужа и многочисленных болельщиков, и сама же отвечала,– нет, это не дом, это – депо! Здесь не только топор можно вешать, скоро я сама взлечу как шарик, набитый дымом...

– Всё из-за тебя,– оправдывался дядя Левон перед тётей Вардуш,– вот если бы ты тогда купила рубашку на один размер больше, я ни за что бы на свете не стал курить, чтобы похудеть. Похудеть-то, как видишь, я не похудел, а вот бросить курить не смог и уже не смогу никогда.

Я старался представить тётю Вардуш в форме набитого дымом шарика, что нетрудно было сделать в силу их схожести, а вот представить, как она взлетает, у меня не получалось – не позволяли её огромные габариты, которые не только полностью закрывали небо с облаками и солнцем, но и переходили все границы моей фантазии.

Стёпа не разрешал мне курить, считая меня не совсем доросшим до такого «балдёжа». Но я был уверен, что он просто-напросто жадничает. «Он самый настоящий жмот,– думал я с сожалением,– вот я бы ничего не пожалел ради своего друга, уступил бы даже последний, припрятанный в надёжном месте «бычок»!

Мне неоткуда было брать сигареты, потому что мой папа не то что не курил, он просто на версту не переносил запах табачного дыма. Даже папин младший брат, мой дядя Аршавир, студент института, при нём не курил. Так что, мне ничего не оставалось делать, как однажды неумело скрутить «дзыгару» из пожелтевших яблоневых и виноградных листьев, вместо специальной бумаги при-

способив обыкновенный пергамент, который моя мама использовала при выпекании коржей для моего любимого торта «Кавказские горы». Я очень старался скрутить «дзыгару» так, как это ловко делал мой дед Епрем, но у меня получился большой жидкий сигаретный жёлоб, больше похожий на сахарный кулёк. Стоит ли говорить о том, что пергамент быстро воспламенился. Огонь прошёлся по моему лицу, сжёг не только мой «полубокс» с расчёсанными назад волосами, но и брови с ресницами, и ещё, к моему ужасу, даже кончик слегка вздёрнутого носа, из-за которого дразнили меня курносиком: «Атосик - матросик, вздёрнутый курносик». Мама и тётя Тамар, на мой отчаянный крик в панике выбежавшие во двор, обработали мой нос подсолнечным маслом и посыпали его густым слоем растолчённого на салфетке стрептоцида, параллельно самыми суровыми словами упрекая меня за моё разгильдяйство. Правда, в конце концов смягчившись, мама сказала, что не расскажет отцу о моём постыдном поступке, если я дам слово, что «впредь не буду заниматься этим делом». Конечно, я дал слово, хотя понимал, что мой нос «красноречиво сдаст меня с потрохами», когда отец придёт домой. Так вот, как раз в это не совсем удобное для меня время появился наш уличный фотограф дядя Толик, и мне ничего не оставалось делать, как выйти на улицу и вместе с моими товарищами сфотографироваться под забором деда Хазара Оганяна – костоправа, известного не только в Абхазии, но и в соседнем Краснодарском крае. Вот и сохранилась эта фотка, на которой хорошо выделяется посыпанный стрептоцидом кончик моего носа, напоминающий о первом неудачном опыте табакокурения. «Первый блин комом», – потом скажет Стёпа с лёгкой снисходительной усмешкой.

Я не буду рассказывать о том, как Стёпа делал уроки, только скажу, что в результате четырёхлетней учёбы он благополучно перешёл в третий класс, по уровню образо-

вания не только догнав, но и опередив некоторых наших соседей, в том числе и своего отца, у которых не было даже дошкольного. Конечно, не по их вине – причиной тому была война. В нашем районе Стёпа больше был известен по прозвищу «Пастух», потому что наши родители по всем «нашенским вопросам» обращались только к нему: «Стёпа, ты не видел?..», «Стёпа, ты не знаешь?..», «Стёпа, присмотри за ними, пока мы освободимся»... «Я что, пастух что ли?– в ответ якобы огрызнулся Стёпа, но потом великодушно смягчился,– ну хорошо, не переживайте. Ничего с вашими оболтусами не случится».

Вот и плотно прилипло к Стёпе это прозвище. Даже сегодня на вопрос: «Какой Стёпа?», ответ звучит однозначно и исчерпывающе: «Конечно же – Пастух!»

...Кроме подарков в маминной сумке есть газеты: «Советская Абхазия», «Советакан Врастан», «Правда», «Труд» и другие наскоро попавшиеся под руку, но обязательно все номера газет «Айреники дзайн» («Голос Родины») и «Известия», вышедшие после предыдущего нашего приезда в деревню. Мой дядя Саркис очень внимательно и ревниво следил за работой главной законодательной власти СССР – Верховного Совета и аккуратно вёл подшивку его печатного органа: газеты «Известия». Он знал не только все законы, указы, решения и постановления, принятые ВС, но и их исходящие данные. К нему часто обращались как местные, так и районные начальники для уточнения разнообразных правовых вопросов и получали исчерпывающие ответы с подробнейшими пояснениями.

О мой дядя Саркис! Колоритнейшая личность, как вы уже поняли, неместного масштаба! Как он наслаждался, нет, он просто смаковал своё превосходство над этими, как он говорил, «жалкими чинушами, от неумения которых, к сожалению, зависит благополучие, вернее, неблагополучие нашей жизни». И это его превосходство безоговорочно признавали и принимали все, оно поднимало его

авторитет и значение в глазах знакомых, односельчан и родственников. И ещё скажу, что ищущие справедливость люди, без разницы, знакомые или нет, часто обращались к дяде Саркису за помощью и советами.

Ценой его консультаций была одна полулитровая бутылка чистейшей как слеза чачи, которую распивали с просителем тут же в сопровождении колоритной беседы за наспех накрытым столом, часто переходящей в интересный и поучительный монолог моего дяди.

Как я писал выше, мы обязательно привозили номера газеты «Айреники дзайн», в которой печатались разнообразные объявления, в том числе и по поиску родственников, друзей и других пропавших людей: дядя Саркис несколько лет назад дал объявление в газету по поиску своего старшего брата Минаса⁴³ и брата моей мамы – Айка, пропавших без вести в Великой Отечественной войне. И хотя эти поиски не дали никаких результатов, кроме периодически возобновляемых слухов о том, что якобы кто-то где-то что-то слышал о них, тем не менее, газета «Айреники дзайн» наряду с «Известиями» стала родной и любимой газетой дяди Саркиса, подшивку которой он также аккуратно вёл.

Были разговоры о том, якобы какая-то ясновидящая нагадала, что дядя Аик находится то ли в Германии, то ли в Америке; «Словом, где-то там, на той стороне», – как будто махнула она рукой и вылила на холодную воду в тазике расплавленный воск и на его умолкнувших очертаниях определила границы государства: все кинулись изучать политическую карту мира, но подходящее государство с определившимися воском границами так и не нашли. Дядя Саркис, кроме книг китайского вождя Мао Цзэ-Дуна в чёрной плотной обложке и «Армянские полководцы Великой Отечественной войны», очень любил читать стихи и часто, будучи руководителем торжественных столов в ранге тамады, своё слово обогащал стихотворными выдержками,

но исключительно из сочинений уже упомянутого нами своего брата Минаса, которого, возможно и не без основания, считал очень талантливым поэтом: «Его стихи обязательно изучали бы в школе, как изучают стихи Туманяна и басни Хнко Апера, если бы не война...», – сетовал дядя. Например, когда на свадьбе поднимал стакан за новобрачных и вечную любовь с пожеланием глубоко состариться на одной-единственной столетней подушке, обязательно приводил приблизительно такие слова, по его мнению, специально написанные исключительно для данного торжества:

**Когда волны бьются головой о берег морской,
Брызги смехом становятся
на губах моей любимой...**

А вот так, возвышенными словами того же брата, он восхвалял красоту родного края, где, по его убеждению, «невозможно быть несчастливым, потому что не где-нибудь, а именно здесь, только здесь встречаются дополняющие друг друга две величины – Небо и Земля, место свидания которых называется не иначе как Раем»:

**На высотах нашего села
Встречаются Небо и Земля,
И свет, исходящий от них,
Проникает в души людей.**

Так что, когда через несколько лет моё стихотворение «Армянские слова» было опубликовано в газете «Айреники дзайн», дядя Саркис очень зауважал меня и по достоинству оценил, сказав, что «публикация стихотворения в Ереване, да ещё и именно в этой замечательной газете, – он подчеркнул слово «этой», – которую читают все армяне всего земного шара, не совсем простое дело, я бы сказал, даже очень сложное дело, и потому это наш общий успех, наша общая победа». – Вот так торжественно подытожив своё слово, он поднял чайный гранёный стакан, наполненный до каёмки, и благословил меня:

– Молодец, мой дорогой племян, ачкис лав эревцар: ты хорошим показался моему глазу.

Что и говорить, это было наивысшей похвалой от дяди Саркиса – поощряющей и обязывающей, как говорил он сам, «побуждающей к новым свершениям», что-то вроде окрыляющей премии.

Но давайте вернёмся к нашему повествованию, тем более, что оно не совсем простое, хотя и кажется достаточно лёгким.

Вот так, грузёные всякой всячиной, мы поднимались в деревню, ведь в те годы, хоть и нуждались люди во многом и жили очень бедно, но до позора было стыдно ходить в гости, праздно размахивая пустыми руками. Это считалось дурным тоном, если не сказать – святотатством.

Я уважительным наклоном головы обязательно здоровался со всеми, кого встречал на своём пути – так учила в школе наша любимая класрук Марго Карнецян, так учили и дома: «Здоровайтесь первыми,– говорили наши старшие,– приветствие от самого Бога».

Люди останавливались, интересовались, кто я и куда, к кому в гости иду?

В деревне народ очень простой, непосредственный, приветливый, почти все предлагали зайти домой, хотя бы отдохнуть во дворе: «Заходи домой, гостем будешь, если хочешь, отдохни во дворе, балик джан, давай я тебе воду дам из нашего источника, хочешь – холодного тана. Проголодался небось».

Я по-взрослому серьёзно отвечал, что к сожалению очень спешу, потому что еду аж из Сухума, а предстоит ещё дорога длинная. «Из самого Сухума?»,- удивлялись они. «Да, я сын Сарецяна Айка, иду в гости к Демирчяну Епрему, потому что я – его любимый внук, и ещё я – любимый внук бабушки Сатеник, они очень соскучились»... «О-о-о, так ты же сын нашей Гехануш! Как же ты вырос!.. Настоящим женихом стал!.. Мы не узнали тебя, счастли-

вым и богатым будешь!»,- искренне радовались мои собеседники. Я сообщал, что скоро подойдёт мама с моими младшими сёстрами, потом говорил им «до свидания» и продолжал свой путь.

Я всегда отрывался от наших на приличное расстояние, потому что не «мог двигаться со скоростью черепахи». И ещё в моём «отрыве» заключалась небольшая детская хитрость: накопив достаточный временной запас за счёт расстояния, я мог где-то в тени могучего дерева немного передохнуть, пока наши догоняли меня, тяжело дыша и обливаясь обильным потом. Правда, это, обливание обильным потом, в основном касалось моей матери. Кстати, она очень стойко переносила все лишения и трудности нашей жизни, связанные даже с многолетней болезнью моего отца. Одним словом, наш подъём растягивался как минимум на пару часов.

Конечно, часть дороги можно было проехать на машине за несколько минут, но в те годы на селе была всего одна машина – тёмно-коричневая «Победа» Мегрияна Айка. Но она, как назло, никогда не встречалась на нашем пути: или за несколько минут до нас проезжала эту извилистую дорогу, или появлялась через несколько минут после нашего её преодоления.

К сожалению, тогда не было сотовых телефонов, и мы не могли позвонить Мегрияну Айку, чтобы он приехал за нами и подбросил нас к подножью горы, где находился дом дяди Саркиса – за домом самого Мегрияна Айка. Так что, мы не имели никакого морального права обижаться на дядино соседа, тем более, кроме добрососедства, их крепко связывало верное собутыльничество: один без другого никогда не садился за стол, который предполагал «торжественное произношение дорогих тостов». И ещё: прежде чем дойти до дома дяди Саркиса, нам надо было пройти через весь двор Мегрияна Айка. Я говорю двор, но на самом деле это был ореховый сад, где я перево-

дил дыхание в тени высоченных деревьев в ожидании матери и сестёр, одновременно до отказа набивая карманы орехами. Я их собирал для больного отца. Так вот, когда появлялась пыхтящая на всю округу «Победа», мы уже отдыхали во дворе самого Мегрикяна Айка или находились у дяди Саркиса. Правда, бывало, что мы несколько раз на дороге догоняли мегрикяновскую «Победу», напрочь отказавшуюся заводиться, чем она доводила своего владельца до отчаяния: «Чтоб взорвался твой ненасытный бензобак, когда на улице никого не будет!» Глядя на нас, дядя Айка виновато разводил руками, явно намекая на очередную постыдную капитуляцию тёмно-коричневой «Победы».

...Вот мы осторожно проходим по краю полузаболоченной поляны перед тётиным домом. Я стараюсь не очень загрязнять туфли, но мне это, как всегда, не удаётся. Я обязательно должен почти до колен вляпаться в грязь, вызывая мамино серьёзное недовольство. Кстати, это моё «гениальное умение вляпаться в грязь по уши» часто подводило меня в жизни – в прямом и переносном смысле. Да и сейчас подводит иной раз.

Еще пару минут, и мы уже входим в пологий двор дяди Саркиса, в середине которого возвышается двухэтажный дом. Рядом, с правой стороны, растёт огромное тутовое дерево. Как раз об этом дереве спустя несколько лет я написал стихотворение «В саду детства», где есть такие строки:

**Чудесное детство, ну где же ты,
Средь листьев какой шелковицы
Надёжно спряталось от меня,
Измазавшись чёрными ягодами?**

Вот под этой шелковицей нас встречает моя тётя Варсеник, с какой-то виноватой, с какой-то другой, с какой-то совсем другой грустной улыбкой на лице. И эта улыбка не стёрлась в моей памяти, не исчезла. Она сохранилась: печальная-печальная, горькая-горькая...

Я люблю всех маминых сестёр. Люблю тётю Аник, тётю Нвард, тётю Зварт... Люблю тётю Варсеник, но вместе с любовью я очень-очень жалею её, жалею до разрыва сердца. Может быть даже больше жалею, чем люблю. Потому что, как говорили старшие, я хорошо это помню, она... проклята: её прокляла мать дяди Саркиса – свекровь тёти Варсеник. Потому что не хотела, чтобы её сын женился на ней. Но тот взял да послушался воли матери. Вот и она, то ли от обиды, то ли от нахлынувшей злости душевной, прокляла тётю Варсеник, как говорят амшенцы, «смертоприносящим писанием», да так хитроумно сплела это писание, что до сих пор ни один «джинджи» (ясновидящий) не только не смог расшифровать его, это писание, но и толком объяснить, почему это страшное проклятие вдруг обошло тётю и всей своей разрушительной силой обрушилось на её детей, когда родились Анаит, Арташес, Алвард, Зинаида, – все глухонемые. Зинаиду назвали неармянским именем, чтобы проклятие заблудившись, не нашло её: но проклятие не было бы проклятием, если бы легко не разгадало эту деревенскую наивную хитрость наших родственников. И только младший сын, Владимир, с той же отчаянной надеждой названный неармянским именем, родился нормальным. «Наконец! Наконец-то обманули злую судьбу», – радовались несчастные родители. Но, увы и ах, и Владимира не обошло своим злым вниманием это всеильное проклятие. Притаилось оно, коварное, на время, тише воды и ниже травы, ждало своего удобного часа. Подкараулило. И наступил этот час через много лет. Владимир женился, у него родился сын, которого в возрасте трёх месяцев во время купания, как выяснилось потом, уронили на голову. Поздно спохватились родители, очень поздно, и то после того, как тревогу забили врачи. К сожалению, безнадежно нарушилось нормальное развитие ребёнка... Но на этом не закончились беды дядиной семьи: погиб 27-летний внук Володя, сын Арташеса. Он буквально

за несколько часов до наступления Нового года совершил наезд на эстакадную опору в районе Сухумской турбазы. В машине находились жена и двое малолетних детей. Они каким-то непонятным чудом уцелели. Володя умер в больнице... Нет, не буду продолжать череду трагических событий, скажу лишь, что тётя Варсеник винила только себя за все эти семейные несчастья. «Если бы проклятье дошло до места, не пострадали бы мои дети и внуки, не рухнул бы наш дом»,—горевала она сквозь слёзы, без которых невозможно было представить её, даже улыбающуюся.

Э-эх, бедная-бедная моя тётя Варсеник... Если бы проклятье дошло «до места»... Да неужели оно не дошло? Да неужели в этом суровом мире можно было придумать для матери «наказание» страшнее, чем то, которое обрушилось на твою белоснежную голову?!

Дядин дом действительно рухнул, потому что под его фундаментом «начала играть земля», на стенах стали появляться всё больше и больше увеличивающиеся трещины, потом обвалилась одна сторона второго этажа, за ней ещё одна... Остальные стороны разобрали сами с помощью родственников и соседей. Страшное это дело – разбирать дом своими же руками, построившими его. На первом этаже осталась небольшая комната с крохотной кухней. По иронии судьбы дом в точности повторил трагическую судьбу семьи дяди Саркиса и тёти Варсеник. В этом «доме» сейчас живёт моя двоюродная сестра Анаит, одна, не общаясь даже с родственниками: она ни к кому не ходит в гости, да и к ней тоже почти никто не идёт.

С чувством неумолимой вины прожила свою жизнь моя тётя Варсеник. Так и покинула она этот бранный мир: с какой-то другой, с какой-то совсем другой грустной улыбкой на лице, которая не стёрлась в моей памяти, не исчезла. Она сохранилась: печальная-печальная, горькая-горькая... Такой морщинистой улыбки я больше никогда не видел, даже во время войны.

...В уютном и чистом доме дяди Саркиса можно перевести дух, привести себя в порядок после длительного и изнурительного подъёма. Тётя Варсеник предлагает мацун с тёртыми свежими огурцами и чесноком или слегка подсоленный тан с ёкой – амшенскими своеобразными, тонко раскатанными круглыми двухслойными блинами. Кстати, амшеноармянская ёка очень отличается от собственно армянской ёки простотой приготовления. И вообще, блюда жителей Амшена больше приспособлены к горным и походным условиям, и это имеет своё историческое объяснение. Не зря же говорят, что изучая национальную кухню народа, можно изучить и его историю.

Здесь, в дядином доме, мы оставляем часть содержимого нашей сумки и, в первую очередь, конечно же номера газет «Известия» и «Айреники дзайн». Мой дядя Саркис тут же с нескрываемым удовольствием погружается в глубокое и жадное чтение долгожданных газет. Это вызывает заметное недовольство у тёти Варсеник и случается очень редко по причине кротости её характера.

– Гости же у нас, оставь газеты, потом будешь читать, – кротко говорит она, так, чтобы мы не слышали.

– Пусть читает, – вмешивается в их полуразговор мама и добавляет, – а мы с тобой будем говорить о своём.

Действительно, как же можно лишать дядю его любимого занятия – чтения, – мысленно я поддерживаю маму, но ничего не говорю, потому что младший, по нашим строгим дедовским обычаям, не может вмешиваться в разговор взрослых, если только к нему не обратятся сами старшие с вопросом. Да и ответ должен быть лаконичным, немногословным.

Дядя, нехотя отложивший было газеты в сторону, с благодарностью смотрит на мою маму такими глазами, какими глубоко верующие смотрят на небо в церкви перед алтарём. Он вновь погружается в чтение, и уже никто не отвлекает его.

Потом по узкой тропинке, проложенной на крутых склонах горы, мы поднимаемся к дедовскому дому, откуда открывается божественной красоты панорама с видом на море: оно аж до горизонта переливается рассыпающимся под лучами солнца золотом. Кажется, что жёлтые листья качаются на морских волнах, как чайки ныряя и выныривая из воды. Потом этот пейзаж я постараюсь сохранить в своём стихотворении:

**Здесь золотом кипит
Закат в котлах небес
И ... льётся через край
Осенний листопад.**

Нет, не из-за красоты выбрано это место для строительства дома, хотя и она имела не совсем последнее значение. Принцип выбора был один, который даже не обсуждался: здесь достаточно далеко от побережья и хорошо видна вся территория, откуда могли появиться преследующие армянских беженцев вооружённые турецкие янычары, от ятагана которых мои предки бежали в 1915 году; заблаговременно заметив их, люди могли принять какое-то решение по самозащите.

Дедовский дом... Он построен из огромных белых камней, которых, благо, вокруг было очень много. Интересно, кто же своей щедрой рукой разбросал их на склонах горы, предполагая, что когда-то здесь будут строить жилища? Однозначно, что только не простые смертные. А может быть, даже сам Бог? Он же всё знает и предвидит. Ведь только Он мог предположить, что эти камни когда-то кому-то очень понадобятся на этих крутых склонах высокой горы. Своими руками обтесав эти валуны, до крови разбивая пальцы, дед построил свой новый светлый дом – точь-в-точь такой, какой он оставил там, в Эргире – так называют армяне историческую родину предков.

Дедовский дом... Это тот очаг, где нам всегда рады, где с нетерпением ждут и скучают по нам, точно так же, как и мы скучаем по ним.

Конечно, нашего деда Епрема опять нет дома: он, как всегда, находится в горах. Вот если бы он вдруг оказался дома, мы бы сперва несказанно удивились, а потом и обрадовались так же несказанно.

Кстати, прошло всего два года, и нашего деда убили там же – в его обожаемых горах, без белоснежных вершин которых дед не мыслил себя. Там же, в этих горах, во время Великой Отечественной войны недалеко от высокогорного села Псху он попал в немецкий плен. Правда, ему удалось бежать, хотя не только этот героический поступок, но и вырезанные на спине «звёздочки» не спасли его от послевоенной высылки в Казахстан.

Я хорошо помню рассказы старших о том, что деда убили «воры, угонявшие через горы колхозный скот на Северный Кавказ для продажи». И наш «самых честных правил» дедушка, который как всегда находился в горах, неожиданно встретился им на пути и во время «разборки» получил сзади удар обухом топора по голове. Его со скалы сбросили вниз, в глубокий обрыв, где он и скончался в страшнейших муках. Об этом, по словам следователя прокуратуры, «красноречиво рассказывали следы», оставшиеся на краю опасного обрыва, глубокая рана на голове деда, а также оторванные ногти на пальцах обеих рук, которыми дедушка перед смертью буквально «распахал» землю вокруг себя, да так, что можно было, как потом говорил дядя Каро, «помидоры сажать». К сожалению, преступники не были найдены, видимо, работала «система с далеко идущей цепочкой», и дело, как модно сегодня говорить, «спустили на каких-то безотказных тормозах».

Хочу добавить, что в совершении этого чудовищного преступления моя бабушка подозревала некоторых односельчан, среди которых были и наши близкие родственники. И ещё скажу, что все эти «подозреваемые» ушли из жизни очень рано и, к слову, после тяжелой болезни. Все, которых подозревала бабушка.

Наверное, Бог действительно всё видит, но почему вершит суд после злодеяния, а не предотвращает его?

...Немного передохнув после нелёгкого пути, я выхожу в широкий двор. Не спеша, как это делают наши старшие, заложив руки за спину (вот было бы здорово иметь ещё и тёмно-янтарные, обладающие лечебными свойствами чётки для неторопливого перебирания пальцами, но увы), иду в сад, сажусь, «как отцы и деды наши садились, под развесившим листву орешником»: рядом, почти из-под его могучих корней, глубокими змееобразными извивами поднявших землю аж по мои плечи, бьёт весёлый родник кристальной чистоты.

Вскоре, перед собой подгоняя прутом осла, появляется дядя Амаяк. Привязав своего «спутника» к яблоне, растущей в середине двора, дядя спешит ко мне. Я, позабыв свои «взрослые размышления», бегу ему навстречу.

Мне очень нравился дядин смех – громкий, заразительный, с перекатами рассыпающийся на кристальные звоны, как воды дедовского источника на белых валунах.

Дядя обнимает меня, целует, гладит мою голову, спрашивает о моих школьных делах, а потом по деревянной, слегка скрипучей лестнице поднимается в дом, который стоит на каменных столбах.

Дядя Амаяк работал в сельсовете финагентом, другими словами, в райсовете получал и под расписку выдавал колхозникам деньги, заработанные ими за трудовни.

Что и говорить, любил мой дядя выпить, но это делал исключительно в выходные дни, а в рабочие «в рот не брал». И на то была своя очень веская причина, всем хорошо известная и со временем обросшая некоторыми незначительными подробностями.

Однажды, после получения денег в райцентре, он возвращался домой. Где-то на полпути в село встретил своего старого друга, по предложению которого зашли в какую-то забегаловку и «немного» выпили... Дядя появился дома

поздно ночью, без денег, он, мягко говоря, плохо сообразил... На второй день «мамой клялся», что с деньгами ничего не случилось, он их надёжно спрятал, чтобы не потерять... А вот где спрятал, хоть убейте, «категорически» не помнил. То же самое говорил и его друг. Три дня всё село, даже учащиеся восьмиклассники, по этому случаю освобождённые от занятий, искали деньги и, в конце концов, нашли у одного из соседей, а вернее, в его саду в стоге сена. Дядя Амаяк, пользовавшийся огромным авторитетом у районного начальства, отделался устным замечанием. Правда, первому секретарю райкома Константину Озгану дал мужское слово, что больше никогда не будет пить в рабочее время. И он сдержал своё слово. И только учащиеся школы иногда приставали к нему: «Ну дядя Амаяк, ну спрячьте деньги ещё раз, а, мы очень просим. Мы будем добросовестно искать целую неделю и обязательно найдём!» Дядя весело смеялся в ответ и говорил: «Ах вы негодники! Не надо раскатывать губы, всё равно не дождётесь! Я же мамой поклялся и дал мужское слово. А вы учите свой айббенгим, станьте образованными людьми. Тогда все будут уважать и ценить вас, считаться с вами».

...Во дворе остаётся я и дядин осёл, надёжно привязанный к дереву: настоящий красавец чёрного цвета, с белым животом и таким же низом мордочки и вокруг крупных и умных глаз. А уши, какие замечательные уши у него! Я совсем не верил словам дяди, когда он говорил, что прародитель ишаков не только был очень упрямым, но и очень плохо учился, за что учителя тянули его за уши. Оказывается вот почему они такие длинные! Не верил я, пока...

Я медленно и осторожно приближаюсь к ослу, начинаю гладить спину, потом жёсткую гриву, дохожу до его неоспоримой гордости – длинных ушей... Он наверное понимает, что я предлагаю ему дружбу, и принимает её, дружелюбно размахивая кисточкой хвоста, одновременно отгоняя бесстыжих мух.

Осмелев, рядом с ослom я ставлю специальное деревянное приспособление для распиловки дров: амшенские армяне их называют «ишаками», хотя больше они известны как двухрожковые козлы для двуручной пилы. Без особого труда поднимаюсь на «ишака», а затем ловко взбираюсь и на осла, как это делают опытные наездники.

О, какое же это великолепное чувство – сидеть верхом на осле! Не смейтесь, пожалуйста, потому что даже сам Иисус Христос на осле прибыл в Иерусалим! И кто же из моих городских друзей может сравниться со мной? Кто?! Да они настоящего осла даже не видели – всего-то несколько картинок в учебнике, когда изучали букву О:

**Жил ослик в деревне,
Он не был упрямым...**

А я!.. Я представляю себя на настоящем коне великим полководцем в рыцарских доспехах и с мечом в руках! Вот я преследую врага, как это делал богатырь Давид Сасунский на своём сказочном коне Куркик Джалали... Он геройствовал в горах Сасуна против арабских захватчиков, я же освобождаю родину своего деда от турецких башибозуков. Там когда-то наша прабабушка Амест своим горящим телом подожгла свой дом, чтобы он не достался захватчикам... Я тоже, как это делал благородный мститель Давид Сасунский, громогласно предупреждаю своих врагов, чтобы потом не говорили, что я внезапно напал на них – мирно спящих:

**Кто спит, скорее пробудись,
Оружье взял – седлай коня.**

Конечно, затем я мог бы поочерёдно представить себя Тиграном Великим, Варданом Мамиконяном, Геворгом Марзпетуни... Но я о них, к сожалению, пока ничего не знал. В то время я «знал» только Давида Сасунского и Мхитара Спарапета. Я до сих пор очень хорошо помню спектакль «Мхитар Спарапет», поставленный по одноимённому роману Серо Ханзадяна в Сухумском доме культу-

ры железнодорожников труппой, прибывшей из Еревана. Я помню битком набитый зал, навсегда в мою память врезался и эпизод, когда предатели во главе с Миграном арярапетом-сотником, братом Гоар – возлюбленной Мхитара, убивают Аарона, сына бесстрашного Спарапета, а затем и его самого. И вижу, я до сих пор отчётливо вижу глаза зрителей, наполненные горькими слезами... Люди плакали, не стесняясь слёз.

И ещё помню, что такими же слезами плакали женщины после просмотра индийского двухсерийного фильма «Сангам» в широкоформатном кинотеатре «Апсны», сгоревшем во время грузино-абхазской войны. Все женские разговоры в то время крутились вокруг «Сангама», у всех на устах было имя главного героя фильма Раджа Капура – одного из самых популярных артистов того времени.

Я настолько был увлечён своими представлениями, что самым беспечным образом проморгал тот момент, когда должен был сойти с осла. Я опомнился лишь тогда, когда почувствовал... вернее, перестал чувствовать свою онемевшую правую ногу, ослом плотно прижатую к дереву: пока я «истреблял» врагов, осёл незаметно для меня сделал несколько кругов вокруг ствола яблони, обмотав его верёвкой, которой был привязан. И вот сейчас стоит себе спокойно и невозмутимо, и как ни в чём не бывало, пощипывает траву, не обращая никакого внимания на мои страдания. Конечно, я несколько раз попробовал, приложив все усилия, освободиться от капкана, но безрезультатно. Потом почти слёзно упрашивал осла отойти от дерева буквально на несколько сантиметров: «Ну чем же я тебя обидел? Почему ты хочешь меня обязательно опозорить?» Но он не понимал меня, или просто делал вид, что не понимает. Одним словом, в самый не подходящий для меня момент в осле разыграло его классическое упрямство, о котором предупреждал мой дядя и которое воспето даже великими поэтами.

Конечно, я сейчас смеюсь, рассказывая об этой комической ситуации, в которую попал таким нелепым образом. Смеюсь точно так, как смеётесь вы, Но тогда... Тогда, конечно, мне было совсем не до смеха.

Чуть позже ситуация усугубилась ещё и тем, что я вдруг совсем некстати вспомнил, что «садиться на осла – один стыд, а сойти с него – стыд второй». Пришло на ум ещё и отчаянное: «Теперь иди и вытащи ишака из грязи, если, конечно, сможешь».

Я был готов сойти с осла с помощью «ишака», был согласен даже упасть на землю, лишь бы никто меня не видел в таком неприглядном виде. Но для этого надо было, чтобы осёл отошёл от дерева буквально на пару сантиметров. Всего-то на два сантиметра! Но увы и ах! Он как вкопанный продолжал стоять на своём месте, пощипывая свежую сочную траву, и все мои страдания и переживания были ему глубоко «до лампочки».

Совсем слабо утешала мысль о том, что скоро закончится трава и осёл отойдёт от дерева влево. Но, к моему ужасу, он решил дотянуться до травы, растущей справа, хотя это было не совсем удобно, и стал ещё больше прижиматься к дереву животом. Моя нога продолжала буфером плотно бесчувствовать между ослом и стволом дерева.

Здесь я хочу напомнить читателям, что и Давид Сасунский, и Тигран Великий, и Вардан Мамиконян, и Мхитар Спарпет, и Андраник Зоравар, и все остальные великие полководцы, с кем мне предстояло ещё познакомиться, на страницах книг конечно, иногда сходили с коней, чтобы пройти небольшую часть дороги пешком.

...От полного позора меня спас дедушка Епрем: когда он неожиданно появился у забора, осёл полуповернулся в его сторону с радостным восклицанием «иа-а-а, иа-а-а», и этого было достаточно, чтобы я, как набитый картошкой мешок, рухнул на землю. Подбежавший дедушка поднял меня с земли, ласково прижал к своей могучей груди... И

холод онемевшей моей ноги без слов рассказал ему о случившемся, которое почти не обернулось для меня самой настоящей трагедией.

Потом дедушка присел на корточки, посадил меня на колени и ножом для резки табака почистил мои туфли от липкой чёрной грязи.

Вечером я и дедушка долго беседовали. Много интересных сказаний услышал я, много народных изречений. Какой же у меня был мудрый дед! А перед сном мы дополнили уже известную читателю поговорку новым содержанием: «Даже с осла можно вовремя сойти», сразу же ставшим крылатым, — сначала в нашей семье, потом и среди родственников. Сейчас оно употребляется повсеместно, потому что сегодня, как никогда, очень точно определяет взаимоотношения не только между людьми, но и целыми народами и государствами.

Остаётся добавить, что сразу же после убийства моего дедушки Епрема бабушка Сатеник перешла жить в дом дяди Саркиса. Вскоре умерла и она. А ещё через некоторое время наш дедовский дом купил Хорен Гдлян, один из сыновей которого, Тельман, стал выдающимся государственным, общественно-политическим деятелем, народным депутатом СССР. Как следователь по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, он известен расследованием так называемого «хлопкового дела».

Но наш рассказ, конечно же, совершенно о другом, хотя об этом тоже.

СЕРЖИК, ЖАН ТАТЛЯН, ХАЦОНИ ПАП ОВАНЕС И ДРУГИЕ

(отрывок из повести «Классическая водолазка»)

...Старший сын тётки Вардишах Сержик очень редко появлялся в школе, и ещё реже приходил на занятия. Легче было его и таких же как он «пропускников» – прогуливающих занятия – из других городских и ближайших сельских школ найти в кинотеатрах «Сухум» и «Комсомолец» у Ботанического сада, рядом с горотделом милиции, а чаще всего в парке имени Орджоникидзе напротив школы через небольшой сквер и дорогу, которую затем переименовали в проспект Мира. К слову сказать, постоянное пребывание в парке не проходило даром: ребята здесь приобретали определённые военно-спортивные навыки, учились, периодически сменяя друг друга, «заступать в наряд» и нести что-то вроде «дежурства по парку». Они только им понятными условными знаками сообщали друг другу о надвигающейся угрозе в виде «замаячивших на горизонте» учителей, чтобы успеть спрятаться от них в заранее предусмотренных для этого надёжных местах. Учителя (в основном это были завуч Оник Гаспарян, преподаватели истории Григор Депенян, Арам Цугурян и Алик Закарян, армянского и немецкого языков Саша Мкртчян и Евстафий Бумбуриди, физики Томас Терзян и Мигран Карагозян, физкультуры Седрак Текнеджян) заходили в парк «на чашку кофе» в открытой забегаловке под высокими деревьями, за которой были установлены теннисные столы. Конечно, не все вместе приходили, по два-три человека. Иногда к ним присоединялись учителя из других школ. Здесь они не спеша «закрывали ставни своих «окон», расположение которых в схеме расписания уроков «пропускники» хорошо знали. И тем не менее, «угрозу» почти всегда первой замечала тётка Женя – «хозяйка» кафе, и предупредительным «атас!» объявляла повышенную бдительность. Именно здесь совершенствовали своё мастерство по на-

стольному теннису Сержик и его друзья. Они на достойном уровне поддерживали спортивный престиж своих школ на республиканских спартакиадах, занимая призовые места по разным видам спорта, а по настольному теннису им не было равных и они соперничали между собой. Говоря словами знаменитого спортивного комментатора Льва Озерова, они были друзьями-соперниками. Так что, однозначно правы те, кто считает, что любое время, «накопленное» даже за счёт уроков, можно потратить с обязательной общественной пользой, и не только для себя.

Ежегодные переводные экзамены по нескольким предметам Сержик «успешно сдавал» исключительно из жалости учителей к его матери; правда, итоги учебного года он подводил не с одноклассниками, а отдельно в виде переэкзаменовок, которые проводились в конце августа, в последнюю неделю летних каникул, но почему-то они назывались осенними испытаниями.

В ту пору, кроме тенниса, ещё одним почти фанатичным увлечением Сержика был старый радиоприёмник «Рекорд-59». К нему он подключал шипящий динамик, называемый у нас «ящиком», который висел под жестяным козырьком почти на самой макушке хурмы перед домом.

Каждый день Сержик на всю мощь «шуровал» песню Жана Татляна «Белый медвежонок», потому что других пластинок у него не было. Соседи от мала до велика знали эту замечательную песню наизусть. Но её постоянное «шурование» с постоянным перескакиванием иглы с дорожки стало для них настоящей пыткой, которую они стойко переносили только из глубокого уважения и безграничной любви к Жану Татлян; кстати, с ним многие были лично знакомы по школе и Сухумской филармонии, где будущая знаменитость вроде бы старалась что-то делать.

– Вот если бы знал Жаник, какой сумасшедшей популярностью пользуется на нашей улице, он бы очень обрадовался и обязательно сочинил бы песню не хуже той, в

которой «а я иду, шагаю по Москве», – с сожалением говорила тётя Арнук, и её собеседницы солидарно кивали головой, стараясь воочию представить, какого шедевра лишилось советское эстрадное искусство. И только у хацони пап Ованеса – кусающегося деда – периодически якобы не выдерживали нервы, натянутые до предела, как натёртые канифолью струны и смычок кяманчи моего дяди Ваграма (он замечательно играл на кяманче, которую, как говорили знающие в этом непростом деле толк, «буквально заставлял смеяться и плакать одновременно»): «Ай Вардишах, – громко звал хацони пап Ованес соседку, высовывая седую голову через сетчатый забор, и ещё громче, чтобы каким-то образом заглушить мутный звуковой аджапсандал, сообщал с суровым предупреждением, – нам уже постоянно, как белому медвежонку-медвежьему ребёнку, снится дикий лес. Скоро мы все убежим туда, далеко-далеко, возможно в сторону Каваклуга, где в своё время у своего друга армянина более трёх месяцев скрывался от меньшевиков абхазский государственный деятель Нестор Лакоба, кунак Сталина и будущая жертва Берия, а может быть через Цебельду и Азанту поднимемся в Сванетию. Совсем не исключено, что ещё дальше убежим, и даже выше, зароемся головой в какой-нибудь заброшенной берлоге и уже никогда не вернёмся назад. Ты слышишь, Вардишах, мы никогда не вернёмся?!»

«Ящик» тут же умолкал. Буквально на несколько минут наступала блаженная тишина.

Это тот самый момент, когда всем сердцем и душой, всей сущностью своей начинаешь с удивлением понимать и верить, что рай вовсе не выдумка каких-то фантазёров не из мира сего, что он действительно существует, он есть, и ни один атеист не переубедит тебя. И он, этот рай – о чудо из чудес! – находится не где-нибудь, не в каком-нибудь сказочном тридевятом царстве, а именно на твоей улице, и ты не только явственно чувствуешь его, но и, как

любил говорить дядя Николай, «аж даже прямо своими печёнками дышишь им», потому что находишься в нём...

Но рай не был бы раем, если бы продолжался бесконечно. И вскоре «ящик» вновь начинал храпеть, потом шипеть, как готовящаяся к смертельному прыжку змея, а потом уже, к ужасу соседей, «шуроваться» на всю мощь, райское наслаждение превращая в обыкновенный обман восприятия суровой действительности:

Белый медвежонок, медвежий ребенок

В зоопарке жил.

Очень он без мамы, без ласковой мамы

В городе тужил.

Если мама далеко, это очень нелегко,

Это нелегко...

– Не-ет,– говорил хацони пап Ованес,– если поймаю я тебя, Сержик, ох если поймаю я тебя, а я тебя обязательно поймаю, никуда ты от меня не денешься, та-ак покусая твои аломолочные щёчки, та-ак покусая, что только ацукнер (огородики) с кругленькими забориками останутся на них, на всю твою жизнь они останутся! И всю свою жизнь ты будешь помнить меня, а я буду помнить белого медвежонка-медвежьего ребёнка даже на том свете, где, по твоей милости, я очень скоро могу оказаться!

– Заборики-то будут, да с многочисленными «лазейками и калитками», болтающимися на петлях и сорвавшимися с них,– усмехался под нос дядя Андраник, имея в виду незавидные зубные ряды деда Ованеса.– Прохудился твой забор, Ованес, эх как прохудился. Да так основательно прохудился, что требует срочного капитального ремонта. Обратился бы ты к Сергею Карагозяну, худо-бедно починил бы. А то глядишь, и дети перестанут тебя бояться. Я вот сколько стараюсь, не могу понять: как же тебя терпит Рая, такого «беззаборного»? Бедная, бедная Рая...

– Зато щетина у меня отменная!– удовлетворял своё самолюбие дед Ованес.– И ещё, Сержик, запомни,– вновь

переключался дед Ованес на основную тему, на Сержика то есть. Он точно знал, что Сержик не только слышит его, но и наблюдает из-за густых кустов лавровишни, растущей в углу двора под забором,— вот ты вырастешь, женишься, у тебя будут дети, много детей, целая футбольная команда с запасными, и я их тоже буду кусать...

— Ха-ха-ха, хи-хи-хи! А Сержик никогда не женится,— заступался за старшего брата Аршо,— и его дети тоже никогда не женятся. Ха-ха-ха, хи-хи-хи!

Аршо очень удивлялся, что после этого горького предупреждения хацони пап Ованес заливался весёлым смехом, как будто находился в периодически приезжающем в Сухум Московском цирке и смотрел, как Олег Попов ловит солнечного зайчика. Он, оказывается, мало того, что хацони пап, да он ещё и такой злой, такой злой!..

— Он-то может не жениться, но его детей я всё равно поймаю в капусте. И будет вам потом «ха-ха-ха, хи-хи-хи»,— не унимался дед Ованес.

— А мы не будем сажать капусту, вот так!— держала круговую оборону за братьев Аршалуйс и пыталась контратаковать с помощью мамы,— правда, что мы не будем сажать капусту, правда, мама, да?

— Да, золотце моё,— смеялась тётя Вардишах,— вместо капусты мы будем сажать лахану.

— Вот так,— радовалась Аршалуйс,— а мы будем сажать лахану вместо капусты, а там детей никогда не бывает. Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!

Против этой железной логики у деда Ованеса не было никаких весомых аргументов, и его весёлый громкий смех красноречиво свидетельствовал о полной и безоговорочной капитуляции, сравнимой только с позорной капитуляцией немецко-фашистских войск в 1945 году. На худой конец капитуляцию деда Ованеса можно было сравнить и с капитуляцией армии генерал-фельдмаршала Паулюса под Сталинградом в 1943 году.

Пользуясь возможностью, одним словом скажем, что дети и взрослые внуки деда Ованеса жили где-то далеко в России и приезжали в родительский дом очень редко – ежегодно во время летних отпусков. И всю свою переливающуюся через край любовь, которая накапливалась в течение года, дед Ованес щедро тратил на соседских детей, выказывая её безжалостным кусанием их щёк. Не меньше «кусалась» и его богатая, с проседью щетина, которой дед Ованес гладил нежные детские щёчки до покраснения и даже раздражения. Вот почему мы его называли «хацони пап» – кусающийся дед, и когда видели его на улице, кричали: «Хацони пап идёт, хацони пап идёт!» И чтобы не оказаться в его крепких объятиях, мы в страхе разбежались в разные стороны: мальчишки – побросав свои самокаты на подшипниках, девчонки – верёвочки, через которые прыгали, а играющие в «классики» – плоские камешки.

Его именем нас часто пугали наши мамы, когда мы нарушали «установленный на нашей улице порядок»: «Вот скажу хацони пап Ованесу чем вы занимаетесь, как отвратительно плохо ведёте себя, ох и достанется же вам, так достанется, что даже порка ремнём от дяди Сергея и «укусы зелёной собаки» от тёти Зварт покажутся вам бесконечно нежной лаской!»

Сержик не на шутку опасался, что хацони пап Ованес может прийти к ним для «выяснения отношений», грозящим уже читателю известными последствиями, когда даже порка ремнём от дяди Сергея и «укусы зелёной собаки» (то есть крапивы) от тёти Зварт показались бы нежной материнской лаской.

Чтобы каким-то образом уберечь брата от этой безрадостной перспективы, Аршо на плотно прибитых друг к другу планках штaketника калитки зелёной краской нарисовал нечто, отдалённо напоминающее собаку с широким оскалом.

По правде говоря, это «нечто» больше напоминало пугачёвскую «розовую козу» (в нашем случае зелёную): «вместо хвоста нога, а на ноге – рога, я не хотел бы вновь встретиться с той козой»...

«Вот так, чем страшнее, тем лучше», – должно быть решил Аршо. Затем он в душе немного пожалел хацони пап Ованеса и на всякий случай (подальше от греха), а скорее для собственного успокоения, предупредительно вывел той же зелёной краской (кстати, без знаков препинания и с некоторыми орфографическими ошибками), заняв всю калиточную площадь:

Не захадит очень астарожна

Сразу за калиткой злая собака перезлая совсем лежит

Укусит сорок штук уколы будет болно

И это грозное предупреждение, по твёрдому убеждению Аршо, должно было перед калиткой как вкопанного остановить «жалобчика» хацони пап Ованеса.

Конечно, все знали, что никакой собаки, и особенно «перезлой совсем», тем более сразу же за калиткой не было, и, тем не менее, это «предупреждение» стало поводом для многосерийных шуток и подколов.

«А если хацони пап Ованес возьмёт да укусит злую собаку перезлую совсем?.. Кто же бедняге сорок дней подряд будет делать уколы от бешенства?» – очень переживал дядя Андраник. Он так переживал, что задумчиво качал головой, думая о том, что шедевр от Аршо достоин быть опубликованным в журнале «Крокодил» под рубрикой «Нарочно не придумаешь», а оттуда, почему бы и нет, может как эпизодический фрагмент попасть в одну из миниатюр Штепселя и Тарапуньки, или же самого Аркадия Райкина. И дядя Андраник не только воочию видел страницу обожаемого им журнала с непридумашками, под которыми стояла подпись: «Собрал Андраник Минасян», но и явственно чувствовал головокружительный запах свежей типографской краски. И ещё дядя Андраник видел, как на

всю необъятную нашу страну Аркадий Райкин объявляет, что данная миниатюра подготовлена по материалам, собранным Андраником Минасяном!

Со временем у Сержика появились новые гибкие пластинки с песнями Розы Армен, Мануэля и даже Владимира Высоцкого. Как-то дядя Андраник подарил Сержику пластинку с очень любимой амшеноармянами «Песней чобана», до сих пор считающейся народной (в скобках замечу, что поэт Ашот Кочконян, ныне покойный, в разговоре со мной утверждал, что он является автором слов этой песни. Верю, ибо перу Ашота принадлежат замечательные стихотворения на амшеноармянском диалекте, которые ничем не уступают «Песне чобана»). «Шуруй, Сержик, – сказал дядя Андраник, – шурууу...»

И Сержик добросовестно «шуроваал». Но любое «шурование» начиналось с песни о медвежонке Жана Татляна. Далее по репертуару в заснеженных горах на морозящем ветру страдал и ежился от холода кочконяновский чобан с припорошенной снегом бородой, «вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю» неистовствовали привередливые кони Высоцкого... Завершался концерт песней «Эй, джан, Ереван»:

**Звёзды ереванские ярко так горят,
А цветы душистые льют свой аромат,
Девушки красивые, свежи как весна,
Кто их повстречает, тот лишится сна.
Эй, джан, Ереван,
Город мой родной,
Эй джан, эй джан, милый Ереван,
Эй джан, эй джан, милый Ереван.
Ереван любимый, всех зову сюда,
Здесь чудесный воздух, дивная вода.
В шапке белоснежной дремлет Арарат,
А под ним мой город, как душистый сад.**

«УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ ПОЗВОЛЬ СМИРЕННО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ!»

«Очень симпатичная и приятная»

В пору моего детства взрослые, как говорили наши родители, аж спотыкались о нас на каждом шагу на обе ноги: так много было детворы на нашей Индустриальной улице, тянувшейся со своими многочисленными переулками до железнодорожного вокзала. Потом она стала называться именем Семерджиева. Просто улица Семерджиева и всё. Мы, конечно, не знали и не думали о том, кто такой этот Семерджиев, тем более какой он национальности, хотя наши родители, когда садились за популярную среди армян и греков карточную игру пастуру, рассматривали исключительно два варианта его этнического происхождения: армянский и греческий. Потом, к радости нашего соседа, дяди Лёни Иванова, в 1947 году сосланного в Казахстан с семьёй и вернувшегося оттуда после смерти Сталина, выяснилось, что Семерджиев всё же был греком, и к тому же их было двое. Нет, Семерджиевых, конечно, было больше, но знаменитыми были родные братья Иван и Константин, которые, как выяснили наши не в меру любопытные родители, были «выдающимися деятелями коммунистической партии и советского государства», что не помешало, а может быть и, наоборот, помогло им «репрессироваться» в 1937 году. А вот имени какого Семерджиева, Ивана или Константина, назвали улицу, я, как и остальные, не знал тогда, не знаю сегодня и, наверняка, уже не узнаю никогда.

Наверное, и в столичном горсовете не знали имён братьев, или демократично решили делегировать право уточнения названия улицы самим жителям: кто как хочет, пусть так и считает.

Думаю, что было бы правильно с точки зрения восстановления исторической справедливости и морального удовлетворения самолюбия родственников назвать улицу именем братьев Ивана и Константина. И эту акцию можно включить в программу патриотического воспитания «Возвращение имени», в последнее время всё больше набирающую крутые обороты в некоторых школах и особенно в Сухумском общевоинском военном училище. Кстати, в пору моей военной службы, я на конвертах писем так и указывал свой домашний адрес: улица Ивана и Константина Семерджиевых. И письма доходили до адресата.

Так вот, на нашу улицу периодически приходила участковая медсестра тётя Шура – высокая, светлая русская женщина. Когда она появлялась на повороте, мы сами подбегали к ней, плотно окружали её, потому что она раздавала довольно-таки приятные на вкус желтоватые круглые таблетки, которые называла витаминами, и мы глотали их с большим удовольствием, как конфеты.

Мы все любили тётю Шуру и знали, что она тоже любит нас, правда, каждый из нас самоуверенно считал, что она именно его любит больше, чем остальных, что именно ему она приносит витамины, а всем остальным они достаются, чтобы не было обидно, как мы говорили, «на халяву».

Так что мы уже тогда инстинктивно чувствовали, что такое взаимная любовь. Где-то в душе уже присутствовала и ревность, правда, дело до выяснения отношений не доходило. Мы так любили тётю Шуру, что не то что безропотно – с радостью соглашались даже на прививки! Наши мамы обязательно приглашали её домой, угощали разными сладостями и лучшими фруктами, а когда она собиралась уходить, щедро загружали её плодами приусадебного участка. Кстати, так же они поступали и с другими гостями – так требовали неписанные законы гостеприимства, и считалось для семьи большим позором, если гость уходил без подарка.

Также частым нашим гостем был уличный фотограф дядя Толик. Так и остался он в моей памяти с висящим на шее фотоаппаратом ФЭД в кожаном чехле и перекинутой через плечо сумкой с аккуратно сложенными фотками – как у почтальона, но поменьше. Мы дядю Толика ждали с нетерпением и встречали с особой радостью и восторгом. Он фотографировал нас, конечно, по нашему бурному желанию. Он так и говорил: «Я вас фотографирую, потому что вы бурно желаете, это порыв вашей души». Надо сказать, что «порыв нашей души», к сожалению, никогда не совпадал даже с малейшим желанием наших мам, которых мы ставили перед фактом «проявления наших рож» на глянцевой фотобумаге. Они вынуждены были «каждый раз в последний раз» расплачиваться, а те фотокарточки, между прочим, у многих сохранились до сих пор. Я иногда перебираю свой пожелтевший фотоархив, желая вернуться в то далёкое время ... и не могу понять: то ли оно покинуло меня, то ли я как-то незаметно ушёл из него, увы, безвозвратно.

Однажды на нашей улице неожиданно появились три незнакомые женщины с какими-то бумагами в руках. Две из них пошли дальше по переулку – к домам Ованесяна Бениамина и Мартиросяна Эдуарда, дети которых, Вергинэ и Ваган, должны были, как и я, пойти в первый класс.

Третья женщина, молодая и очень красивая, остановилась перед нашим домом и обратилась ко мне. «Добрый день, – сказала она, – ты в этом доме живёшь?» Я ответил утвердительно. «А как тебя зовут?» «Адо», – ответил я. «А может быть Артавазд?», – улыбнулась она. «Нет, я Адо, – сказал я, – и ещё я Ваганик». Подумав немного, я решил расширить информацию уточнением: «Здесь я – Адо, а в деревне у бабушки – Ваганик». Вышла моя мама, пригласила мою незнакомку на кофе, но та вежливо отказалась. Я, воспользовавшись моментом, помчался к товарищам, которые наблюдали за нами, стоя на почтительном рас-

стоянии. Вечером мама сказала отцу, что записала меня в первый «а» класс армянской школы. И ещё она сообщила, что моей учительницей будет Маргарита Карнецян, – это она приходила на нашу улицу и уточняла списки первоклашек. «Очень симпатичная и очень приятная женщина», – добавила моя мама. Это был день открытия чего-то не совсем понятного. И это открытие, мягко говоря, не очень обрадовало меня. Оказывается, у меня было ещё одно имя! А я не имел об этом ни малейшего представления, хотя уже начинал подозревать, что оно как раз и является моим самым главным настоящим именем!

Как Адо, я в своих представлениях был знаменитым футболистом, стремительные проходы которого неизменно завершались взятием ворот сильного соперника, что вызывало восторг у болельщиков, до хрипоты скандировавших в течение всего матча: «А-до! А-до!»

Кстати, в каждой игре я забивал несколько голов, а последний, самый эффектный, приходился на самую последнюю секунду встречи. Это происходило приблизительно так: я получал пас от своего защитника у наших ворот, на большой скорости обыгрывал всю команду соперников и приблизившись к их штрафной площадке, наносил сильнейший удар в девятку, мяч влетал в ворота, и тут же свисток арбитра, потонувший в штормящем гуле трибун, извещал об окончании игры. Многотысячный стадион стоял ликовав, восторженно гудел, мои товарищи поздравляли меня с очередным великолепным взятием ворот. Ко мне устремлялись обезумевшие от радости тренеры и запасные игроки, я же, не показывая своих эмоций, мол, это обычное для меня дело, забивать голы, безразлично направлялся в сторону раздевалки. Кстати, я никогда не бил пенальти (одиннадцатиметровые штрафные) и взятие ворот таким образом считал недостойным, не лезущим ни в какие ворота, тем более футбольные, делом. Моя симпатия всегда была на стороне голкипера. Меня удивляло,

удивляет и сегодня, безумное счастье футболиста, забившего пенальти, тем более, когда он с активной помощью команды вымаливает его у арбитра самым жалким, не делающим спортсменам чести способом. Ещё с тех далёких детских пор я жажду получать полноценную радость, заслуженную. И это касается любого моего занятия.

В какой-то момент я начал понимать, что взятие ворот, точнее, забивание голов для меня уже не является самоцелью – в этом было что-то очень личное, что-то предательски эгоистическое. Куда больше мне нравилось радовать настоящих болельщиков красивой, честной и коллективной игрой. Среди таких болельщиков вполне могли быть и поклонники команды-соперницы, ценившие мастерство футболиста, пусть даже не своего кумира. Постепенно это чувство начало доминировать во мне и со временем стало главной целью моей жизни. Это же так здорово: доставлять людям радость. Такое чувство присуще донорам, это – потребность организма. А как Ваган, я был врачом. Я видел себя в белоснежном халате, как измерял артериальное давление больного, прослушивал сердцебиение, очень строго назначал лечение. В роли больного часто представлял своего отца... Я хорошо знал, что люди нуждались в моей помощи. И я был готов без остатка отдать им тепло своей души. Они благодарили меня, благословляли. И это наполняло моё сердце радостью.

Постепенно я приходил к пониманию того, что футболист Адо и врач Ваган начинали счастливо дополнять друг друга... И в этом не было ничего удивительного, ведь они делали одно и то же дело: поддерживали людей.

Но в тот день я был в глубоком смятении. Я не мог понять, как же быть дальше, что делать с третьим именем, которое неожиданно свалилось на мою голову? Конечно, со временем всё встало на свои места, когда я понял, что душу человека лечит и доставляет ей радость только то, что было в самом Начале – Божественное Слово!

И моё имя Артавазд постепенно стало наполняться глубоким библейским смыслом: арт – поле, ваз – виноградная лоза, и ещё азд – благая весть...

Я подспудно начинал подозревать, что в судьбе человека велика роль его имени. И человек, возможно, сам того не понимая, всю жизнь стремится оправдать его значение. И это – замечательное качество, а может быть и особый дар: стремление оправдать значение своего имени. Оно, это стремление, подстёгивает человека, воодушевляет на высокие поступки, одновременно предостерегая от недостойных шагов. Кстати, практически все армянские имена несут смысловую нагрузку, в полной мере отражая не только психологию, но и в какой-то степени объясняя исторические судьбы армянского народа. Потом, через много лет, я об этом написал рассказ под названием «Уравнение».

Свои имена Адо и Ваган я представлял в виде горных рек, кристальные воды которых обильно орошали пронизанное солнечными лучами необъятное поле под названием Артавазд, на котором буйно цвели широко раскинувшиеся виноградные насаждения. Те изящные лозы до сих пор упорно тянутся к свету и чистоте.

Кстати, буквально несколько слов о винограде. Я очень рано узнал, как много значит он в нашей жизни, можно сказать, на своей шкуре почувствовал его значение. Дело было так, почти по кинокартине «Отец солдата», которую, как и фильм «Свадьба в Малиновке», часто показывали по телевизору, особенно перед новым учебным годом: как-то отец закончил требующую немалых знаний и умений обрезку винограда и подвесил секатор на специальный крючок под небольшим навесом у забора. Он отлучился буквально на пару минут, но я успел воспользоваться его отсутствием и «довёл» начатое им дело до логического, по моему мнению, завершения: взял секатор и неожиданно, даже для самого себя, ловким движением руки сре-

зал поднимавшуюся на яблоню лозу, чуть выше от земли. Обрезанная лоза, зацепившаяся плотными пружинистыми усиками за ветку яблони, беспомощно повисла в воздухе и начала истекать кристально чистым соком, будто слезами. Моя самодеятельность, мягко говоря, не очень-то понравилась вернувшемуся отцу, и я получил чувствительный подзатыльник, кстати, до и после которого отец не только никогда не поднимал на меня руку, но и голоса не повышал: «Как же ты посмел?! Это же виноград! Ты понимаешь, что это виноград!» Я не помню, понял ли отца в тот момент, но подзатыльник запомнил на всю жизнь.

Но тогда... От глубокой обиды на мои глаза навернулись слёзы. Я убежал в огород и очень долго, до глубокого вечера, просидел в его самом дальнем углу под шатким штакеточным забором.

Я твёрдо решил, что уже никогда ни за что не вернусь домой, если даже придёт тётя Шура и будет раздавать жёлтые таблетки, очень похожие на конфеты; не вернусь, даже если, как всегда неожиданно, появится уличный фотограф дядя Толик и будет – без меня! – снимать моих товарищей.

Я подумал о том, что надо построить шалаш из веток папоротника, где буду жить один, совсем один, и тут же я пожалел, что не прихватил с собой секатор, который очень понадобился бы для обрезки веток папоротника. Кстати, тогда я и не подозревал, что в своё время в таком же шалаше жил сам Владимир Ильич Ленин и готовил мировую революцию, писал свои мудрые статьи, которые я буду изучать и конспектировать уже студентом историко-правового факультета госуниверситета. И ещё я не знал, что он, как и я, родился 22 апреля. Об этом через пару лет я узнаю в школе, когда буду проходить рассказ «Ленин в Разливе» с одноимённой иллюстрацией. И я подумаю о том, как много общего между мной и великим Лениным! А пока, сидя под забором, я успел слегка «посожалеть», что

придётся распрощаться с мыслью о поступлении в школу. Конечно, очень будет ждать меня Маргарита Карнециян, но, к сожалению, она так и не станет моей первой учительницей. И вообще, у меня уже никогда в жизни не будет учительницы.

От этих грустных раздумий я перешёл к более приземлённым проблемам. Например, по вопросу еды я нашёл быстрое решение: на первых порах буду есть молодые стебли колючего растения – зимбилак с «куриными шариками», пахучую акацию, дикие яблоки и сливу (ничего, что они мелкие и кислые). И ещё я очень надеялся на поддержку своих друзей, которые будут приходить ко мне и что-нибудь приносить. Это было очень просто сделать, потому что рядом находилось наше футбольное поле, где мы проводили всё наше свободное время.

Моментами я старался представить, как же глубоко переживал мой отец за свой необдуманный поступок. Я был уверен, что он не находил себе места и корил себя самыми суровыми и безжалостными словами. И, конечно же, мама очень строго упрекала, почти ругала и стыдила его...

Признаюсь, мне было жаль маму, я уже думал о том, что надо найти какой-то способ сообщить ей, что я никогда в жизни не забуду её и чтобы она не очень сильно переживала за меня... Я сумею сохранить себя...

Я представлял грядущие страдания мамы, и слёзы ручьями текли из моих глаз. Но, увы, такова судьба, я бессилен её изменить.

Домой я всё же вернулся. Как бы нехотя, только для утешения мамы, из жалости к ней, когда она, обеспокоенная, пришла за мной и стала уговаривать меня быть великодушным, каким бывает настоящий мужчина, быть человеком, умеющим прощать... Я даже подумал, что это здорово, когда человек умеет прощать!

И я решил проявить великодушие, быть выше всех мелочных обид и простить отца.

Когда я, преисполненный чувством всепрощения, вернулся домой в сопровождении мамы, то был странно удивлён тем, что папа, сидя на тахте, как ни в чём не бывало читал любимую газету «Советакан Врастан» – единственную армянскую газету, до сих пор выходящую в Тбилиси.

Я хорошо помню, что её годовая подписка составляла 3 рубля 12 копеек – ровно столько стоила бутылка «Столичной» водки.

Помню, как-то папа сказал своему другу Вардану Манукяну... Кстати, я часто ходил в гости к Манукянам, где меня радушно принимала тётя Гегануш – жена дяди Вардана; в их дворе был глубокий колодец с резвящимися рыбками, которых я любил подкармливать. Так вот, папа сказал дяде Вардану, что газета находится на грани закрытия из-за небольшого числа подписчиков – всего немногим более 40 тысяч; по тем временам этот тираж считался небольшим. «Неужели нельзя в течение года пожертвовать одну бутылку водки для подписки на газету ради её сохранения», – сокрушался отец, и дядя Вардан, страстный любитель чтения, поддерживал его: «Мы только на словах патриоты, и то после выпитой «Столичной».

Потом, когда я стал учеником армянской школы, по своему выбору мог подписаться на любые газеты и журналы по каталогу, а выбор был очень большой и интересный: «Пионер-канч», «Авангард», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», «Пионер», «Цицернак», «Советская Абхазия» и другие. А мог и не подписаться, кроме, конечно, газеты «Советакан Врастан», на которую все ученики обязательно должны были оформить годовую подписку и даже показать классному руководителю соответствующую квитанцию.

Подписка на «Советакан Врастан» считалась проявлением патриотизма и идейной зрелости не только ученика, но и членов его семьи, о чём говорили учителя на родительских собраниях. Судя по почти стопроцентному под-

писному результату, в нашей школе учились только патриоты – идейно зрелые и такие же стойкие.

Но я, кажется, слегка увлёкся воспоминаниями, пусть и очень приятными и тёплыми, и отошёл от нашего основного разговора. Давайте вернёмся к нему.

Вопрос выбора школы, двери которой широко и торжественно распахнулись бы передо мной в день знаний, был решён давно, бесповоротно и окончательно.

Я уверен, что вопрос, на каком языке я буду грызть гранит науки, бесповоротно и окончательно был решён ещё задолго до моего рождения, ибо мой отец, как он говорил, всегда был уверен, что основное образование должно быть только на родном языке. Иной раз кажется, что Андрей Битов подслушал слова отца, когда писал в «Уроках Армении»: «...Только на родном языке можно петь, писать стихи, признаваться в любви... На чужом языке, даже при отличном его знании, можно лишь преподавать язык, разговаривать о политике и заказывать котлету».

«Я не могу духовно обеднять своих детей,– говорил отец.– Они должны на родном языке знать культуру своего народа». В доказательство он приводил следующие слова: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека» и «Я выучил язык армян... чтобы понимать, как и на каком языке говорили боги... ибо армянский язык есть язык богов... и Армения есть родина богов... и боги родом из долины Араратской...» Эти слова я в старших классах выучил наизусть и тогда же узнал, что первое изречение принадлежит Валерию Брюсову, второе – Джорджу Байрону. И ещё, самое главное, отец надеялся, что я получу образование в Армении и останусь там жить. Но увы и ах...

Хочу, чтобы читатель правильно понял меня: это не значит, что он был против изучения других, и особенно русского, языков. Наоборот, сам он, имея четырёхлетнее образование, кроме армянского, очень хорошо знал рус-

ский и турецкий языки, неплохо говорил на греческом и грузинском языках, немного понимал абхазский, что было не совсем простым делом. Знание языков не раз выручало его в сложных ситуациях. Отец писал красиво и грамотно, очень внимательно и бережно каллиграфическим почерком выводил буквы, с каким-то особым к ним уважением. Так же почтительно он относился к образованным людям, ценил их слово, любил с ними беседовать, гордился младшим братом Аршавиром – студентом филологического факультета Сухгоспединститута, окончившим ещё и историко-правовое отделение госуниверситета.

И ещё, я помню, он с удовольствием говорил о том, что с ним работает абхазский парень, который тоже учится в пединституте и пишет стихи. Но я тогда не запомнил ни его имени, ни фамилии.

Прошло много лет, в нашей жизни случилось много событий, в том числе и война, ставшая настоящей трагедией. Уже после смерти отца я с друзьями как-то сидел в кафе «У Фени», что на проспекте Мира, напротив магазина «Абхазкнига». Рядом за столом какие-то незнакомые люди тоже, как и мы, пили кофе с водкой, тоже без закуски. Я обратил внимание, что один из них пристально смотрит на меня, а потом спросил: «Вы не сын Аика Сарецяна?» «Да, – ответил я, – он мой отец». «Ты очень похож на отца. Много лет назад я с ним работал на ткацкой фабрике. Моя фамилия Агындиа. Сергей Агындиа». Стоит ли говорить о том, что мы подружились с Сергеем, к этому времени уже известным абхазским поэтом. Сегодня мы переводим наши произведения: я его – на армянский язык, он мои – на абхазский. И это замечательно! Уверен, что мой отец от всей души поддержал бы нас. Добавлю, что к моменту моего знакомства с Сергеем я, поглощенный домашними заботами, практически полностью отошёл от литературной работы. И только по его настоятельному требованию вновь вернулся к ней, за что я премного благодарен ему.

Отец много читал, особенно книги, вышедшие в серии «Жизнь замечательных людей» о выдающихся полководцах, деятелях науки и культуры, спорта. Одним из любимых его писателей был Ашот Арзуманян, автор книг «Адмирал», «Братья Орбели», «Бюраканский меридиан», «Тайна булата»... Ценил книгу Ивана Падерина «Комдив бессмертных», а после знакомства с Евгением Евтушенко, зачитывался его книгами.

Он очень уважал семью Арсена и Амест Яланузянов – наших соседей и родственников, дети которых, Карлен и Каринэ, учились в армянской школе. «Вот, – говорил папа, когда кто-то уговаривал его отдать меня в более перспективную, по их мнению, русскую школу, а таковых, кстати, было немало как среди наших соседей, так и среди родственников, – смотрите, – папа доставал из шкафа книгу «Черноморская заря» (в которой были опубликованы стихотворения его другого брата, Андраника) с вчетверо сложенной газетой «Советская Абхазия», на второй странице которой была размещена небольшая информация о нашей школе со снимками, сделанными знаменитым фотокорреспондентом Семёном Коротковым (автором гениальной фотографии «Мать», обошедшей весь мир и рассказывающей о матери, увидевшей на фотографии, сделанной 20 лет назад, своего погибшего в Великой Отечественной войне сына. На фото он уходил в бой, из которого не вернулся). Так вот, на одном снимке в той газете была запечатлена учительница русского языка и литературы Таисия Матосян, на другом – ученик десятого класса Карлен Яланузян на уроке радиофизики. Для пущей убедительности отец громко читал: «Радиоинженер Г.Адамян доволен: схему устройства радиолампы ученик 10-го класса Карлен Яланузян начертил правильно». – Вот видите, какие замечательные успехи у Карлена?! А ведь он учится в армянской школе! И что ему мешает быть отличником по всем предметам?! – как бы интересовался он, хотя на самом

деле намекал, что ничто не мешает ему быть отличником по всем предметам. Отсюда плавно и недвусмысленно вытекало, что и на моём образовательном пути не должно быть никаких преград и препятствий. Потом он подводил итоги разговора.– А русский язык Адо обязательно выучит, среда у нас русскоязычная, да и учителя в школе очень хорошие».

Это был стопроцентный аргумент в пользу моего предстоящего армянского обучения.

Кстати, тот пожелтевший номер «Советской Абхазии» от 29 декабря 1963 года до сих пор хранится у меня. А Карлен Арсенович стал генеральным директором телерадиокомпании «Мир», выдающимся журналистом и переводчиком, перу которого принадлежат замечательные переводы детской книги Норы Аргуновой «Песенка Савояра», романов Юлиана Семёнова «Приказано выжить» и Даура Начкебия «Берег ночи», рассказов Наринэ Абгарян и других авторов...

...Незаметно пролетели последние летние дни, наступил день первого сентября. Он сохранился в моей памяти солнечным праздником. Его сюжетные линии, к сожалению, обрываются местами, но, тем не менее, дают некоторое представление о самых первых минутах самого насыщенного периода моей жизни – школьного.

Помню, что мы с мамой пришли в школу рано утром с большим букетом цветов из нашего сада. В многолюдном дворе в ожидании своих первоклашек уже стояли их первые учительницы, приходившие на нашу улицу с бумагами в руках, на которых что-то писали после разговоров с нашими родителями. Я их узнал сразу. Мы подошли к моей учительнице, которая «очень симпатичная и приятная».

Увидев нас, она улыбнулась. «Здравствуй, Артавазд», – сказала она после того, как поздоровалась с моей мамой. Я немного растерялся от её обращения и уже хотел поправить её, вернее, напомнить, что я в городе Адо, а в

деревне, у бабушки, Ваганик, но поймав мамин строгий взгляд, ответил так, как она учила дома: «Здравствуйте, уважаемая Маргарита». Учительница погладила мои волосы, облизанные вверх языком телёнка (так говорила моя нене: «Вот здесь твои волосы облизал телёнок, потому они пошли закрученными неподчиняшками вверх»). Я подумал о том, что я всё же здорово поступил, как настоящий мужчина, когда простил отца и вернулся домой, проявив великодушие. Я даже перешагнул через своё самолюбие! Ради такого замечательного школьного праздника стоило поступиться принципами. Представляете, как бы огорчилась моя учительница, если бы я не пришёл в школу? Возможно, она даже заплакала бы горькими слезами, узнав о том, что я навсегда покинул дом и живу совсем один в сооружённом из папоротника шалаше. И каким жалким человеком выглядел бы я в её глазах, необязательным и лживым человеком, который вот так запросто смог подвести свою маму, твёрдо обещавшую, что я обязательно буду учиться в её самом первом, тем более «а» классе. И с какой радостью она это отметила на своей бумаге! «Она перед нашей фамилией поставила крест...», – вечером сказала мама. «Как крест, в каком смысле?!», – помню, удивился отец. «В положительном смысле, – успокоила его мама, – мы будем её самым первым «а» классом!»

Во дворе школы людей становилось всё больше и больше. Приходили ученики, родители, выпускники школы разных лет и просто те, кто душой болел за школу. Много было цветов, улыбок, многие щёлкали фотоаппаратами, из колонок звучала весёлая музыка. Состоялась линейка, на которой какие-то дяди и тётки говорили очень правильные слова, потому что после их выступлений звучали аплодисменты. Я ещё обратил внимание на то, что многие не слушали ораторов, но услышав аплодисменты, тоже хлопали в ладоши, так, из солидарности. Я хорошо запомнил одного оратора по его нескучному выступлению. Это был

директор школы – Аршавир Саркисович Джидарян, очень известный человек, писатель. Пройдёт несколько лет, и я с удивлением узнаю, что билет члена Союза писателей СССР он получил лично от Максима Горького в 1932 году, был ближайшим другом основоположника абхазской литературы Дырмита Гулиа, входил в редколлегию пятиязычной газеты «Советский писатель Абхазии». Вы удивитесь, но была такая замечательная газета!

Потом учащиеся выпускных классов, среди которых была и моя двоюродная сестра Нвард, преподнесли подарки нам – первоклашкам. Разные были подарки: книги, конструкторы, машины... Я стал счастливым обладателем вертолёта, набора цветных карандашей, альбома для рисования и книги Харпер Ли «Убить пересмешника» на армянском языке, которую прочитал на одном дыхании через несколько лет.

Но вот и прозвенел мой самый первый звонок! Я пишу «мой самый первый звонок», потому что он для каждого индивидуален, неповторим, для каждого он «свой», ведь каждый из нас по-своему воспринимает его. Для меня это тот звонок, который до сих пор не прерывается, до сих пор не перестаёт звенеть, до сих пор продолжается днём и ночью, и надеюсь, не прервётся раньше моей жизни.

Потом мы встали в колонну по двое и в сопровождении нашей учительницы Маргариты Карнецян и наших мам поднялись на второй этаж и зашли в наш класс перед просторным коридором, большая часть которого была отгорожена фанерными листами под две классные комнаты; одна из этих комнат на целый год приютила нас, когда мы перешли в пятый класс. А в нашей первой классной комнате, которая потом, после расширения школы, стала учительской и таковой является до сих пор, мы провели замечательные годы нашего начального образования. И первые слова, которые написала наша учительница на доске (потом я узнаю, что это библейское изречение

первыми армянскими буквами начертил во веки веков в каждом армянском сердце основоположник отечественной письменности Святой Месроп Маштоц ещё в начале 5-го века), призывали «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума» («Ծախշչել զիմաստութիւն եւ զխրատ, իմանալ զրաւս հանձարոյ»)». Они вместе с первым звонком проникли в мою сущность. Их не отделить друг от друга – дополняющих друг друга первый звонок и первое предложение, как не отделить друг от друга воздух и крылья: от их слияния рождается парение.

Стоит ли говорить о том, с каким трепетом мы учились неумелой рукой правильно выводить в тетрадах разные линии и чёрточки, которые гармонично соединяясь, становились армянскими буквами! С лёгким нажимом вниз, волосняной линией – вверх, потом опять с нажимом вниз, потом опять – вверх... Потом лёгкие соединительные линии.

На наших глазах происходило чудо: рождались буквы, слова, предложения! И творцами этого, пусть пока очень далёкого от совершенства чуда были мы! Как приятно скрипело перо в тишине класса: скрип-скрип. Иногда этот скрип прерывался на несколько секунд: когда мы макали перо в чернильницу-непроливайку или очищали перо специальным самодельным приспособлением – перочисткой. Потом опять: скрип-скрип. И вокруг нас: скрип-скрип...

Как будто музыка звучала в моей душе, и от солнечного света весело лучились чернильные буквы на тетрадной странице с косыми сплошными и пунктирными линиями... Учительница внимательно следила за нашими стараниями, подбадривала нас, а после проверки ставила поощрительные знаки под нашими письменами: звёздочки, солнышки..., которые до сих пор светят в моей душе.

Конечно, наши пальчики уставали, но постепенно привыкали к ручке. Тогда же я от ручки набил мозоль на среднем пальце, и она до сих пор есть. И ещё скажу, что многие из нас до поступления в школу знали буквы. Я, например, кроме армянских, знал и русские буквы, довольно-таки неплохо и грамотно выводил отдельные слова.

С улыбкой вспоминаю о том, как я рисовал нашего соседа Бориса Анисимова, известного моему читателю как дядя Борис-восьмёрка по рассказу «Фирс», в длинной военной шинели и подписывал: «А.Сарецян: «Маёр дядя Борис», а мама поправляла: «Не «маёр», а «м-а-й-о-р».

И до сих пор, прежде чем написать это слово, я на секунду останавливаюсь, чтобы по почти дошкольной привычке вдруг не вывести «маёр» и «не ударить лицом в грязь» перед внуками. И опять, как в детстве, мамин голос подсказывает: «Не «маёр», а «м-а-й-о-р».

Я очень трудно привыкал как к писанию правой рукой, так и к своему имени, а также к его правописанию – вместо «Артавазд» я упорно писал «Ардавас», потом «Ардаваз»... И ещё скажу, что во всех моих документах моё имя значится как Ардаваст: именно так, с тремя ошибками заполнено моё свидетельство о рождении. Потом имя Ардаваст перекочевало в мой аттестат, в военный билет, удостоилось ехиднёйшей издевки с хихиканьем в приёмной комиссии университета («Поступает на филфак, а своё имя пишет с тремя ошибками»). В конце концов это «неправильное правильно» утвердилось в моём дипломе историка. Потому что документы надо заполнять правильно, то есть по свидетельству о рождении. Вот и получается, что в моём случае «правильно» значит с тремя ошибками.

И только свои произведения я подписываю в соответствии с правилами армянского языка.

Мы учились не только читать и писать, но и рассказывать. Это очень важно – владеть устной речью. Помимо школьной программы, мы рассказывали сказки, поучительные семейные беседы, которые сохранялись, переходя из поколения в поколение.

Очень много сказок знала наша одноклассница Имастуи Калайджян, казалось, что она их черпала из бездонного волшебного колодца. В моей памяти осталась и притча «Черпак», рассказанная Робертом Депалянном.

Я тоже рассказывал сказки, легенды и притчи, услышанные от моих бабушек. Некоторые, на мой взгляд, отличались глубокомысленностью. Например, «Быль о древе мудрости и роднике воли», «Сказ о падении самой неприступной крепости» я впоследствии опубликовал в своих книгах.

Мы много читали, особенно детские газеты и журналы «Пионер-канч», «Цицернак», «Пионер», были активными посетителями не только школьной библиотеки, но и городской детской, которая, кстати, до сих пор находится там же – через дорогу от школы, рядом со сгоревшим зданием Сухумского главпочтамта.

На уроках чтения учительница читала сказки и рассказы разных писателей. Так, навсегда осталось в моей памяти её чтение рассказа Ованеса Туманяна «Гикор», который мы слушали со слезами на глазах. Чтение часто прерывалось, потому что плакала и сама учительница, а дома плакала моя мама, когда помогала мне делать уроки.

А как же смеялись мы, тоже до слёз, когда читали сказку того же Ованеса Туманяна «Храбрый Назар»!

Всё было так, как и в жизни: то плакали взахлёб, то взахлёб смеялись. И потихонечку менялись мы в мире, и мир менялся в нас. Как-то незаметно, даже для самих себя, мы начинали понимать, что уже другими глазами смотрим на казалось бы простые, обыденные вещи, по-своему осмысливаем их, и пусть наивно и смешно.

...Мы уже учились в третьем классе. Однажды, во время большой перемены, в школу пришла мать нашего одноклассника Акопа. В этом не было ничего удивительного: она была председателем родительского комитета нашего класса и приходила в школу почти каждый день. В её обязанности входило решение организационных вопросов: сбор денег на подарки, посещение Ботанического сада и Государственного музея, экскурсионные поездки в Новый

Афон, на Сухумский маяк и мост царицы Тамары, который был построен в XI—XII вв...

Это очень короткий список её обязанностей. Хочу, чтобы читатель знал: внешкольная часть нашей школьной жизни была довольно-таки интересной и насыщенной.

Мама Акопа, всегда улыбчивая и приветливая, на этот раз стремительно зашла в класс на большой перемене и попросила нас выйти из комнаты и не заходить до тех пор, пока не пригласят. В классе остались она и наша учительница. Они долго о чём-то говорили, стоя у открытого окна, говорили даже после звонка на урок, когда мы уже столпились перед дверью, и некоторые из нас, более нетерпеливые и любопытные, приоткрывали дверь и заглядывали в узкую щель. Они шепотом сообщали нам, что «стоят у окна и о чём-то говорят». Наконец председатель родкома так же стремительно вышла, и мы поспешили к своим местам. Встали за партами в ожидании разрешения сесть. Учительница уже стояла у своего стола, какая-то другая, совсем сама не своя, какая-то тревожно-напряжённая. И ещё я заметил, что у неё заплаканные глаза. Конечно, это заметили и мои одноклассники, потому что все стояли молча, не переглядывались, не шумели, как это делали обычно. Каким-то глухим и хриплым голосом учительница пригласила нас сесть. Урок прошёл совсем не так, как обычно проходил, без воодушевления и азарта.

На следующий день в классе поползла совершенно секретная информация, первоисточником которой был Акоп: оказывается, наша учительница Маргарита Карнецян выходит замуж (и за кого бы вы подумали?) за его дядю – младшего брата отца!

(Кстати, отец Акопа был довольно-таки известным в городском масштабе певцом, пел в находящемся на набережной ресторане «Амре», очень популярном в советское время, излюбленном месте творческой интеллигенции и гостей столицы, воспетом даже Искандером. Потом авторитет отца Акопа в наших глазах вырос до недостижимых высот, когда мы узнали, что он с детских лет дружен с вы-

дающимся футболистом ереванского «Арарата» и сборной СССР Леоном Иштояном. У меня даже сохранился снимок, запечатлевший их на сухумской набережной).

Это была достойная новость! Её следовало немедленно сообщить нашему соседу Стёпе Саркисяну, который хоть и был старше меня на два года, но учился тоже в третьем классе русской школы №3, что напротив церкви. Как информацию, не имеющую никакого отношения к нашему повествованию, сообщу, что в этой школе в своё время учились гений зла Лаврентий Берия и гений добра Фазиль Искандер. Может быть, они учились в той же классной комнате и сидели за той же партой с откидными крышками, за которой, хоть и нехотя, через много лет грыз гранит науки Стёпа. Если кто-то хочет опровергнуть эту версию, пусть не забывает, что в нашей жизни всякое бывает!

Стёпа для нас был непререкаемым авторитетом, потому что не только два года, как говорила его мама, тётя Вардуш, «отсидел» в одном и том же классе и мы очень легко догнали его, но и полным ходом курил отцовские сигареты. Об этом знали все, и даже его родители. Он часто бывал в своём дедовском доме – тоже на нашей улице, но ближе к остановке «Кинопрокат», что в пятистах метрах от наших домов: туда мы ходили с мамами за покупками в гастрономе или трикотажном магазине рядом с почтовым отделением. Так вот, кинопрокатовские ребята: братья Ладария, Хачатуряны, Бостанджяны и другие, были намного старше нас, и Стёпа у них узнавал «сногшибательно интересные» новости, которыми потом делился с нами.

Всё новое – поджиги из гвоздя-бойка, резинки, выполнявшей роль спускового крючка, и согнутой на девяносто градусов с приплюснутой стороны металлической трубки, дно которой заливалось расплавленным свинцом и управлялось спичечной серой вместо пороха; рогатки и ходули из заборного штакетника; или постоянно совершенствовавшиеся самодельные деревянные самокаты на подшип-

никах, которые мы периодически смазывали тавотом, как это делал дядя Карен Кабасакалян: он очень аккуратно смазывал подшипники ступицы своего сталинского «Москвича»; или не совсем понятные нам слова, которые сейчас в телевизионных передачах отмечают пиликающими многоточиями,— всё это приносил на наш переулок Стёпа.

Он для нас был первооткрывателем: как Христофор Колумб, Семён Дежнёв... Стёпа всегда был на высоте!

Так вот, после занятий, когда я пришёл домой, быстро переоделся и поспешил к Стёпе. Из щелей свинарника за домом шёл дым и во дворе распространялся приятный табачный запах. Значит, Стёпа там и курит «свистнутую» у отца сигарету. Я пошёл к свинарнику.

— Стёпа,— тихо позвал я.

— Здесь я, здесь,— отозвался он и выполз из свинарника мне навстречу.

— Ты знаешь, наша уважаемая выходит замуж...

— Значит, надуют,— прервал меня Стёпа, как будто уже знал о том, что я должен был сообщить ему.

— ... за дядю моего одноклассника Акопа,— по инерции продолжил я.

— Какая разница за кого? Всё равно, надуют.

— Кого надуют?— не понял я.

— Да твою уважаемую,— слегка рассердился Стёпа за мою «хроническую непонятку».

— Как надуют? Кто её может надуть?! Она же учительница! Она же всё на свете знает!

Я искренне был удивлён и почти возмущён, потому что слово «надувать» у нас ассоциировалось со словом «обманывать». Если говорили, что «кто-то кого-то надул», надо было понимать, что «кто-то кого-то ловко обманул».

— Да ты что? Ты лобут?..,— чуть было не удивился Стёпа, но тут же засомневался и добавил, слегка смягчившись,— что ли?!.. Её живот надуется как футбольный мяч!

И хотя мне не понравилось сравнение со словом «лобут», которое означало что-то вроде олуха, но тем не менее, я решил уточнить эту сногшибательную новость:

– Как это: «как футбольный мяч»?

– Как-как... Как футбольный мяч надувают насосом?–
Вопросительным знаком скрутилось Стёпино терпение, готовое вот-вот лопнуть как надутый детский шарик.

Тут вышла из кухни тётя Вардуш и сказала строго, положив руки на круглые бёдра: «Стёпа будет делать уроки». Мы все, уличные ребята, знали, как делает уроки Стёпа, вернее, не делает. Знала это и тётя Вардуш, и когда она на весь переулочек объявляла: «Стёпа будет делать уроки» с добавлением «Ваше дело уже сделано», все мы понимали, что она это говорит исключительно для собственного утешения.

И ещё тётя Вардуш очень просила «соблюдать строгую тишину», когда Стёпин папа, дядя Левон, возвращался домой после ночной смены (он работал на «поливалке» в спецавтохозяйстве), которая продолжалась до полудня, и, уставший, ложился передохнуть часик-другой, пока соберутся соседи, чтобы сесть «за домино» и не вставая играть до полуночи – почти до заступления на новую смену. И так – каждый день. Когда дядя Левон возвращался, перед нашим поворотом включал водяной насос на «поливалке», искрящимися на солнце фонтанами возвещая о своём приезде. Потом на нашем шумном переулочке устанавливался «тихий час», почти граничащий с комендантским.

После разговора со Стёпой я начал внимательно следить за животом учительницы, но он, к моему удивлению и глубочайшему разочарованию, не надувался. «Не «надул» ли меня сам Стёпа?» – уже слегка сомневался я.

С большим трудом выдержав несколько дней, я об этом сообщил Стёпе и удостоился его почти презрительного взгляда.

– А свадьба была?– спросил Стёпа.

– Не знаю,– ответил я.

– Узнай и скажи мне,– сказал Стёпа.

Я с готовностью принял поручение Стёпи:

– Завтра же всё узнаю у Акопа, мы с ним сидим за одной партой.

На следующий день ещё до начала уроков я уже знал, что свадьбы не было, она состоится осенью будущего года, вернее, осенью текущего календарного, а учебного – будущего. Вечером всё это я подробно рассказал Стёпе. Он очень внимательно выслушал меня и сказал:

– Вот видишь, ты настоящий лобут. Живот надувается после свадьбы, хотя бывают и исключения. Живот медленно надувается. Понял? В основном после свадьбы! И запомни: очень медленно!

– Почему очень медленно?– разочаровался я.– Футбольный мяч дядя Борис надувает «за быстро».

– То – футбольный мяч, а это – живот. Если «за быстро», будет больно. А если медленно и почти не заметно, то не больно.

Я, конечно, ничего не понял, но убедился ещё раз: «Стёпа знает всё!» Он даже знал, что «самая настоящая брехня» все разговоры о том, якобы детей находят в капусте, куда их приносит ночью аист. «Вон,– говорил Стёпа,– тётя Зина никогда в жизни не сажает капусту, а откуда у неё взялся Руслан?» «А может быть когда-то она сажала капусту, просто мы не видели?»,- как-то засомневался я. «Нет,– перебил меня Стёпа,– я узнавал, она никогда не сажала капусту». На этом тема была исчерпана.

И чем больше я убеждался в Стёпином всезнайстве, тем больше удивлялся, что зная всё, он почему-то «сидит в том же классе», не переходит в следующий.

Вскоре «нарисовалась» ещё одна проблема. «В следующем учебном году наша уважаемая не будет преподавать у нас,– думал я, глубоко раздосадованный тем, что мы были выпускным классом у нашей учительницы.– И как же быть, чтобы не упустить «интересный момент?»

Я всё больше и больше концентрировался на мысли о том, что будет несправедливо, если наша учительница в следующем году не будет преподавать у нас, и никак не мог представить, что кто-то сможет заменить её. «Может быть, стоит, как Стёпа, ещё на один год остаться в том же классе?!», но мама быстро развеяла все мои «не

прикрепленные реальностью надежды», заявив, что наша учительница в следующем году будет преподавать уже в первом классе, а я, дылда, буду сидеть с малышами в третьем, если, конечно, не передумаю. Я передумал и благополучно перешёл в следующий класс. У нас появились новые преподаватели, с некоторыми из них мой читатель скоро познакомится.

Наша первая учительница Маргарита Карнецян набрала новых первоклашек. Но она постоянно интересовалась нашими успехами. За советами мы часто обращались к ней и получали исчерпывающие ответы.

Что же касается «интересного момента», которым, оказывается, интересовался не только я один, то его я проморгал самым бездарным способом. Проморгали и мои одноклассники. А сам «интересный момент» совпал с летними каникулами.

Через много лет в первый класс моей учительницы была принята моя крестница Альвина, которая вскоре умерла от «плохой болезни» в страшных мучениях.

На похоронах наша – моя первая, а Альвинина первая и последняя – учительница подошла ко мне и обняла меня крепко-крепко. Она долго плакала, положив свою седую голову на моё плечо. Она плакала, а я вспоминал трагическую судьбу маленького мальчика Гикора из одноимённого рассказа Ованеса Туманяна, который она читала для нашего класса, когда мы были такими же маленькими, как Альвина. «Всё, всё есть, как было, только его нет...», – читала учительница и плакала.

И ещё я понял, что все мы в жизни Гикоры. Но об этом мог сказать только Ованес Туманян.

Потому что только он знал это.

Когда мы перешли в школу среднего уровня, успешно сдав выпускные экзамены по родному языку и математике за начальное образование, вместо одной учительницы Маргариты Карнецян, преподававшей почти все предметы (кроме русского языка, который со второго класса по десятый вела Рита Григорьевна Асмиян, ставшая нашей классной руково-

дительницей; в неё, как она рассказывала, в своё время «по уши был влюблён Алексей Ласуриа», впоследствии – знаменитый абхазский поэт), у нас появились новые учителя, в основном мужчины, что не совсем нас обрадовало. Наше плотное расписание уроков пополнилось другими предметами: родной язык и литература, алгебра и геометрия, география, иностранный язык, история древнего мира, ботаника...

Наших новых преподавателей мы и раньше видели каждый день на переменах, они тоже с красными нарукавными повязками дежурили на этажах, но мы не думали о том, что они зайдут в наш класс в качестве наставников.

Кроме школьных, в число моих учителей по праву входят и писатели, ставшие моими мудрыми воспитателями: Шалва Лейварсанович Цвижба, Евгений Александрович Евтушенко, Геворг Эмин, Беник Мкртычевич Сейранян, Сос Аршакович Симаворян, Аршавир Саркисович Джидарян, Андраник Амбарцумович Багарян, Акон Вагаршакович Чобанян, Акон Торосович Гурунян... Я себя считаю их учеником. Это – большая честь для меня.

С чего начался развал СССР

Продолжением природоведения стал в ту пору очень интересовавший меня биологический цикл предметов, который (в пятом классе ботаника) преподавала своенравная и немного странноватая учительница Гехецик Яйлян.

Эти предметы «как воздух» были нужны мне для поступления в Ереванский медицинский институт, в котором уже училась наша родственница: я с детства мечтал стать врачом-кардиологом, чтобы раз и навсегда вылечить своего больного отца, читал соответствующую медицинскую литературу и скажу без хвастовства, какие-то знания сохранились у меня до сих пор и сыграли не совсем последнюю роль в моей жизни, когда я с сердечным приступом несколько раз попадал в больницы как в Сухуме, так и в Сочи и Ереване.

Читатель, возможно, не поверит, но я говорю правду, положила руку на сердце: всего один раз наша учительница Гехецик Яйлян вызвала меня отвечать урок и поставила тройку, даже не поставила, а как бросила сквозь зубы, просто подарила по доброте своей. Я рассказывал долго и, помню, хорошо. Учительница неподвижно сидела за своим столом рядом с такой же неподвижной учебной моделью человеческого скелета в натуральную величину и смотрела в одну и ту же точку в верхнем дальнем углу кабинета биологии. В какой-то момент я понял, что она просто не слушает меня. После ответа я минут пять стоял молча, переминаясь с ноги на ногу. Но она упорно продолжала смотреть в свою излюбленную точку. Кстати, от нас тоже требовала сидеть неподвижно, молча и ровно. «Лишние движения – это лишняя трата энергии», – любила напоминать она. В конце концов, не зная, что же делать дальше, я ещё раз рассказал тему... Учительница продолжала сидеть молча. Повторять тему я уже не стал, несмотря на отчаянные старания-мольбы моего друга Карапета Эксузяна, яркими жестыкуляциями требовавшего ни в коем случае не останавливаться, как резину тянуть и тянуть время; точно так, как умел это делать на своём поле знаменитый в ту пору футболист тбилисского «Динамо» Владимир Гущаев, когда счёт был в пользу своей команды...

Вдруг учительница встрепенулась, внимательно посмотрела на меня, словно дрелью просверлив насквозь так, что я даже почувствовал проникающие в меня круговые движения её взгляда. Потом она как-то снисходительно сказала: «Так и быть, подарю я тебе, бездельнику, тройку». Я хорошо помню тот урок, до и после которого в течение всей своей школьной жизни я не отвечал по биологическим предметам (не отвечал не потому, что не хотел отвечать, а потому что не спрашивала учительница). Это был день 3 апреля. Наша уважаемая (так мы звали учительницу) стремительно зашла в класс, над головой

держа свежий номер «Комсомольской правды», помахала газетой и громко, чтобы слышали все, крикнула: «Сенсация! Сенсация!» Она так пронзительно произнесла эти слова, что даже неугомонный Рафик Маркарян, рукой прикрыв во внутреннем кармане пиджака ужа, пойманного совместными усилиями в парке напротив школы, перестал паясничать. Наш шумный класс мгновенно замер, заинтригованный, какой же сенсацией уважаемая может удивить нас, избалованных многими великими свершениями: мы по примеру Юрия Гагарина мечтали стать космонавтами или шахматными королями как Тигран Петросян... Правда, лично я не хотел стать ни космонавтом, ни «железным» Тиграном – я мечтал стать врачом и, по совместительству – великим футболистом, как наш соотечественник Саркис Овивян, чьи хитроумные удары в виде «сухих листьев» заставляли врасплох даже обезьян! А Никита Симонян?! Тем более, что его двоюродная сестра, Таисия Матосян, преподавала в нашей школе русский язык и литературу. Кстати, все старшеклассники были влюблены в неё.

Здесь я должен обязательно уточнить: школьная молва гласила, что виртуозные обезьяны, которых специально тренировали в Сухумском обезьяньем питомнике под наблюдением учёных, таких маститых, как сам профессор Григорий Магакян, намертво ловили пробитые Овивяном мячи, но от фантастической мощи удара вместе с ними влетали в ворота. Кстати, мы были уверены, что сотрудники питомника как раз и были заняты именно этим важным делом – специальной тренировкой обезьян, а не медицинскими исследованиями, как периодически писали наши газеты исключительно для дезинформации иностранных шпионов, которые под видом туристов днём и ночью охотились за Саркисом Овивяном с целью его похищения и дальнейшего вывоза из нашей страны в Бразилию, где он должен был играть в одной команде с великим Пеле! Именно так гласила школьная молва: сам Пеле заявил корреспонденту газеты New York Times, что его талант может раскрыться только в игре в паре с Саркисом Овивяном!

Я живо представлял менявшие траекторию полёта удары Овивяна, воочию видел, как обезьяна-вратарь, молниеносным прыжком словив мяч, влетает в ворота, и если бы не сетка, она вместе с мячом полетела бы на трибуны к болельщикам. Дальше сюжет, сопровождавшийся бурными спорами, развивался в двух противоположных направлениях: одни, отдававшие дань ловкости и самоотверженности обезьян, были уверены, что такой удар не может считаться взятием ворот, ибо обезьяна фиксировала мяч (они справедливо полагали, что надо обратиться в УЕФА с просьбой ввести соответствующие изменения в правила футбола); другие же, поклонники Овивяна, наоборот, резонно доказывали, что это и есть самый настоящий гол, ибо мяч, пусть даже намертво зафиксированный виртуозной обезьяной, всё же пересекал линию ворот.

И ещё, школьная молва авторитетно гласила о том, что Овивян свои индивидуальные тренировки проводил ночью на морском песке, привязав к ногам трёхкилограммовые гантели и, – представляете?, в крошечной темноте!, – виртуозно жонглировал несколькими мячами! Понятно, что на футбольном поле после такой фантастической нагрузки он себя чувствовал «как пчела в буйно цветущем саду и такое вытворял, такое!..» Естественно, эта информация распространялась «в совершенно секретном режиме» и только среди «самых надёжных своих», ведь – мы хорошо знали – шпионы Пеле не на шутку бодрствовали!

...Учительница, буквально захлёбываясь от воодушевления, пересказала содержание опубликованного в газете «сенсационного» материала о том, что где-то в Сибири совершил посадку яйцеобразный космический корабль, в котором находилась пятилетняя девочка. Она, предстаёт только!, в совершенстве владела несколькими языками, в том числе древнеармянским грабаром и русским.

Мы дома получали свежие газеты уже на второй день после их выхода, и я накануне читал этот номер. Вызвавшая восторг у нашей учительницы сногшибалка была ничем иным, как первоапрельским розыгрышем, шуткой. На

это, кстати, обратила наше внимание моя мама, когда я бурноотреагировал на «космическую новость».

Я имел неосторожность сказать об этом учительнице...

Её реакция была мгновенной, хотя и не скажу, что неожиданной: «Иди отвечать урок, профессор!» И это прозвище «профессор» намертво закрепилось за мной и до сих пор моими друзьями детства употребляется наравне с моим именем, хотя я так и не стал профессором.

Впрочем, не стал я и врачом, потому что мой интерес к биологическим предметам со временем пошёл по нисходящей и прочно зафиксировался на нулевой отметке. Оправдывая своё малодушие (а его иначе не назовёшь) не зависящей от меня вынужденностью, я переложил серьёзное дело лечения моего отца на хрупкие плечи нашей родственницы – будущего врача. И ещё с глубокой горечью скажу, что через несколько лет нашу учительницу Гехецик Яйлян насмерть сбила пьяная машина в центре Сухума, недалеко от нашей школы, напротив спортобщества «Динамо», где тренировал будущих чемпионов-штангистов наш учитель физкультуры Фрик Асланян.

Так вот, эта моя единственная тройка сопровождала меня в течение 24 четвертей или 6 учебных лет, дошла до выпускного десятого класса и благополучно утвердилась бы в моём аттестате зрелости, если бы сам директор школы Жорж Суренович Эрукян собственноручно не исправил её на четвёрку в сводной ведомости успеваемости.

Кстати, я до сих пор не знаю, благодаря этому исправлению я был награждён специальным знаком ЦК ВЛКСМ «За отличную учёбу», который вручили мне в горкоме комсомола, или исправили, чтобы, за неимением выпускника-отличника, поощрить единственного обладателя только хороших и отличных оценок, т.е. меня?

Помню, меня пригласили в горком комсомола, где сам первый секретарь, который, несмотря на невыносимо жаркий летний день, был в застёгнутом строгом чёрном костюме с галстуком, в торжественной обстановке вручил мне значок. Он тепло поздравил меня и сказал, что моя

«заслуженная награда обязательно будет учтена приёмной комиссией и сыграет свою положительную роль при поступлении в высшее учебное заведение», где, — он очень надеется на это и глубоко верит, — я «сполна оправдаю надежды старших товарищей». Но она, эта награда, не помогла, потому что в самый последний момент я постеснялся, вернее, совесть не позволила указать её в графе «Награждён», когда писал заявление на имя председателя приёмной комиссии Ереванского госуниверситета академик Эдварда Джрбашяна.

И ещё скажу, что в моей душе до сих пор сохранился какой-то неприятный осадок, какое-то странное ощущение горечи в виде густого сомнения, что именно с этого комсомольского значка (читай: раздачи незаслуженных наград) начался развал Советского Союза. И я, будь скульптором-монументалистом как Церетели, символом крушения некогда могущественного государства избрал бы этот симпатичный значок с надписью: «За отличную учёбу», который вместе с соответствующим удостоверением от 20 июня 1974 года за подписью первого секретаря Сухумского горкома комсомола Кобахия хранится в моём архиве.

О том, как рухнуло царство Урарту

(памяти Гранта Меликяна)

Преподаватель истории древнего мира Грант Меликян заметно отличался от остальных учителей. Мой дядя Андраник рассказывал, что он пользовался большим уважением, работал в Сухумском педагогическом техникуме, несколько лет — с 1941 по 1952 годы — был его директором, когда техникум функционировал в посёлке Гантиади (ныне Цандрипш) Гагрского района.

Вот он, наш учитель, глубоко запечатлённый в моей памяти: идёт по коридору — высокий и крупный, всегда аккуратный, в белой рубашке с широким галстуком чёрного цвета, с деревянной тростью для ходьбы, резиновый наколенник которой тяжело упирается в паркетный пол, а потом и в бетонную ступеньку не совсем широкой лестницы.

Мне казалось, что это не просто наконечник, – это своего рода присоска, в которой автоматическим реагированием специального датчика, установленного внутри ручки трости, создаётся пониженное давление, в результате чего она мощно прилипает к полу и надёжно поддерживает нашего учителя. Затем происходит обеспечивающий неторопливое обратное движение процесс путём отлипания наконечника-присоски.

Я его, учителя, никогда не видел с сигаретой, кроме одного раза, но об этом расскажу ниже. Я полагаю, что он был азартным любителем табака, приятным ароматом которого была пропитана его безукоризненная одежда. Такой же приятный табачный аромат шёл и от моего деда Епрема, смаковавшего голубоватый дымок от своей самокрутки – дзыгары. Думаю, что табакокурение для них было намного большим и значимым занятием, чем сугубо вдыхание и выдыхание густого дыма. Для них это было искусством, точно так, как для наших матерей было искусством коллективное кофепитие.

Во время перемен, особенно большой двадцатиминутной, школа превращалась в шумно гудящий улей. Это было связано и с большим количеством учащихся, и переходом старшекласников на кабинетную систему обучения. Вот и приходилось им, нарушая «правила внутришкольного движения», постоянно бегать по кабинетам, которые находились не только на разных этажах, но и в противоположных сторонах трёхэтажного здания, на своём пути создавая всевозможные «пробки», напомилавшие, как я понимаю сейчас, Вавилонское столпотворение.

Как правило, эти пробки «рассасывались» очень медленно, ибо до последней возможности «поддерживались» учащимися с целью обеспечения своеобразного алиби – для всё большего «уважительного опоздания» на урок. Не помогали даже мощные, немного нервные удары дежурного учителя молотком по рельсу, висящему рядом с учительской, настоятельно приглашавшие учащихся немедленно занять свои места в классах. Очень часто опаз-

дывали и сами учителя, самоотверженно пробиваясь через «пробки», категорически требуя пропустить их, что им в основном не удавалось, несмотря на наши яростные «старания». Но когда из учительской выходил величавый Грант Меликян, с тростью в одной руке и классным журналом в другой, и направлялся в нашу сторону, мы все с почтением, как по приказу, расступались, плотно прижимаясь к стенам и перилам, как можно быстрее освобождая ему дорогу. Он, не смотря по сторонам, медленно проходил по открывшемуся коридору.

С некоторых пор у меня была привычка сравнивать своих учителей с героями прочитанных книг. Например, учителя физкультуры Фрика Асланяна я сравнивал с Мхитаром Спарпетом – великим армянским полководцем начала восемнадцатого века, а учительницу армянского языка и литературы Карзуи Саркисян – с Надеждой Крупской в молодости. Так вот, я старательно искал такого героя, которого смог бы сравнить с нашим учителем истории. Я очень старался, но у меня ничего не получалось. Но когда мы начали изучать историю царства Урарту, наконец-то я нашёл достойное сравнение. Точно, он как царь Древнего Урарту Аргишти! Вот так божественные цари Урарту подчиняли своей воле миллионы людей! Но когда мы дошли до падения этого некогда могущественного царства, я почувствовал, что падение Урарту страшно и больно перевернуло что-то в моей душе, став моей личной трагедией на многие годы! Я до боли близко чувствовал эту невосполнимую историческую потерю нашего народа.

Очень часто наши интересные уроки по древнему миру прерывались приступом... долгого и мучительного кашля учителя. Мне казалось, что он может даже задохнуться, настолько трудно ему дышалось в такие минуты: наполненные кровью глаза забивались слезами и округлялись навывкат, порываясь вот-вот выскочить из своих глазниц. Наш шумный и, как били себя в грудь учителя, невыносимый класс моментально замирал, и тридцать пять пар глаз, наполненные смесью любопытства, страха и тревожного ожидания, устремлялись на учителя.

Я не знаю, что он чувствовал в эти минуты, но я почему-то предчувствовал, что обязательно должно что-то случиться непоправимое. И случилось – для многих, наверное, неожиданно и ошеломляюще, но не для меня, ведь я уже был готов к чему-то неизбежному.

Шёл урок, как обычно интересно и насыщенно. Мы внимательно слушали неторопливый рассказ учителя, потом начали отвечать на вопросы, закрепляющие новую тему, когда у него начался приступ страшного продолжительного кашля. Он кашлял задыхаясь, рукой прижимая к губам, вернее к языку, белоснежный платок. Пот ручьями стекал по его лицу и капал на галстук и рубашку, почти уже полностью мокрую.

Сидящий за второй партой напротив учительского стола Гарик Сарецян, мой дальний родственник, вдруг повернулся назад – спиной к учителю и начал довольно долго переговариваться с Карапетом Тухладжяном, кстати, бессменным чемпионом Абхазии по боксу в наилегчайшей категории; я говорю бессменным чемпионом республики, потому что так уж получилось, что у него практически не было соперников, как и у Ашота Тертеряна, и они без каких-либо особых усилий постоянно удостаивались этого звания, что не скажешь о Гарики, который занимался гимнастикой что говорится в поте лица и впоследствии получил звание мастера спорта СССР и выступал цирковым акробатом где-то на Украине.

Так вот, учитель кашлял и не мог сделать замечание Гарику. Одной рукой он прижимал платок ко рту, другой высоко поднял трость и через свой стол и первую парту дотянулся до Гарика. Но в этот момент, надо же, усилился его кашель. Протянутая с тростью рука дрогнула, и трость упала на парту, резиновым наконечником-присоской скользнув по голове Гарика, образовав небольшую рану, из которой тонкой струйкой потекла кровь и начала капать на его белую рубашку. Не успела воцариться тишина, как прозвенел звонок на перемену, и все гурьбой ринулись к выходу. Я, помню, подумал о том, что если бы кровь капнула на красный галстук, никто бы её не заметил.

После шестого урока я вышел на берег, где, недалеко от волнореза, у крепостных развалин Диоскурии, увидел нашего учителя. Он курил, низко опустив голову.

Я впервые увидел, как он курит, курит жадно, одну сигарету за другой. Он глубоко затягивался сигаретой и выпускал голубые струи дыма, которые как тучи клубились над его головой... Почему-то я опять вспомнил царство Урарту, над которым сгущались тёмные тучи падения.

Потом он повернулся и так же понуро пошёл в сторону школы – к центру города. Я непроизвольно последовал за ним. Вот он дошёл до старого горвоенкомата, вот прошёл ставшее общежитием для студентов местного педагогического института старое здание армянской школы, где некогда он был директором и которую в своё время посещали Егише Чаренц, Акоп Акопян и даже Католикос Всея армян Геворг Чорекчян.

Сохранилась фотография, на которой запечатлён Католикос в многолюдном дворе школы; впоследствии этот снимок я использовал в альбоме «Сухумская армянская школа», выпущенном в 2006 году к 100-летию этого знаменитого учебного заведения.

Он шёл, не обращая никакого внимания на объезжающие его машины. Вот перешёл дорогу рядом с нашей школой, прошёл мимо и направился к кинотеатру «Сухум». Он шёл очень медленно, всё дальше и дальше, как профессор евтушенковского знаменитого стихотворения, сутулый и неумелый. Я глядел ему вслед, а потом через парк вышел к остановке и в ожидании ачадарского автобуса №9 присел на бордюр.

На следующий день, когда мы пришли во вторую смену в школу, нам сказали, что урока истории древнего мира не будет. Поползли страшные слухи (которые затем, к сожалению, подтвердились), что наш учитель повесился.

В одночасье во мне что-то рухнуло, рассыпалось на очень мелкие и острые осколки, которые больно вонзились в мою кровоточащую душу.

Рухнуло, как рухнуло некогда могущественное царство Урарту.

Становиться светом, чтобы оставаться человеком

(памяти Джеммы Мацюян)

Джемма Гургеновна Мацюян – очень светлой и тёплой души человек, тонкий воспитатель и щедрый образователь. Она многие годы вела уроки химии в сухумской армянской средней школе имени Ованеса Туманяна. И очень радовались учащиеся тех классов, которые «попадали в её заботливые руки». А нашему классу повезло ещё и тем, что Джемма Гургеновна преподавала нам родной язык в четвёртом классе!

Это именно тот класс, когда учащиеся начинают подходить к осознанному изучению родного языка, и в значительной мере от наставника зависит: станет ли родной язык проводником информации, необходимой для полноценного развития личности в стремительно меняющемся и развивающемся мире. Другими словами: будет ли армянский фундамент мышления прочным и надёжным, чтобы выдержать высочайшую нагрузку современных технологий и вызовов дня?

Нам в этом плане с Джеммой Гургеновной повезло несказанно: она ненавязчиво учила нас не только любить родную культуру, но и воспитывала в нас чувство необходимости быть в курсе основных событий дня, конечно, в доступной форме и дозе. И это – в IV классе!

Она учила думать и не только иметь собственное мнение, но и защищать его.

К каждому учащемуся у неё был индивидуальный, личностный подход.

Всегда спокойная и выдержанная, она никогда не повышала голоса на своих воспитанников, никогда не ругала, хотя для этого причин было предостаточно.

Одним метким и беззлобным словом или тонким юмором она могла вогнать в густую краску и остепенить даже

«самого отъявленного нарушителя внутришкольного распорядка», за соблюдением которого очень строго следили завуч Оник (Ованес) Гаспарян и организатор Манук Крзлян.

По её наставлению, мы почти всем классом были подписчиками газет «Пионер-канч», «Пионерская правда», журналов «Цицернак», «Пионер». Кстати, Джемма Гургеновна писала замечательные детские рассказы и, естественно, высоко ценила писательское слово. Она внимательно следила за новинками художественной литературы, знала, в каком магазине какие армянские книги выставлены на продажу.

Помню: однажды, в самом начале урока, Джемма Гургеновна объявила, что в книжный магазин, что на площади Бараташвили (напротив Сухумского ботанического сада), поступил первый том избранных произведений Серо Ханзадяна – роман «Воины нашего полка». После занятий я поспешил в магазин, расположенный в невзрачном одноэтажном здании сразу перед эстакадой, которое сохранилось по сей день. Книга по тем временам стоила достаточно дорого – 90 копеек. У меня не было таких денег, и я попросил оставить для меня один экземпляр до завтрашнего дня. Через день я не только стал обладателем книги, но и заложил основу своей будущей серьёзной библиотеки. Я с нетерпением ждал следующих томов Ханзадяна, часто приходил в магазин. Через короткое время моя библиотека обогатилась еще на две книги второго тома Ханзадяна под названием «Земля».

Продавец уже хорошо знал меня, знал и сам новый директор магазина, неразговорчивый, но очень внимательный ко мне дядя. Они всегда откладывали «мои экземпляры» новых армянских книг, поступивших в продажу. Так я приобрел не только следующие тома избранного С.Ханзадяна (в том числе знаменитый роман «Мхитар Спарпет»), но и «Чудо любви» Генрика Туманяна, двухтом-

ники избранных произведений Александра Ширванзаде, Рачия Ованисяна, Амо Сагияна, ценнейшие книги Тадевоса Акопяна «Историческая география Армении» и «История Еревана», а также другие издания.

К слову, хочу сказать, что через много лет я с удивлением обнаружил в одной очень интересной книге фотографию директора книжного магазина ... в генеральской форме и статью о нем. Оказывается, этот «неразговорчивый и очень внимательный ко мне дядя» в своё время был депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, заместителем министра внутренних дел СССР, награждён многими орденами и медалями, в том числе двумя орденами Ленина и Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Степан Соломонович Мамулов (Мамулян) – человек-легенда, журналист, государственный и партийный деятель. «За вражескую деятельность против Коммунистической партии и советского народа» был арестован и 15 лет провёл во Владимирской тюрьме. Реабилитирован в 2013 году.

И ещё очень хорошо помню 27 марта 1968 года, день, когда первый человек Земли, побывавший в космосе, Юрий Алексеевич Гагарин и военный лётчик, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Серёгин погибли в авиационной катастрофе.

По совету Джеммы Гургеновны, мы в левой передней части нашего класса организовали специальный траурный уголок, посвященный героям, – с фотографиями, газетными вырезками, рассказывающими об этих замечательных гражданах нашей великой Родины, чьими именами мы гордились. Рядом, на столе, всегда были свежие цветы в высокой красивой вазе. За траурным уголком следили специальные дежурные, которые менялись еженедельно. И это дежурство было очень почётным: этой чести удостоивались только отличники и хорошисты, активисты

общественной жизни школы. Это было то время, когда не только почти все мальчишки, но даже многие девочки Советского Союза мечтали обязательно стать космонавтами – как Гагарин, Титов, Терешкова...

И хотя в пятом и шестом классах Джемма Гургеновна не преподавала в нашем классе, но она живо интересовалась нашими школьными и внешкольными делами, помогала дельными советами – своевременными и нужными, поддерживала нас, воодушевляла, принимала участие в проводимых нашим классом мероприятиях. А день первого сентября 1970 года для нашего седьмого «А» класса действительно был праздничным днем, потому что в нашем расписании уроков появился новый предмет – химия, напротив которого значилась дорогая и уважаемая фамилия: Дж.Г.Мацюян.

Через несколько лет после окончания школы, когда в тбилисском издательстве «Мерани» вышел первый тонюсенький сборник моих не совсем уклюжих поэтических проб, Джемма Гургеновна пригласила меня в школу – на встречу с учащимися её класса. Очень интересная состоялась встреча – светлая и добрая. Кстати, моя книжка так и называлась: «Добрая встреча».

Добрым словом и советами поддерживала она меня и тогда, когда мои стихи и переводы публиковались в популярном молодёжном журнале «Гарун».

Благодаря таким воспитателям, как Джемма Гургеновна, которые становятся светом, чтобы оставаться человеком, слово Учитель пишут с большой буквы. Именно такого Учителя, как Джемма Гургеновна, уважают каждый день, до конца жизни.

Потому что такой Учитель, как Джемма Гургеновна, становится светом и теплом и навсегда остаётся в сердцах благодарных учеников.

Мои приветствия поредели ещё на один поклон

(памяти Жоржа Эрукяна)

Имя Жоржа Суреновича Эрукяна неразрывно было связано с образованием и художественной литературой: воспитанием подрастающего поколения и созданием оригинальных поэтических произведений, собранных под обложками сборников «Осень» (2000 г.), «Песня птицы» (2002 г.) и «Страна Души» (2007 г.), увидевших свет в серии «Библиотека газеты «Амшен»; человек, чьи энциклопедические знания удивляли даже крупных специалистов самых разных профильных направлений. И хочу особо отметить: он всегда оставался скромным и доступным человеком.

Но самое главное: он безмерно любил свою Родину – Абхазию и Отчизну – Армению, сочетая в себе два основополагающих начала, принципиальных для армянского автора, творящего в Абхазии.

Старожилы-сухумчане подтвердят, что именно такие люди, как Жорж Суренович Эрукян, составляли особый колорит многонационального города Сухума, олицетворяли тот неповторимо созидательный дух, сочетающий в себе гостеприимство, благородство, доброжелательство, интернационализм: качества, которые формировались на протяжении многих столетий истории Диоскурии – с древнейших времен до наших дней. Не этот ли величественный дух до сих пор подкрепляет её легендарные стены, омываемые волнами Понта Эвксинского?! В стремительно изменяющемся мире не растерять бы, не свести бы на нет эти выдающиеся качества, пока продолжающие так счастливо характеризовать наших коренных горожан и отличать их от жителей других далеких и близких городов и регионов.

Выпускник знаменитой кузницы армянских писателей и литературоведов – филологического факультета Ереван-

ского государственного университета, Жорж Суренович на протяжении многих десятилетий преподавал родной язык и литературу в сухумской армянской средней школе №9 имени Ованеса Туманяна (кстати, старшие классы средней общеобразовательной школы он окончил после 3-летней службы в рядах Советской Армии).

Он не смог оставить любимую преподавательскую работу даже после блестящей защиты кандидатской диссертации на неисследованную тему: «Армянская мемуарная литература в конце XIX века (на примере Газароса Агаяна и Перча Прошяна)» в Институте литературы имени Манука Абегамяна Академии наук Армении. Научным руководителем Ж.Эрукяна был выдающийся советский учёный, академик Эдвард Джрбашян. Этого факта должно быть достаточно, чтобы попытаться представить уровень подготовленности Жоржа Суреновича. Казалось бы, перед ним открываются захватывающие перспективы научного карьерного роста. Но молодой учёный отказался от неоднократных заманчивых предложений обосноваться в Ереване и начать самостоятельные научные исследования на базе академических учреждений столицы Армении: он твердо решил продолжить учебно-воспитательную работу в своей любимой сухумской школе, где вскоре стал ее руководителем, заменив на этой должности знаменитого директора Григора Асланяна, при котором было построено правое крыло школьного здания, что обеспечило переход школы на односменный режим работы.

Более двух десятилетий Эрукян вел это учебное заведение от успеха к успеху, превратив его в одно из лучших не только в Абхазии, но и во всей армянской диаспоре – спурке. «Решение возглавить школу мне далось нелегко. Было очень ответственно руководить самой крупной армянской школой Абхазии, – рассказывал мне Жорж Суренович, когда мы вечерами работали над его поэтическими сборниками. – Были и другие трудности – морального

характера: ведь в школе работали мои любимые с детства учителя, перед которыми я благоговел: Галуст Саакян, Аршавир Джидарян, Ованес Гаспарян, Мигран Карагозян, Арам Цугурян, Артавазд Багарян, Грант Меликян и другие».

Он не был моим учителем. Всего один раз в самом начале учебного года, когда я учился в 8-м классе, он заменил нашу заболевшую учительницу Карзуи Саркисян.

Урок был посвящён армянским народным героическим сказаниям: «Айк и Бел», «Ара Прекрасный и Шамирам», «Тигран и Аждаак», «Арташес и Артавазд»...

Я до сих пор в мельчайших подробностях помню этот урок (скорее, литературное представление высочайшего класса), под впечатлением которого в 2002 году я написал одно из лучших, на мой взгляд, своих стихотворений «Миф Мушского поля», посвящённое армянской богине любви и красоты, воды и плодородия Астхик.

Много известных в Абхазии и за ее пределами выпускников воспитал Жорж Суменович, среди которых – выдающийся переводчик и журналист Карл Яланузян, поэт Зарзанд (Саша Мкртчян), заслуженный учитель Абхазии Нанегюль Майлян, Арутюн Мусоян, Артуш Гугулян, Ованес Гулназян и многие другие.

Жорж Суменович активно сотрудничал с армянскими периодическими изданиями: «Пионер-канч», «Советакан дпроц», «Амшен», «Армянский язык и литература в школе», «Вестник Академии наук Армении», «Вестник Ереванского университета», «Ежегодник общественных наук», «Историко-филологический вестник» и т.д. Его интересные статьи, посвящённые вопросам литературоведения, воспитания и образования, часто появлялись и на страницах газеты «Советская Абхазия».

Одно из стихотворений Эрукяна, написанное в студенческие годы, вошло в изданный в Ереване уникальный сборник «Армянский язык», в котором опубликованы

лучшие поэтические произведения, посвящённые армянскому языку. Много прекрасных стихотворений посвятил Ж.Эрукян родному Сухуму, Абхазии, дружбе народов. Один из его сборников так и называется – «Страна Души» (по одноимённой поэме).

Как справедливо заметил поэт Андраник Багарян, патриотизм является главным кровеносным сосудом поэзии Эрукяна: он как звенящий источник начинается на склонах Арарата и чудесным образом впадает в вечную песню моря под абхазским чистым небом:

**На твоих берегах изумрудных
Эвкалипты и пальмы растут,
Олеандры и сосны, подспудно
Аромат источая... Живут,
Понт Эвксинский храня от набегов,
Люди добрые, песни творя.
Потому так легко человеку
Принимать путь
Любви и Добра.**

Хочу с благодарностью сказать, что Жорж Суренович с большой тактичностью и тонким чутьём написал рецензию на мой сборник «Солнечный ветер», благословив начало моего литературного пути, а через несколько лет подверг подробному анализу выпущенную Союзом писателей Абхазии книгу «Апацха», включившую как мои стихи, так и переводы из абхазских поэтов.

Талантливый литературовед и поэт, талантливый педагог и воспитатель, интересный собеседник и искусный оратор, Жорж Суренович обладал ещё и прекрасными вокальными данными: с детства помню, как он самозабвенно пел армянские народные песни! А как он исполнял балладу «В роще тополей» на слова тончайшего лирика Гегама Сарьяна в музыкальном сопровождении Нанегюль Майлян, будущего руководителя вокально-инструментального ансамбля «Цовашунч»!

**Тополя завздыхали,
Ключ заплакал навзрыд,
Парень с робкой печалью
На подругу глядит.**

Пишу эти строки и вдруг ловлю себя на печальной мысли, что буквально за последние несколько лет очень сильно поредели мои приветствия: Владимир Авджян, Сергей Кондакчян, Акоп Ходжикян, Вазген Кансузян, Саша Мкртчян, Ованес Торосян, Андраник Багарян, Хажак Симонян, Ваграм Давтян, Лена Сарецян, Андраник Кейян, Ирина Автандилова, Николай Патулиди, Сергей Саркисян, Владимир Цвижба, Ованес Овак, Армен Мкртчян, Анаит Бостанджян, Гукас Сирунян, Сираван Севуни, Людвиг Кюльян, Феликс Вардикян, Сергей Квициния, Виктор Кокоскир... И вот мои дорогие приветствия безжалостно сократились еще на один благоговейный поклон, предназначенный Жоржу Суреновичу...

Его смерть – невосполнимая утрата для армянского населения Абхазии: мы потеряли прекрасного учителя, литератора и, самое главное, человека, который был и будет для нас эталоном интеллигентности и порядочности.

«Одна судьба связала нас»
(памяти Андраника Багаряна)

Не могу не сказать несколько слов и о моём литературном наставнике – Андранике Амбарцумовиче Багаряне. И хотя он не был моим школьным учителем, но заседания литобъединения «Черноморская заря», которые проводил он, будучи его руководителем, я посещал ещё со школьной скамьи. Эти занятия были настоящими уроками литературы, своеобразными мастер-классами. И я по праву считаю Андраника Амбарцумовича своим учителем.

Несомненно, многовековая армянская литература понесла тяжелую и невосполнимую утрату в 2016 году, ког-

да на 87-м году жизни скончался Андраник Амбарцумович Багарян – один из основателей Сухумского армянского литературного объединения «Черноморская заря», поэт и прозаик, член Союза писателей СССР.

А.Багарян родился в 1929 году в селе Капитановке Гульрипшского района Абхазии, в трудолюбивой крестьянской семье Амбарцума и Воскеат, бежавших из Трапизона в годы Армянского геноцида, совершённого турецким правительством «реформаторов».

После окончания Сухумской армянской средней школы Андраник Багарян продолжает учебу на филологическом факультете Армянского государственного педагогического института имени Хачатура Абовяна в Ереване. Получив диплом филолога, он начинает свою педагогическую деятельность в Нижнемархаульской неполной средней школе, где преподаёт армянский язык и литературу. Учитывая глубокие знания и умения педагога А.Багаряна, вскоре его назначают инспектором Гульрипшского районного отдела просвещения, а затем – заведующим методкабинетом, одновременно он является методистом Абхазского института усовершенствования учителей. И где бы он ни работал, какую бы ответственную должность ни занимал, он всегда оставался простым и лёгким в общении, благородным, великодушным и честным, готовым прийти на помощь по первому зову.

По нашему представлению в 2015 году Министерство диаспоры Республики Армения за многолетнюю и плодотворную педагогическую деятельность присвоило Андранику Амбарцумовичу Багаряну почётное звание Посла родного языка с вручением соответствующей медали.

Как мы уже писали выше, Андраник Багарян (вместе с Аршавиром Джидаряном, Акопом Гуруняном, Вазгеном Кансузяном, Ишханом Раганяном, Еноком Шашикяном и другими) в 1954 году основал литобъединение «Черноморская заря».

В этом начинании их всячески поддержали основоположник абхазской литературы Дмитрий Иосифович Гулиа и Баграт Васильевич Шинкуба, впоследствии ставший народным поэтом Абхазии.

Вскоре на базе местного государственного издательства на родном языке увидели свет коллективные сборники молодых армянских писателей Абхазии «Черноморская заря» и «Тропа».

Заметное место в этих изданиях занимали поэтические и прозаические произведения Андраника Багаряна: «Весна», «Как цветок», «Песня братства», «Языки», «Поэту», «Абхазка», «Сухум», «Тайный поцелуй», «Две яблони», «Бабушка Амас и ее приусадебный участок», «Цветное платье». Эти произведения, как и увидевший свет в 1960 году первый поэтический сборник А.Багаряна «Млечный путь», «во весь голос» заявили о появлении талантливого автора на ярком небосклоне армянской литературы. Поддержали молодого А.Багаряна и своими неоценимыми практическими советами способствовали росту его литературного мастерства известные армянские литераторы: Геворг Эмин, Сильва Капутикян, Беник Сейранян, Ованес Караян, Георг Григ и другие.

Затем одна за другой последовали новые книги Андраника Амбарцумовича: «Исток», «Песня солнца», «Радуга», «Сказ о бытии и самобытности», «Кукушка-матушка», «Самое сладкое слово в мире», «Легенда дней». К стати, поэма «Кукушка-матушка» переведена на абхазский язык замечательным поэтом Раулем Ласуриа.

Андраник Багарян долгие годы руководил работой литературного объединения «Черноморская заря», вместе с Аршавиром Джидаряном и Акопом Гуруняном поддерживал одарённых авторов, оказывал им посильную помощь в издании первых сборников, вдохновлял и поощрял добрым напутственным словом. Среди них – Людвиг Кюлян, Ованес Торосян, Аршавир Грбашян, Николай Демурчян,

Айк Раганян, Сираван Севуни, а также мои дяди Андраник и Аршавир Сарецяны.

Андраник Амбарцумович бесконечно любил как свою историческую Отчизну – Армению, так и приютившую его родителей страну Абхазию, ставшей Родиной для многих тысяч амшенских армян, чудом уцелевших от турецкого кровавого ятагана.

Много прекрасных строк посвятил он этой щедрой земле, воспевая её неповторимую красоту, дарованную Всевышним. Так, в стихотворении «Золотой завет» автор повествует о том, как «...мой дед и его сосед, абхаз Кярим, прожили в добрососедстве более ста лет. И горе, приходившее на один адрес, всегда делилось на два сердца». И точно так же, но уже увеличиваясь, ровно делилась радость, посетившая одного из соседей. В другом стихотворении Андраник Багарян, обращаясь с сердечным словом (которое так и называется: «Сердечное слово») к своему абхазскому другу, вдохновенно пишет воистину пророческие слова, которые в полной мере оправдали во время Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 годов бойцы армянского батальона имени маршала Баграмяна:

**Когда я в гости прихожу,
Ты накрываешь щедрый стол:
«Я братством нашим дорожу,—
Ты говоришь,— мой дом – твой дом».**

**О, равнодушно не могу
Пройти я мимо этих слов:
Они на райском берегу
Армянам дали добрый кров.**

**И пусть на разных языках
О братстве нашем говорим:
Одна судьба связала нас,
Под небом ходим мы одним.**

**Снимаю шапку пред тобой,
Клянусь святой землёй: велик
Очаг абхазский и его
Я называю: Айреник⁴⁴.**

**И если враг наступит злой,
Неся смертельные огни,
Клянусь, с тобой рванусь я в бой,
Как сын родной Страны Апсны!**

(Перевод наш. – А.С.).

Я понимаю, что говорю банальные слова: но мне действительно трудно писать об Андранике Багаряне в прошедшем времени.

Хотя бы потому, что он был моим мудрым наставником, потому, что постоянно интересовался моими литературными делами, советовал, журил, часто выступал на страницах газеты «Литературный Амшен»...

Потому, что написал удивительно глубокое послесловие к моему сборнику «Без восклицательных знаков – на краю пропасти».

Другими словами, он был неотъемлемой частью моей литературной жизни, и не только литературной.

Утешает то, что в моем издании и под моей редакцией в 2005 году в серии «Библиотека газеты «Амшен» вышла одна из лучших его книг: «Самое сладкое слово в мире».

Во многом он был первым и старшим, и этими качествами он полностью оправдал значение своего имени (Андраник – «первый, старший»).

Его имя и смерть – понятия не только не совместимые, но и взаимоисключающие друг друга.

Сохранить любовь и доброту

(памяти Шалвы Цвижба)

В моей жизни особую роль сыграли, наряду с армянскими, выдающиеся поэты – русский Евгений Евтушенко и абхазский Шалва Цвижба, о котором я хочу рассказать читателям нашей газеты.

Трудно писать о человеке, который в 1935 году был арестован по ложному обвинению и почти двадцать лет провёл в заключении на Колыме, но сумел сохранить бодрость духа, веру в будущее, свет любви и доброты, не отступить от своих творческих и гражданских позиций:

**Ты, жизнь, была с моей судьбой скупа,
Не знала щедрых благ моя тропа.
Но смог я сохранить
В такой борьбе
Любовь к тебе и доброту к тебе.**

Уже почти сорок лет мы не слышим его доброго слова, мудрых советов, так необходимых сегодня, когда порой не хватает нам мужества, чтобы противостоять злу, остановиться вовремя, успеть оглянуться, ведь давно «пора опомниться»:

**Отчего нам в мире тесно,
Столько места на земле!**

И, наверно, в душе каждого из нас обязательно должен находиться воспетый поэтом «свой якорь», который «бросится в пучину» именно тогда, когда грозная стихия жизни понесёт корабль нашей судьбы на хмурые скалы:

Я славлю якорь – в непогоду Нас удержавший от беды.

Уроки поэта, умудрённого горьким житейским опытом. Прислушаться бы, да некогда...

Судьба свела меня, студента-первокурсника историко-правового факультета Абхазского госуниверситета, с Шалвой Леварсановичем в 1978 году. Часто приходил я к нему на работу в редакцию детского журнала «Амцабз» («Пламя»), где он был ответственным секретарём, слушал его рассуждения о роли поэзии и месте поэта в судьбе своего народа, воспоминания из его нелегкой жизни. Вскоре общение известного поэта и юного любителя поэзии перешло в новую плоскость – творческую.

Так, Шалва Леварсанович перевёл мое детское стихотворение «Письмо Нунэ» на абхазский язык, которое было опубликовано в №3 журнала «Амцабз» за 1978 год. В свою очередь несколько его произведений («Голова поседела», «Цветок», «Бетховену» и другие) в моём переводе были опубликованы на страницах армянской периодической печати (газета «Советакан Врастан», альманах «Камурч»). Подстрочники с особой тщательностью и ответственностью готовил сам Шалва Леварсанович.

Естественно, наши разговоры касались как армянской, так и абхазской поэзии, как исторической судьбы армянского народа, так и абхазского. И я не смог устоять перед соблазном представить армянскому читателю такие по-своему прекрасные творения Цвижба, как «Дар столетий» (о Матенадаране), «Томик стихов» (о Егише Чаренце) и «Инжир», тем более, когда заведующий отделом поэзии популярного молодёжного журнала «Гарун» Гукас Сирунян попросил перевести их на армянский язык для рубрики «Созвездие». Успех этих переводов, опубликованных в №12 журнала «Гарун» за 1986 год, превзошёл все наши ожидания: они многократно переиздавались как в Армении, так и за рубежом.

К сожалению, к моменту выхода журнала «Гарун» Шалва Леварсанович уже был смертельно болен.

Я писал о сухумских встречах Шалвы Цвижба и Егише Чаренца в статье «Я кровью строчку каждую отметил». И «Томик стихов» – это летопись жизни не только самого автора на Колыме, но и дань его глубокого уважения и благодарности трагическому Чаренцу, чей чудом попавший в лагерь поэтический сборник «звучал мужеством и верой» в сердцах «врагов народ»:

Вот, наконец, настали сроки,

И я лечу к тебе домой

Сказать:

Я только что с дороги,

Я возвратился, я – живой!

Но, увы, им не суждено было встретиться, и

...руки виснут, словно плети,

От слёз в глазах моих темно...,

Ибо давно нет на свете Егише Чаренца, ставшего жертвой политического террора 30-х годов. Но ни на миг не остывало то пламя, что вдохнул он в свои стихи. И каждый раз, когда я при очередной нашей встрече с сердечным трепетом и волнением пожимал мужественную руку Шалвы Леварсановича, чувствовал «горевший под снегом и под ветром» огонь той, с выцветшими от перечитывания листами, переходившей из рук в руки книги Чаренца, которую, как талисман, пронёс сквозь зной и холод, сквозь всю свою жизнь Шалва Цвижба.

Моя работа над переводами произведений Шалвы Цвижба продолжалась и после его смерти, случившейся в мае 1987 года. Были переведены стихотворения «Все цветет», «Луна», «Чёрные камни», «Чайка», «Мать», «Ива», «Разговор», «Неизменный друг», «И вновь о Бетховене», почти полностью поэма «Талисман»...

Была достигнута предварительная договорённость с ереванским издательством «Наири» об издании стихов

Ш.Цвижба отдельным сборником. Одновременно я работал и над «Апацхой» – книгой переводов на армянский язык произведений классиков и современных абхазских поэтов Д. Гулиа, Б. Шинкуба, Т. Чаниа, А. Джонуа, Б. Гургулиа, Г. Аламиа и др., отдельные переводы из которой были уже представлены армянскому читателю.

Но, к сожалению, начавшаяся грузино-абхазская война перечеркнула мои творческие планы. Большая часть переводов вместе с рукописями моего детского сборника «Особое кресло» и книги на русском языке «Мамин коштер» были утеряны.

Впоследствии мне с большим трудом удалось кое-что восстановить. Но это, к сожалению, всего лишь небольшая часть моего пятнадцатилетнего кропотливого труда.

Для меня это горькая и невозполнимая потеря, если не сказать больше.

...Сегодня на моем письменном столе лежат «Избранное» Егише Чаренца и поэтические книги Шалвы Цвижба, изданные в Москве: «Персиковая косточка», «Талисман» и посмертная – «Стихи и поэмы». Первые две подарены мне автором.

И каждый раз, листая эти сборники, я думаю о несостоявшемся творческом содружестве двух великих поэтов, о том, что могли они сделать, но не сумели и тем самым возложили на нас тяжелую и почётную ответственность: сделать достоянием армянского и абхазского народов достижения наших литератур,

**Чтоб в рукописях редких
Мы прочитать могли
О славе наших предков
И всей родной земли.**

Р.С. Краткая история сухумской армянской средней школы

(В статье использованы фрагменты из наших бесед с кандидатом филологических наук, многолетним директором средней школы №9 имени Ованеса Туманяна города Сухума Жоржом Суреновичем Эрукяном во время нашей работы над его поэтическими книгами)

Первые армянские школы на территории Абхазии, по архивным источникам, открылись в 70-х годах 19 века в сельской местности.

С 1879-го по 1906 год в Абхазии было 15 армянских школ, все начальные. Параллельно с развитием общественной жизни создаются условия для открытия и сухумской городской школы. Видные деятели армянской общины Овсеп Карапетович Айвазов, Тер Аветис Тер-Мкртчян, Аршак Гулянц и другие в 1904 году обращаются в городскую думу с просьбой о выделении земельного участка под строительство школы и церкви.

Такое решение Сухумская городская дума приняла 16 мая 1906 года и сообщила об этом председателю армянской общины города Ваграму Цатуряну. Участок был выделен по улице Фабричной (ныне улица Воронова, 3). «Обсудив ходатайства армян, дума единогласно постановила отвести им для просимой цели бесплатно участок городской земли для постройки церкви и школы при ней армянскому обществу против склада Месаксуди» (ЦГАА, ф.4, д. 969, лл2, с.11). В удовлетворении прошения армянской общины большую роль сыграл авторитет Тер Аветиса Тер-Мкртчяна. Это был священник с передовыми взглядами, выпускник Эчмиадзинской семинарии.

Армянская общественность ещё задолго до окончания строительства школьного здания принимает решение начать учебные занятия уже первого сентября 1906 года в

частном доме Сичинава по Торговой улице (впоследствии – Фрунзе, ныне – Аидгылара).

Двери нового образовательного очага открыли попечители школы и благотворители Ованес Кодабашян и Арутюн Тертерян (ЦГАА, ф.4, д. 969, лл2, с.11).

В первом учебном году в школу поступили 33 учащихся (преподаватели Арутюн Тер-Арутюнян и Манушак Галалян). Уже в следующем 1907-1908 учебном году в школе функционировали три класса с 49 учащимися (преподаватели: Ераняк Сагателян, Смбат Смбатян и Енок Тер-Енокян). Особенно большой любовью среди коллег, родителей и учащихся пользовалась Анна Овсепян.

В 1909 году при школе открывается подготовительный класс «Цахканоц», а Заруи Татикян делает первые шаги по организации армянского детского садика.

С 1909 по 1912 год занятия проводятся в доме №24 по улице Лорис-Меликова (ныне улица Лакоба), а с 1912 года – по улице Германской, 34 (ныне улица Ардзинба). В 1912-1913 гг. старшими учителями школы были Степан Гаспарян и Анна Овсепян, прибывшая в Абхазию из Крыма в 1900 г. и обосновавшаяся в горном селе Цебельде, где преподавала в школе имени Хримяна Айрика.

В 1913 году армянская общественность города построила каменное здание для школы. И по мнению Аршавира Джидаряна, годом основания сухумской армянской школы следует считать 1913 год, когда уже школа имела специальное помещение. Но мы полагаем, что годом основания школы следует считать 1906 год, когда началось обучение, хотя и не было отдельного здания.

В 1913-14 учебном году в школе обучалось 80 детей. И несмотря на то, что первые годы функционирования школы совпали с тяжёлыми годами Первой мировой войны, в 1918 году состоялся её первый выпуск. До установления советской власти в школе работали Арменак Кетикян, Екатерина Атарбекова (сестра известного большевика Ге-

ворга Атарбекова), Эдвард Аматауни, погибший в борьбе с Деникиным под Туапсе, Грач Казазян. Отметим, что в годы Армянского геноцида школа приютила многих армянских детей, спасшихся от турецкого ятагана.

В 1917 году по инициативе секретаря попечительского совета школы Хачатура Айрапетовича Авдалбекяна армянская общественность Абхазии отметила 10-летний юбилей школы. Через год, в 1918 г., школа становится 5-летней.

В 1920 году по соседству со школой была построена церковь на пожертвования крестьян-табаководов. В 1925 году приезжал сюда католикос всех армян Вазген Чорекчян. Сразу же после установления советской власти в Абхазии школа становится государственной и преобразовывается в семилетку. Работают здесь и приглашённые из Тифлиса и Еревана неутомимые деятели армянской культуры: впоследствии известный писатель Матевос Дарбинян, профессор Ваган Рштуни, известный переводчик Арутюн Арутюнян, литератор Аршалуйс Овнанян, доцент Евгений Авдалбекян, Сандухт Бароян, Амаяк Сапирджян, Григор и Анна Овсепяны, кандидат медицинских наук Вагаршак Агекян, известный учёный Хачатур Авдалбекян (основатель сухумской армянской типографии, издатель газеты «Луис», председатель армянского национального совета), Багдасар Аствацатурян, Арменак Парсаданян (основатель первого школьного хора), Анаит Саркисян, Аршак Тер-Ованесян, известный писатель и общественный деятель, соратник Ованеса Туманяна Арамаис (Мисак Тер-Даниелян), ставший жертвой сталинско-бериевского произвола, Ашхен Туманян (жена Анастаса Микояна).

Надо обязательно отметить и наших местных учителей, которые пользовались большим уважением: Гарегин Акопян, Егия Сунгуртян, Акоп Зейтунян, Мкртыч Евронян, Ваган и Григор Симавоняны, Вардан Сурменелян, Арменак Оксюзян, Григор Каракеян, Айк Торосян, Овсеп Кагриманян, Амбарцум Текнеджян, Минас Мазманян и другие.

Следует отметить, что еще в 1906 году по инициативе Симона Франгуляна организуется первый армянский театр в Абхазии. Своё дальнейшее развитие театральная жизнь получает в 1921 году, когда приезжают в Сухум Ови Севумян, а затем Эльза Шагинян и Амаяк Сапирджян. До этого Эльза Шагинян с 14-летнего возраста выступала в театральной труппе в Пятигорске.

В 1926 году школа становится 9-летней с педагогической направленностью, и до 1930 года из её стен вышли 50 выпускников. В том же году было закончено строительство двухэтажного здания школы, ставшей уже 10-летней, при которой открываются интернат на 120 мест и, по инициативе министра образования Абхазии Андрея Максимова Чочуа, педагогический техникум с двумя отделениями: дошкольным и школьным.

Техникум в течение 32-х лет выпустил более 700 специалистов. Скажем, что школа всегда находилась в центре внимания А.М.Чочуа.

В строительстве школьного здания большую помощь оказали армянские табаководы, которые выделили в фонд строительства школы 3 тысячи пудов высококачественного табака.

Большую роль в этом общественном деле сыграли заведующий школой Ованес Хштоян, Гарегин Кримлян, Ованес Минасян, Багдасар Левонян, Ованес Мумджян, Мелкон Тертерян и другие. Следует особо подчеркнуть, что строительство школы находилось под особым контролем председателя Совнаркома Абхазии Н.А.Лакоба.

Отметим, что прекрасно были оборудованы учительская, кабинеты физики, химии, биологии, истории, литературы и языка, географии, педагогики... Функционировали богатейшая библиотека, радиоузел, механическая и слесарная мастерские, теннисная, волейбольная и баскетбольная площадки. Школа была радиофицирована талантливым учеником Овакимом Терзяном. Физическим

воспитанием учащихся занимались Марк Рейс и Сурен Акопян, начальную военную подготовку вёл Хорен Малхасян. В 1934 году решением министерства просвещения Абхазии под руководством Баграта Зантариа школа была признана примерной и вступила в соцсоревнование с другой известной школой – Горской абхазской.

Первый выпуск сухумской армянской 10-летней школы состоялся в 1935 году. Неумолимы заслуги педагога, артиста и писателя Аршавира Саркисовича Джидаряна в становлении школы, как одного из лучших учебных заведений не только Абхазии, но и Грузии.

В годы Великой Отечественной войны судьба школы и церкви сложилась очень драматично: в сентябре 1942 года вражеская бомба угодила в школу, была разрушена часть здания, уничтожен богатый школьный архив.

Школа временно была переведена в село Боговешта Гульрипшского района. Но в 1943 г. стараниями министра просвещения тех лет Ясона Максимовича Дасания школа вновь была возвращена в Сухум. Однако, уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году, по указанию Сталина и Берия она была закрыта, полностью разрушена церковь (во дворе её похоронен глава армянской церкви Сухума Тер-Мкртчян).

В 1953 году, после смерти Сталина, армянская делегация во главе с К.Алтуняном несколько раз ездила в Москву к А.Микояну и И.Тевосяну, чтобы они посодествовали в открытии этих очагов образования и духовности. И в тот же год армянская школа вновь начала функционировать в нынешнем здании Управления образования города Сухума и Государственной миграционной службы.

По решению бюро Абхазского обкома коммунистической партии и личной инициативе первого секретаря М.Бгажба в 1956 г. началось строительство нового здания школы по улице Орджоникидзе (ныне Воронова, 17), которое было сдано в эксплуатацию в 1957 году.

В 1971 году школа расширилась на 24 классные комнаты по инициативе ее директора Г.Асланяна. За свою вековую историю сухумская армянская школа добилась немалых успехов в деле обучения и воспитания подрастающего поколения на благо народа Абхазии и Абхазского государства. В разные годы школа носила почётное звание образцовой.

Многие её выпускники героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны и Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг., успешно работали и работают в различных сферах народного хозяйства, науки, культуры, образования, политики... Герой Советского Союза капитан Арутюн Чакрян, полковники Арташес Овсепян и Саргис Казарян, трижды лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор Сурен Клорикян, доктор медицинских наук Григорий Магакян, доктор философских наук Карапет Бостанджян, доктор технических наук Акоп Аветисян, выдающийся певец Жан Татлян, поэт Андраник Багарян, поэт, кандидат филологических наук Жорж Эрукян, долгие годы руководивший школой... Вот далеко не полный список тех, кого помнят стены этого легендарного учебного заведения.

Идя навстречу желанию армянской общественности, Совет Министров Абхазской АССР от 28 апреля 1969 года принял решение о присвоении имени Ованеса Туманяна сухумской армянской средней школе №9. 3 июня 1972 года во дворе школы был установлен бюст великого поэта.

Учащиеся школы и педагогический коллектив верны завету гениальной поэтессы Сильвы Капутикян, часто посещавшей армянские школы Абхазии. 13 октября 1965 года она оставила запись в памятной книге школы: «Дорогие дети! С волнением и воодушевлением буду помнить вас – питомцев сухумской армянской школы за то, что с такой теплотой любите родную литературу, родной язык, песни и танцы. Оставайтесь всегда такими, одновременно

широко распахните ваши души перед остальным миром, перед разнообразным богатством культур других народов. С надеждой на новые встречи, Сильва Капутикян».

Крупнейший специалист русского языка и автор учебных пособий, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР Семён Бархударов, побывавший в школе 28 января 1967 года, приятно был удивлён знаниями учащихся в области русского языка и литературы: «Я очень рад, что познакомился с сухумской армянской школой. Эта школа является очагом армянской культуры в Абхазии и выполняет большую просветительскую функцию. Как специалист русского языка, я желаю, чтобы учащиеся этой школы владели русским языком как вторым родным».

Такие же тёплые записи в памятной книге школы сделаны маршалом Советского Союза Иваном Баграмяном, главным маршалом бронетанковых войск СССР Амазаспом Бабаджаняном, двукратным чемпионом мира по шахматам Тиграном Петросяном, академиком Суреном Еремяном, крупнейшими советскими писателями Георгием Гулиа, Геворгом Эмином, Суреном Вауни, Вагаршаком Норенцом, Вааном Амадуни, Гусаном Аваси, Беником Сейраняном, Нвард Терьян и другими выдающимися деятелями науки и культуры.

Свой рассказ об учителях, как школьных, так и литературных, хочу завершить словами великого Уильяма Сарояна: «Ищи добро везде и, когда обретёшь его, извлекай его из укрытия, и пусть оно будет свободным и безбоязненным... Пробуждай добродетель, в чьём бы сердце она тайно и скорбно ни укрывалась от позора и ужаса мира... Не будь ниже и не будь выше никого из людей... И пока ты живёшь, проживи всю эту чудесную пору – пору своей жизни – так, чтобы ничего не добавить к бедствиям и скорби мира, но улыбайся безмерной радости и тайне бытия».

Так завещали и мои учителя, «перед именем которых смиренно преклоняю колени».

ОДНАЖДЫ В ЧЕЛОВЕКЕ РОДИТСЯ БОГ

*Покаяние, тебя грех родил,
Или ты родило все грехи земли?*
Артавазд Сарецян

Через несколько дней после того, как я немного пришёл в себя от пережитого шока, мой старый друг Ашот, врач с большим стажем, навестил меня в Сухумской больнице. Он сел рядом и заговорил... моими стихами:

– **В рубашке ты родился,
в рубашке счастья⁴⁵...**

– Да, старик, тебе очень повезло. И на этот раз Бог миловал тебя, однозначно, он был на твоей стороне, – Ашот явно намекал на мою госпитализацию несколько лет назад.

– Боженька с честью вышел из сложнейшей ситуации, в которую ты его бессовестным образом загнал. Представляю, как ему, бедняге, пришлось попотеть, пока тебя вытаскивал с того света! Ты же должен был умереть! Ты просто был обязан умереть! Нет, не в больнице, а ещё когда шёл домой, или дома, или, на худой конец, по дороге в больницу!..

Он помолчал немного, перебирая в руке сложенные в гармошку листы моей кардиограммы... Рисунок на ней в виде подъёмов и спусков – как и дорога моей, возможно, не совсем ещё длинной жизни.

Потом он вздохнул:

– Так недвусмысленно говорят почти прямые, будто проведённые фломастером чёрные линии твоей кардиограммы...

...В тот день около шести часов вечера мне неожиданно стало плохо в маршрутном автобусе, который уже подъезжал к нашей остановке. Моё сердце вдруг нервно-тревожно затрепетало, как выброшенная из воды форель

с кроваво-красными крапинками на чешуе, беспомощно бьющаяся в агонии на берегу...

На «автопилоте» я вышел из маршрутки и кое-как побрёл к своему дому, по пути краем глаза успев заметить удивлённый взгляд соседа Самвела, – удивлённый, потому что я не остановился перед его калиткой, чтобы несколько минут поговорить с ним о том о сём, как бывало обычно... Я даже не поздоровался, а буквально потащил своё тело дальше, задним умом сообразив, что если вдруг остановлюсь, то глубоко врежусь в землю как гудящий электрический столб и больше никак не смогу оторваться...

Где-то в конце улицы, на повороте, как будто смутно показался силуэт моего сына Айка...

А может быть, мне это просто показалось, потому что я очень хотел видеть его?..

Точно, показалось: Аик недавно был призван на военную службу и никак не мог оказаться на нашей улице.

Не чуя ног, совсем без сил, затолкал я своё почти бесчувственное тело в комнату и с грохотом уронил на выдавший виды диван...

Мои руки и губы были какими-то странно мягкими и лёгкими... Я попытался покусать губы, чтобы привести их в чувство. Я очень старался, и покусать как будто получилось, а вот привести в чувство – ну никак!..

Потом начало освобождаться от уже невыносимой, какой-то лишней и ненужной тяжести всё остальное тело, готовое вспорхнуть, как евшушенковская «пуховая серёжка ольховая»...

Лежал я на диване и ощущал себя чуть живой, дрожащей на чьей-то ладони серёжкой, которую можно... сдунуть, и без меня «всё окажется в мире не так...»

Буквально через несколько минут прибежали соседи – вслед за моей женой, работавшей в огороде за домом.

Я, кажется, попросил, чтобы сосед Эдик и зять Шарварш (на моё удивление и счастье, как никогда совершен-

но трезвые и бодрые!) удержали меня от... воспарения в воздух...

Я и сейчас ещё помню, как недвусмысленно переглянулись они, как расширились их глаза, когда оба начали руками прижимать меня к дивану, одновременно лихорадочно массируя мои руки...

На удивление быстро приехала «Скорая помощь». Медики сделали необходимые уколы и повезли меня в больницу, где сразу же поместили в реанимационную палату.

Более шести часов врачи и медсёстры боролись за мою жизнь. Более шести часов врач Алина ни на минуту не отходила от меня, буквально на коленях стоя перед моей койкой... Возможно, она колдовала надо мной...

Нет, она действительно колдовала, потому что сказала жене, что «вся надежда уже на Бога, а мы сделали всё, что могли», – это жена потом уже поделилась подробностями происходящих вокруг меня событий и сказала, что она сама всё это время молилась и просила помощи от Бога.

Напичканный капельницами, лежал я и буквально срастался с болью, которая всё больше и больше охватывала область сердца. Мне казалось, что кровь медленно, очень медленно накапливается в моём сердце и так же медленно, очень медленно густеет. Я явственно чувствовал её свёртывание. Кровь густела... и одновременно страшная боль всё сильнее и безжалостнее сжимала моё сердце со всех сторон.

Громадой боли билось оно во мне и, вздувшись сгустками ещё несвернутой крови, вдруг сжалось до бесконечно малой точки вселенского начала...

Я хорошо помню, как сказал врачу – и сказал на удивление очень спокойно, как нечто обыденное (хотя жена почему-то утверждает, что я лежал «тише воды, ниже травы», иногда издавая лишь глубокие стоны), – так вот, я сказал врачу, что сейчас... лопнет моё сердце. Как лопается до предела надутый детский воздушный шарик...

А может быть, оно взорвётся, как граната, или даже как атомная бомба, сброшенная на Хиросиму...

Нет, мне совсем не понравилось моё же сравнение с разрушительным потенциалом атомной бомбы: моё сердце взорвётся, как та, до бесконечности малая, почти невидимая точка, которая родила нашу неповторимо прекрасную планету...

Я лежал неподвижно, уже до последней клеточки окованный болью, и, кажется, о чём-то всё время мучительно думал, что-то искал. А может, мне казалось, что я о чём-то думаю и что-то ищю. Нет, всё же соглашусь, что я ни о чём не думал, потому что не мог думать – у меня просто не было сил для этого...

Во мне не осталось даже чувства страха, от которого округляются глаза, потому что боль вытеснила все остальные чувства или просто притупила их на время... Хотя какая, в конце концов, разница – вытеснила или притупила?

Я смотрел на себя со стороны (странно, но я действительно видел себя со всех сторон одновременно), смотрел на свою жизнь, сконцентрированную в этот шестичасовой промежуток времени, отпущенный для осмысления пройденного мною земного пути. Ну почему же всё так скоро?! Ну почему всё так – вдруг?!

Вот так – я сам перед собой, без посредников. Один на один со своей памятью и совестью, со своим прошлым и будущим. Наверное (нет, точно!), именно в эти трагические минуты Бог рождается в человеке, когда он остаётся один на один с самим собой. Именно в эти минуты человек предельно откровенен. Он не может не быть откровенным. Не получится, даже если очень будет стараться. Это – вне власти человека...

Вот оно – детство, полуголодное, холодное, но всё же такое счастливое, пропитанное дымом костра, на котором мама готовила кашу из крапивы, с добавлением кукурузной муки, мяты и чеснока. О, этот мамин костёр, со-

гревающий солнцем!.. Да, я с детства знал, откуда солнце берёт своё неиссякаемое тепло!

...Вопрос из будущего:

– Ты плачешь?

Ответ из детства:

**– Нет, это дым маминого костра
разъедает глаза...**

Мама говорила, что дым очищает глаза, чтобы человек видел лучше. Нет, не лучше, – чтобы человек видел всё и хорошо. Хотя народная мудрость гласит, что «один глаз человека не должен видеть, одно ухо не должно слышать». Но мне казалось, что дым маминого костра в большей степени очищает душу...

Это плачет моя душа...

Я чувствовал, что времени у меня оставалось всё меньше. И всё больше усиливалась боль. Лихорадочно и тревожно, как шахматист в цейтноте, я искал... и не находил ничего, связывающего меня с моим земным продолжением. Ничего не оставалось, кроме как констатировать факт: моя жизнь уже прожита.

Слабо утешала мысль о том, что я прожил её честно, открыто, без обмана. По крайней мере, старался жить именно так. Должно быть, удалось.

Но почему же невыносимая тревога выворачивает наизнанку мою душу? Почему? Видимо, что-то в моей жизни было не так, что-то не получилось, как хотелось бы, как я думаю... Но что же именно? Я вдруг явственно услышал: «Ты однажды обидел маму!»

И – о чудо! – в тот же миг в моих венах приливом стало нарастать пламя, растопляя кровь застывшую мою, пожар которой, словно лава в кратере, забурлил в каждой клетке.

Наступило тяжёлое, суровое-безжалостное успокоение... На один миг. Пока всего лишь на один коротенький миг... Но ведь успокоение! А потом медленно-медленно —

но уже всё больше и больше оно начало охватывать всё моё тело, каждую клетку. Я чувствовал это...

Вслед за успокоением пришёл страх.

Он пришёл, когда ко мне вернулась способность (точнее, возможность) думать, когда

**боль стала медленно,
очень медленно уходить из меня,
освобождая место страху,
ибо мне довелось пройти повторно дорогу,
ведущую ТУДА...**

И чем меньше оставалось боли, тем сильнее нарастал страх, увеличивался до дрожи во всём теле, в которое потихонечку возвращалась тяжесть, без которой невозможно удержать равновесие нашего земного шара...

Очень странное это чувство – ощущение возвращения тяжести собственного тела для удержания равновесия земли. И я вдруг почувствовал свою необходимость на планете Земля!

...Я так до сих пор и не знаю: когда и как обидел маму? И почему обидел? И вообще, обижал ли я её? Ведь я очень трепетно относился к своим родителям, с благоговением.

А может быть, она так спасла меня? Я не знаю. Пока не знаю. Но я обязательно найду ответы на эти тяжёлые вопросы, ибо мне отпущено время... Возможно, и для покаяния... Ведь однажды в человеке должен родиться Бог. Свой Бог.

Вот уже много лет – непременно по выходным, в субботу или воскресенье, – я поднимаюсь на Лечкопское плато... Иду мимо роддома, Республиканской больницы, потом мимо ГАИ и военного городка российской базы... Мимо недостроенного здания торгового центра, строительство которого остановили по требованию матерей воинов, погибших и пропавших без вести в ходе Отечественной войны народа Абхазии: они, представлявшие организацию

«Матери Абхазии за мир и социальную справедливость», назвали кошунством то, что место, где мученической смертью погибли их сыновья, может быть забыто. Здесь в ноябре 1993 года, при вскрытии братской могилы, были обнаружены тела 168 человек, 28 из них были погребены заживо. Иду мимо бывшего автобусного парка, где в своё время работал главным инженером замечательный поэт Николай Патулиди. Чуть дальше, там, на возвышенности, – большое старое кладбище, где похоронены мои родители – чуть ниже сельской школы, где я несколько лет работал директором ещё до начала грузино-абхазской войны 1992-1993 годов.

Говорят, нельзя так часто тревожить умерших, говорят, что это очень плохая примета; для этого есть специальные дни. Не знаю, может быть и так.

Но я не могу иначе, я обязательно должен навещать родителей. Это стало своеобразным ритуалом, смысловой частью моей земной жизни и частью небесной жизни моих родителей – и эти две части срослись до взаимопроникновения и гармоничного взаимодополнения.

На кладбище я всегда поднимаюсь пешком, и это тоже неизменно. Иду медленно, не спеша, размышляя о прожитых после предыдущего посещения днях, как бы подводя итоги за «отчётный период». Ещё немного – и вот она, ограда, изготовленная из арматуры, приобретённой моим отцом для строительства дома, но вынужденно использованной не по назначению. Мои сыновья, Аик и Тигран, окрасили её в чёрный цвет.

Вот насыпной холмик – один на двоих... И на двоих одна памятная плита с такими знакомыми и родными именами, установленная моим сыном Айком, когда после демобилизации он начал работать и собрал необходимую, кстати, не совсем и маленькую для нас сумму. Мне очень понравилось, что свои первые, заработанные честным трудом деньги он потратил на это богоугодное дело, увековечив

память деда Айка и бабушки Гехануш. Кстати, имя Гехануш состоит из слов гехечик (красивая) и ануш (сладкая). Моя мама полностью оправдала значение своего имени.

Здесь чисто, аккуратно... Я сажусь на землю рядом с холмиком под алычовым деревом и зажигаю свечу. Алыча сама выросла на моём месте: папа, мама, потом буду я. Когда придёт мой черёд, срубят алычу. Такова её судьба – она умрёт вместе со мной, вернее через два дня после меня. В одном из стихотворений я писал о том, что когда не будет алычи, значит не будет и меня. Как-то изрядно выпивший мой друг Каро, знавший это стихотворение, посмотрел снизу вверх, от Республиканской больницы на кладбище. То ли не туда он смотрел, то ли не заметил её, одним словом, решил, что мысль, выраженная в стихотворении, претворилась в жизнь, и пришёл к нам посочувствовать моим родным. И каково же было его удивление, даже, господи, прости, лёгкое разочарование, когда во дворе нашего дома увидел меня. «Ты?» «Я» «Но ты не прав, – сказал он заплетавшимся языком, – это почему твои стихи не совпадают с реальной жизнью, а? Алычи нет, а ты всё равно есть. Как же так? Но ты ничего плохого не подумай, я, конечно, рад за тебя. Хорошее несовпадение».

Свеча медленно горит и трепетно, словно живая, истекает расплавленным воском, как истекает слезами моя душа...

Потом раскладываю рядом фрукты, зелень, овощи, открываю бутылку с изабеллой – домашнее ароматное вино, кроплю им лепёшку, приготовленную женой, а остаток выливаю на холмик. Всё это из нашего сада, разбитого много лет назад моими родителями. Ничего покупного. Так у нас принято: обеспечивать семью продуктами, выращенными на своём земельном участке, своими руками.

И ещё у меня есть Слова, исключительно свои.

В моей душе пока много нерастраченных слов, которые сыновья произносят своим родителям молча...

ФИРС

*Друзьям детства,
с непреодолимой тоской и светлой грустью*

Так звали пёсика нашего ближайшего соседа дяди Бориса-восьмёрки.

Скажу сразу, что «восьмёрку» к его имени «приклеила» «уличная шантрапа», то бишь мы – именно так, конечно, любя, нас когда-то окрестил дядя Борис. А мы, в свою очередь, «восьмёркой» окрестили его потому, что он, высокий и неуклюжий, почти всегда находился «под мухой» и, возвращаясь от соседей домой после работы, очень сильно шатался, т.е. «рисовал восьмёрки» по всей длине нашего Индустриального переулка, при этом амплитуда его «восьмёрок» колебалась между параллельными с обеих сторон улицы соседскими заборами и почти всегда обрывалась перед нашим домом на повороте – как правило, в канаве, покрытой густыми зарослями крапивы. Канаву еженедельно обрабатывала тетя Валя, или как мы её называли, «комариная богиня», она приходила из городской санэпидстанции и ручным насосом обильно поливала её душистым раствором. Крапива росла и в нашем саду, и моя мама аккуратно собирала её верхние нежные листья (и для нас, и для моей тети Зварт) для «ехинджи чаш»⁴⁶. Но это – к слову.

«Уличная шантрапа» совместными усилиями вытаскивала дядю Бориса из канавы и звала на помощь его жену – тётю Аню.

– Когда же ты, скотина, наконец сдохнешь и освободишь нас от своего невыносимого присутствия?– доносилось из комнаты проклятье всегда до предела взвинченной-заведённой до отказа тётки Ани.– Оставьте его во дворе, пусть дрыхнет под деревом, пока не очухается...

Многослойное избранное её проклятий было отточено до совершенства в полной гармонии с неиссякаемым по-

тенциалом русского языка, и здесь нет никакой возможности для публичного воспроизведения их подробностей.

Кстати, тётя Аня по-своему объясняла прицеп «восьмёрки» к имени дяди Бориса:

– Посмотрите-ка, люди, на это ... восьмое чудо света! Вот оно!.. Во-о-от здесь, совсем рядом... Видите его?! И никуда за тридевять земель ездить не надо... Всё под рукой... Можно даже потрогать, пощупать, если хотите...

Мы, конечно, недоумевали: а почему именно восьмое чудо? И никак не могли сообразить, от кого же так безнадёжно отстал дядя Борис на целых семь позиций.

– У... у... Недобитый остаток фашизма, – заплетался в ответ язык «восьмого чуда света», – я твою... я тебя...

– Ну, давай, давай, хотя бы один раз...

Продолжение этого тянувшего на классику диалога мы знали наизусть, как Маштоцевский айбубен, туманяновский перевод пушкинского «Зимнего вечера», стихотворение Сильвы Капутикян «Слово сыну»... Очень строгая у нас была учительница по родному языку и литературе, уважаемая Карзуи Саркисян, очень требовательная, и мы на зубок знали многие произведения даже не по школьной программе. К слову сказать, все её ученики являлись подписчиками и активными читателями нашей школьной библиотеки.

Мы буквально затаскивали дядю Бориса во двор и оставляли храпеть в тени высокого инжирового дерева под пристальным присмотром Фирса, который ложился рядом с хозяином и хвостиком отгонял от него дико назойливых мух.

Выше я уже говорил о том, что дядя Борис почти всегда находился «под мухой» (но вот от этой страшной «мухи» даже Фирс не смог спасти своего любимого хозяина). Да, почти всегда. Чтобы быть честным до конца, я обязательно должен сказать, что всё же иногда, хотя очень редко, дядя Борис возвращался домой совершен-

но трезвым – «как огурчик!». Но один случай полностью выбил его из колеи, выбил до конца жизни. После этого случая он начал беспробудно пить и «благополучно» допился до «белки». А дело было так. Однажды днём не по «расписанию» вернувшись «свежим огурчиком» домой, он застучал тётю Аню с двумя молодыми людьми. Застучал в самый-самый неподходящий момент, именно в тот момент, когда страсть уже неподвластна ни богу, ни чёрту...

Потом те двое спустили его вниз – на первый этаж - по скрипучей «на всю ивановскую» деревянной лестнице.

И уже потом, недели через две, он как-то сказал, глядя сквозь нас в какую-то неведомую даль (тогда мы не поняли смысла его слов):

- Я не знал, что у неё большие, огромные и кричащие глаза... Я никогда не видел её глаза... такими...

Дядя Борис-восьмёрка был «уличным разнорабочим» и подрабатывал у соседей, выполняя любую работу – он был мастером на все руки: и плотником, и сантехником, и электриком... И где бы он ни работал, хозяева, как правило, кормили его один раз в день – ближе к вечеру: давали небольшую порцию мамалыги с куском копчёного домашнего сыра «сулугуни» и чайный стакан с вонючей и мутной сногшибательной чачей первой гонки: конечно, после принятия на грудь такой дозы спиртного не мудро и «восьмёрки рисовать», когда не то что канава, но по колено даже раскинувшееся неподалеку Чёрное море. После завершения работы дядя Борис подходил к хозяину для полного расчёта и представлял подробнейший отчёт о проделанной работе. Хозяин, в свою очередь, представлял ему свой не менее подробнейший встречный счёт съеденной и выпитой им, дядей Борисом, мамалыги и чачи в рублёвой составляющей. Дядя Борис-восьмёрка почти всегда оставался в приличном долгу, потому что его «доходы не покрывали расходы», но хозяева, как правило, якобы великодушно и снисходительно «обнуляли» его долги.

– В конце концов, мы же соседи и не делает нам, соседям, чести ставить на весы такие второстепенности, такие незначительности...

Этой «хозяйской снисходительности» следовал отчаянный взмах руки дяди Бориса, правда, до сих пор не разгаданный мною: был ли это знак согласия или безнадёжности? А может быть и согласия, и безнадёжности?

Дядя Борис как-то виновато и вяло улыбался, наверное, по-своему оценивая «великодушие» работодателей.

Ветеран Великой Отечественной войны, гвардии майор запаса, дядя Борис был добрейшей души человеком, щедрым и безотказным. Его ратный подвиг Защитника Отечества и Победителя был отмечен многочисленными орденами и медалями. И сейчас, через много лет после окончания войны, эти медали и ордена он безжалостно разменивал на водку, на чачу, на сладко-кисло-уксусную «изабеллу» (в которую для крепости и «сведения людей с ума» добавляли немного порошка молотых виноградных косточек, предварительно поджаренных на сковороде), да на что угодно, лишь бы с ног сшибало. Да, ненасытная жажда выпить заставляла, чтобы этот человек, с достоинством прошедший военные испытания, кровью заслуженные награды разменивал на «огненные» поллитровки. Он продавал свое славное прошлое. Продавал медаль за медалью, орден за орденом... Я не знаю, по какой цене он продавал их, но думаю, что недорого оценивал героические мгновения своей фронтовой жизни, ставшими самыми насыщенными и содержательными.

И, естественно, были те, кто покупал «славное фронтовое прошлое». Я говорю о тех, кто разными путями приобретал удостоверения ветеранов Великой Отечественной войны: им не хватало только блестящих медалей и орденов, свидетельствующих об их славном военном прошлом. Они приходили в школы, встречались с учащимися, проводили Уроки мужества, рассказывали о своих подвигах, их

принимали в почётные пионеры, о них с восторгом писала местная пресса.

Кстати, одним из таких «ветеранов» был и муж моей тётки Варсеник, дядя Саркис – весельчак и балагур, сочный рассказчик с неиссякаемым юмором. Его остроумные байки и шутки переходили из уст в уста. Многие из них дошли и до наших дней, стали мудрыми сказаниями и даже анекдотами. К сожалению, сегодня никто не помнит их первоисточника.

У меня было особое отношение к дяде Борису, потому что он был нашим ближайшим соседом и, как и я, очень любил собак. И ещё, что немаловажно, он решал мои арифметические задачи, хотя его ход решения совершенно не соответствовал тем строгим правилам, которые чёрными буквами (как нечто очень важное) были напечатаны в учебнике арифметики и которые наша учительница Асмик требовала выучить назубок. Дядя Борис брал в руки карандаш, который всегда клал за ухо, извлекал папиросу из пачки «Беломорканала», изображавшей большую часть территории СССР, постукивал мундштуком по коробке и пальцами сжимал его крест-накрест, создавая что-то вроде фильтра и после этого открывал мой учебник арифметики. Потом, по ходу решения задачи, зажигал папиросу и периодически делал глубокие затяжки. Решал задачи быстро и папиросу докуривал после того, как клал карандаш «на своё место» – за ухо. Так что, краткую историю Беломорско-Балтийского канала я знал уже тогда, хотя мало что понимал. Дядя Борис всегда безошибочно получал правильный ответ, даже не заглядывая в последние страницы ответов. Его своеобразный стиль решения задач вызывал удивление у нашей математички, а может быть и восхищение. Но речь не об этом, хотя по ходу развития событий пострадала и моя «арифметическая» успеваемость.

Фирс был очень красивым песиком, живым, резвым и, как все мы были уверены, обладал даже чувством не-

иссякаемого юмора. Фирс – стилига-блондин, на черной его мордашке – белые пятна, точь-в-точь как веснушки на лице Таты – неопикуемой красавицы – дочери дяди Бориса. Лапки – белоснежные, и казалось, что кто-то на них надел носочки, связанные моей бабушкой. Когда мы играли с ним во дворе, он подпрыгивал от радости, и казалось нам, смеялся, показывая язык, потом нежно кусал наши руки, его ласкающие, то вдруг начинал вокруг нас выделять такие головокружительные фигуры, что мы еле успевали следить за ним. Ну и песик! Ну и негодник модный! Разве можно не сходить по нему с ума?! Конечно же мы все были в «неуме» от него!

Стоит ли говорить о том, что Фирс был нашим всеобщим любимцем, особенно моим, потому что я каждый день встречался с ним, когда приходил к дяде Борису решать очередную арифметическую задачу.

Как-то я поймал себя на удивительной мысли о том, что мой самый любимый предмет – арифметика, и как хорошо, что в моём дневнике он значился каждый день!

Какой-то непонятной, наверное, отпущенной сверху преданностью Фирс был связан с дядей Борисом. Да и дядя Борис души не чаял в своём четвероногом друге. В его кармане всегда можно было найти неплохой кусок мяса с костью или шмат колбасы для Фирса.

Но выпивка, эта проклятая выпивка... Эта непонятная и неугасимая тяга выпить, жажда, которая бушевала в крови дяди Бориса!.. Ради выпивки он был готов на все, он пошел бы на все ради одного стакана «огненной воды».

Когда закончились боевые медали и ордена, у него больше ничего не оставалось для продажи. У него уже вообще ничего не было. Кроме ... Фирса. И дядя Борис решил на самый страшный шаг – он решил продать Фирса!

Конечно, мы о его решении ничего не знали, мы даже не подозревали, что можно продать собаку, не говоря уже о таком чудесном пёсике, как наш Фирс.

...Это случилось в тот день, когда рано утром тетя Аня и Тата опять куда-то ушли (после того, как над двенадцатилетней Татой надругался наш сосед Бичико, они часто куда-то уходили вдвоем).

Покупатель Фирса приехал на «Победе». В те годы в нашем городе преобладали сталинские «Москвичи», а «Победа» была чем-то вроде чуда. Мы, конечно, окружили блестящую, сводящую с ума запахом свежей краски машину.

– Ну, как?– по-свойски моргнул нам водитель.– Чудо-машина, не так ли? А как же Фирс?.. Подойдёт ли он моей машине?

В сопровождении наших восторженных восклицаний, он вошёл во двор дяди Бориса. Но вдруг мы спохватились – а что же значит: «Подойдёт ли Фирс моей машине?» Как же это так?! Наверное, было бы логичнее вопрос полностью переиначить и поставить приблизительно так: подойдёт ли эта, хоть и блестящая, машина Фирсу? Ведь Фирс совсем особенный, он совсем другой... И вдруг всё выяснилось – неожиданно и страшно, когда послышался душераздирающий и жалобный скулеж Фирса.

...Фирс сопротивлялся из последних сил, белоснежными лапками цепляясь за землю и скулил, скулил. Это было бессильным сопротивлением.

Новый хозяин безжалостным кубарем потащил Фирса за цепь к машине, бережно открыл багажник и бросил пессика в него, где заранее было постелено одеяло. Потом он лёгким и небрежным движением руки закрыл багажник и повернувшись к опечаленному дяде Борису, сказал:

– Ну, пока, я поехал, до свидания!

Я не знаю, что же творилось в душе дяди Бориса в эту минуту? Возможно, и он страдал, возможно, и он понимал всю чудовищность происходящего. Я не знаю. Но в моей душе что-то рухнуло. Рухнуло что-то очень нежное и важное, опустошая мою душу.

Я до сих пор не знаю, как назвать это необъяснимое чувство. Возможно, это было потерей. Может быть потерей веры?

Что-то осиротело в моей душе. В одночасье наш перелом потерял свою былую привлекательность, стал каким-то холодным, бледным.

Но наша история на этом не завершилась, она неожиданно продолжилась и имела трагический финал.

Через несколько недель Фирс вернулся.

Мне до сих пор стыдно (хотя прошло почти пятьдесят лет), что я не смог узнать Фирса! От нашего бывшего весельчака-песика ничего не осталось. Померкли его светлые глаза.

Измученный и истощённый, с поникшей головой Фирс шатающейся походкой зашёл в свою будку, чтобы не выйти оттуда никогда.

Несколько дней он ничего не ел и не пил, ни на кого не обращал внимания, лежал неподвижно – безразличный ко всему происходящему вокруг, положив голову на передние лапки.

И так он... умер, тихо, грустно, с раненой душой и оскорблённым сердцем.

Я помог дяде Борису похоронить Фирса в дальнем углу сада, под двумя огромными старыми грушевыми деревьями, одно из которых плодоносит до сих пор. Предварительно мы бережно завернули Фирса в видавшую виды фронттовую шинель с майорскими погонами.

Потом мы сели рядом со свежевырытым холмиком. Не знаю, как дядя Борис, а я – неожиданно повзрослевший, до краёв наполненный какой-то непонятной и густой ... пустотой.

Фирс был моей первой и большой невосполнимой потерей, незаживающей раной.

– Вместо пёсика ты должен был сдохнуть, безбожник, – вдруг загрохотало и умолкло в заполнившей мою душу пу-

стоте проклятье тети Ани, как всегда безжалостное, но на сей раз – короткое, как выстрел, и в первый раз «пуля» пролетела мимо цели, не задев души дяди Бориса.

Он даже не услышал тетю Аню, он молча плакал...

Я никогда не видел, как молча плачут мужчины.

Возможно, он оплакивал свою судьбу?

Не знаю. Кто знает?

Может быть.

...Что же касается моей арифметической успеваемости, вернее, уже неуспеваемости, скажу, что за несколько дней я получил несколько «неудов», потому что уже никогда не обращался к помощи дяди Бориса и в моей тетради по арифметике под условиями невыполненных домашних заданий «красовались школьные товарищи». Но вскоре учебный год завершился, и я за счёт запаса ранее накопленных положительных оценок благополучно перешёл в следующий класс, и после родительского собрания, где моя мама впервые покраснела из-за моих «непонятных выпендриваний», я поспешил в деревню, чтобы провести летние каникулы в дедовском доме, который до сих пор сохранился почти на самой макушке горы на Мачаре, хотя и уже частично обшарпанный и покинутый прямыми наследниками, переехавшими на постоянное жительство в Сочи. И здесь же однажды вечером неожиданно написал своё первое стихотворение «Наш пёсик», в котором были такие слова:

От обиды и боли

за людское предательство

Фирс голодовку всем нам объявил.

Я удостоился похвалы моего дяди Аршавира, преподавателя русского языка и литературы местной средней школы, басни которого иногда печатались в районной газете «Дроша»:

– Молодец! С чувством написал, без фальши,– сказал он и подарил мне книгу Вахтанга Ананяна «Охотничьи рассказы».

Прошёл ровно год.

Я продолжал писать стихи, и это стало известно не только учителям, но и директору нашей школы, кандидату филологических наук Жоржу Суреновичу Эрукяну. К слову, его диссертация была посвящена армянской мемуарной литературе 19-го века, а научным руководителем был сам Эдвард Джрбашян, академик, директор института литературы Академии наук Армении. Стихи Эрукяна печатались в армянских изданиях «Пионер-канч», «Армянский язык и литература в школе», «Советакан манкаварж», «Советская Абхазия», научных журналах Ереванского госуниверситета и Академии наук. Хорошо помню опубликованную в газете «Советакан Врастан» его статью «Я хочу в Ереван», в которой Жорж Суренович увлекательно рассказывал о своей поездке в Париж и встречах с представителями армянской общины.

Однажды во время перемены он подошёл ко мне и сказал, чтобы я принёс ему своё самое любимое стихотворение. Читатель уже знает, что моим самым дорогим и любимым стихотворением был «шедевр» личного масштаба – «Наш пёсик». Через несколько дней меня пригласили в Центральную детскую библиотеку, находящуюся недалеко от школы – на проспекте Мира. Оказывается, моё стихотворение стало победителем республиканского конкурса юных литераторов Абхазии, посвящённого 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени Ленина!

От неожиданно посетившей меня радости я был на седьмом небе и реально чувствовал, что это не просто слова – быть на седьмом небе! Это – состояние души! Ещё бы! В торжественной обстановке, при многочисленных

представителях образовательных учреждений и Союза писателей республики, в сопровождении аплодисментов главный редактор детского журнала «Амцабз» Мушни Хашба вручил мне почётную грамоту! А премию победителя – замечательную книгу Сергея Есенина «Избранное» с соответствующей записью, скреплённой, как и почётная грамота, большой круглой печатью с гербом посередине – я получил от Бориса Гургулия, как потом сказали мне, известного абхазского поэта и учёного, с которым мы впоследствии стали хорошими знакомыми и я перевёл большую подборку его стихотворений на армянский язык.

Помню, Борис Алмасханович крепко пожал мне руку, пожелал новых стихов и, конечно же, напутствовал хорошо учиться и много читать. Он был первым настоящим писателем и учёным, которого я видел воочию, не считая нашего директора школы Эрукяна.

Стоит ли говорить о том, какая ошеломляющая слава обрушилась на меня не только в школе, но и на нашей улице и даже в моём родном селе, тем более, когда о моём поэтическом успехе сообщила газета «Советская Абхазия», за свежим номером которой каждый день рано утром читатели становились в очередь у киоска «Союзпечати» напротив нашей школы. Помню, корреспондент – молодая журналистка – задавала вопросы, а я по-пионерски бодро и серьёзно отвечал. Сегодня обязательно растерялся бы от страшного волнения.

Потом, через много лет, моя жена Гоар сказала, что практически все девушки в школе говорили обо мне: «Видите, тот парень? Он пишет стихи!»

Сразу же хочу разочаровать читателя: нет, не было у меня больше никаких других литературных премий. И очень даже правильно и хорошо, просто замечательно, что их не было.

Другие премии и поощрения были бы лишними, ненужными, второстепенными по сравнению с *этой* книгой

Есенина, ибо благословение бывает один раз на всю творческую жизнь, в моём случае довольно-таки трагическую. И эта книга Есенина – моя первая и единственная премия с редакционной почётной грамотой внутри – стала настоящим благословением: она не только до сих пор украшает мою библиотеку, но и напоминает о критическом весе каждого написанного слова.

Нет, это даже не благословение, это крещение, а оно в жизни бывает только один раз.

Воистину был прав Егише Чаренц, когда писал: «Я кровью строчку каждую отметил...»

...Я написал стихотворение «Наш пёсик», чтобы выговориться, потрясённый трагической судьбой Фирса. Не знаю, что могло случиться со мной, если бы я не написал его. Это можно сравнить с глубоким плачем, успокаивающим душу человека.

Так рождаются песни, так рождается музыка, картины... Так вулкан Этна выбрасывает лаву...

Но как говорил мой отец: хорошее начало обязательно должно иметь своё продолжение.

Есть ещё другое изречение: аппетит приходит во время еды.

И я продолжил писать, совершенно не подозревая, что проживу, и это я говорю без ложной скромности, довольно-таки интересную творческую жизнь.

Но я был бы бесконечно счастлив, если бы не было такого повода-потрясения для начала моей писательской судьбы.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Их называли «гвардейцами», эту группу из 5-6 вооруженных до зубов человек, занявших дом почти напротив сельской средней школы, немного левее, через узкую дорогу, на стыке двух улиц, опоясавших огромное кладбище.

Рядом находился детский сад, в котором раньше размещалась основная школа. Сюда ходили моя дочка и племянница – обе Сусанны. Было очень удобно, дети находились рядом. Сад, как и сама школа, не функционировал уже несколько месяцев, с самого начала нежданно-негаданно разразившейся войны, хотя о её неизбежности не говорил только тот, кто «ишака называл дядей» – так гласит народная поговорка об очень ленивом человеке.

Знали, трезвым умом понимали, что начнётся война, потому что последние развития событий недвусмысленно «говорили» о её неизбежности, но не хотели мы в это верить, уж очень не хотели верить, что она начнётся.

Вопрос войны и мира настолько был злободневным, что любое застолье с некоторых пор обязательно начиналось с тоста за мир во всем мире. И этот тост пили стоя. Но со временем он стал традиционным что ли, если можно так сказать, просто «тостом для галочки», ничего не говорящим, ничего не значащим. И только те немногие, которые трезво мыслили, горько шутили после очередного такого тоста: «Как бы не накликать на свою голову беду. Не нравится всё это, ой как не нравится». И как оказалось впоследствии, словно в воду глядели, как ясновидящие. Ну чем же не Нострадамусы и Ванги?!

Это было то предвоенное время, когда практически каждый день угоняли автомобили, похищали уже «отоваренных» людей, успевших разбогатеть за годы перестройки, похищали их родственников. Возвращали, конечно же, за определённый выкуп. А если кто-то отказывался платить, то через некоторое время находил сгоревшую маши-

ну или труп ни в чём неповинного человека. И эта практика – угонов и хищений – всё больше набирала обороты, становилась своеобразным, очень доходным «бизнесом».

В августовские дни я был занят в школе ремонтными работами, ведь новый учебный год уже был «на носу». И 14 августа 1992 года, засучив рукава, я красил классные комнаты вместе с мастером Григором Празяном. Я даже не подозревал, что школа в ближайшее время будет разграблена, ведь я не знал о том, что, как писала потом местная пресса, под предлогом защиты железнодорожных путей уже началась война, и нешуточные боевые действия развернулись буквально под нашим носом – в районе Турбазы, где моя жена Гоарик и 5-летняя дочка Сусанна неожиданно попали под перестрелочный огонь, когда шли к родственникам в гости. Им удалось чудом спастись бегством, до крови разбив ноги.

Работал я в школе до позднего вечера, совсем не подозревая, что все наши соседи с тревогой ждут меня перед домом тёти Марики, где соединяются три переулка, образующая небольшую площадь; здесь в детстве мы гоняли футбольный мяч, иногда к нам присоединялись и старшие – дяди Борис и Бено, когда бывали «под жирной мухой». На телефонные звонки соседей я не отвечал, потому что находился далеко от своего кабинета – в самом конце длинного коридора на первом этаже – и не слышал их.

В селе уже не было детей дошкольного и школьного возрастов.

С началом боевых действий практически все жители села покинули родные очаги и поселились в основном в Сочинском районе России, поближе к границе, надеясь на скорое окончание войны и своё такое же скорое возвращение в родные пенаты. Нет, люди уезжали не из трусости или малодушия. Уезжали, потому что никто не хотел воевать против своего соседа, друга, знакомого, с кем ещё вчера радовался и грустил, делил хлеб-соль. Не могли же

осквернить суть хлебосољства – не только святого понятия для всех народов, и особенно для кавказских, но даже и своеобразной клятвы: «Я помню хлеб-соль в твоём доме». А это означало: быть благодарным, ценить и уважать этот дом, дорожить его честью... Нарушение клятвы было равносильно позору. И для такого случая есть соответствующая народная мудрость: «Хлеб-соль находится на его коленях: когда он встаёт – она падает». Но это уже проклятие. Не дай Бог, конечно, быть проклятым именно таким образом. Это проклятие мало того что не забывалось, – оно переходило «по наследству», прилипая к именам детей человека, «не удержавшего хлеб-соль на коленях». Так и говорили: сын или дочь того неблагодарного..., осквернившего хлеб-соль уважаемого человека...

Была ещё одна веская причина для отъезда жителей прифронтовых сёл из своих домов: это сохранение детей от возможных трагических неожиданностей, случайностей, связанных с боевыми действиями.

В домах оставались только старшие, в большинстве своём дедушки и бабушки. Вот их и взялись якобы охранять и защищать эти «доблестные гвардейцы» от распоясавшихся в ту пору мародёров. Не просто так «охранять и защищать», за чьи-то красивые глаза, а за соответствующую плату, и к тому же, конечно, приличную. Хотя сами были настоящими грабителями ещё с той большой дороги.

По свидетельству первого президента Абхазии Владислава Ардзинба, «к сентябрю 1992 года более 15 тысяч армян вынужденно покинули Абхазию... а жители села Аракич Очамырского района, не сумев собрать означенную гвардейцами дань в 30 млн рублей, оставили свои дома... убиты двое членов армянского культурно-благотворительного общества «Крунк» А.Кешабян и Р.Аракелян, сопровождавшие армян-беженцев из Гагры».

Слово «гвардеец» жители села, да и всей республики, произносили в кавычках, с особой интонацией, означав-

шей одновременно и страх, и презрение, и ненависть, и усмешку. Это слово потеряло своё первоначальное значение: в сознании людей оно уже ассоциировалось с мародёрством, грабежами, похищениями, убийствами... Конечно, эти, одетые во что попало люди, но обязательно с зелёной повязкой-ленточкой на голове, не имели ничего общего с настоящими гвардейцами, с военнослужащими регулярных войск. Они были просто мародёрами, орудовавшими в окрестных сёлах в поисках «своей добычи».

Хотя наша школа, как и все остальные «прифронтовые» учебные заведения, не работала, но я, как её директор, иногда приходил сюда, стараясь не бросаться в глаза «гвардейцам». Точно так же приходили наш завхоз и сторож, как правило, под небольшим, «допустимым огненноводочным» градусом. Учителей не было: почти все они, как и остальные жители села, покинули свои дома, многие из них уже работали: конечно, кто где смог устроиться, и совсем не обязательно по специальности (это удавалось очень немногим), ведь тогда было важно просто найти какое-нибудь мало-мальски оплачиваемое занятие и прокормить семью. Это было наиглавнейшей задачей того времени: сохранить и прокормить семью.

Как-то непривычно было здесь, в недавно на совесть отремонтированном школьном здании. Казалось, что без весёлого детского шума и гама всё ниже и ниже опускается школьный потолок, готовый вот-вот обвалиться. Осиротевшие классные комнаты и коридоры задыхались от переполнившей их давящей пустоты. Здесь очень не хватало воздуха. Нет, его не было совсем, несмотря на настежь открытые двери и выбитые оконные рамы.

Здесь – безвоздушное пространство, невесомость.

Казалось, вот-вот поплывут, как в космическом салоне, парты, стулья, учебники и другие школьные принадлежности вместе с глобусом, на котором под густым слоем космической пыли затерялись многие государства, невзирая

на неприкосновенность своих границ, гарантированную конституциями и клятвами президентов, осунулись моря и океаны – как под непроницаемой пеленой тумана и мглы. Глобус стоял на опасном краю стола: стоило дотронуться до него, и он рухнул бы на пол...

Нет, это наша планета земля выйдет из своей орбиты...

Кстати, здание школы находилось на административной границе между городом Сухумом и одноимённым Сухумским районом. Точно так же был расположен и школьный земельный участок, почти поровну разделившись на районную и городскую части. И это создавало немало проблем и хлопот для дирекции школы. Иной раз дело доходило до абсурда. Бывало, что для принятия какого-то решения мы напрямую обращались в Совет Министров республики, когда городская и районная власти, как тогда было модно говорить, «не приходили к консенсусу». Например, будучи сельской школой, её мандариновый участок находился на городской территории, и на него одновременно предъявляли свои права городская и районная администрации. А сколько бюрократических хлопот доставила нам установка подстанции! А проложение водопровода? – с двух сторон которого с завидным постоянством, невзирая на все запреты, появлялись всё новые и новые захоронения, сужая смертельное кольцо вокруг школы. Жители села периодически поднимали этот наболевший вопрос, ведь водопровод иногда повреждался, порой его по неосторожности повреждали и сами могильщики, а трупы со временем разлагались, и опасные бактерии могли попасть в питьевую воду, угрожая здоровью людей.

К чести Совета Министров, он все вопросы решал оперативно и обязательно в интересах школы.

...Единственным утешением, немного успокаивающим душу, была церковь Сурб Арутюн (Святое Воскресение), открытая в здании школы стараниями сельской общины «Комитас» под руководством Размика Ипекчяна – вра-

ча-кардиолога городской больницы. Церковь освятили в 1992 году при большом стечении людей. В моём архиве сохранились фотографии, рассказывающие об этом знаменательном дне. На строительстве церкви работали все, от мала до велика, каждый вносил свою посильную лепту в это богоугодное дело. И эта работа душевно сближала людей, спланивала, делала всех родными и нужными друг другу. Ещё бы! Всё свободное время они проводили на строительстве, которое финансово поддерживал и банкир Тигран Цатурян, которому, как рассказывают его родственники, удалось отсудить у турецкого государства несколько миллионов долларов, которые до Геноцида армянского народа принадлежали его деду, поставляющему американской компании «R.J.Reynolds Tobacco» высококачественный табак для изготовления сигаретной продукции Camel. Тигран открыл свой банк и довольно успешно работал. Говорят, что его юристом некогда был сам Владимир Вольфович Жириновский! Не буду утверждать, но фотографию, запечатлевшую их и руководителя Абхазии Владислава Ардзинба, видел собственными глазами у родственника Тиграна – Агаси Цатуряна, моего хорошего знакомого. К сожалению, рано ушёл из жизни Тигран, этот добрый и отзывчивый человек, ушёл от сахарного диабета, приведшего его к полной слепоте, а затем и к смерти. Очень тепло отзывается о Тигране В.Ардзинба в своей книге «Моя жизнь», назвав его семью замечательной: «Когда я рассказал ему о том, что мы вынуждены вывозить раненых с поля боя на грузовиках, и попросил о помощи, он приобрёл для нас 10 автомашин УАЗ. Он неоднократно нам помогал: в его доме иногда проходили встречи с нужными людьми».

Вёл службу в церкви молодой священник, выпускник Эчмиадзинской духовной семинарии тер Татев Арутюнян. Специально для него за счёт факультативов я ввёл в учебную программу 6-7-х классов новый для наших школ пред-

мет – историю религии и армянской церкви. Мы организовали и церковный хор, в котором пели учащиеся нашей школы. Тер Татев уехал из Абхазии в первые дни войны. Конечно, никто, ни единым словом, даже намёком не осудил его за этот шаг: все хорошо понимали, что каждый, в том числе и священник, спасал свою семью так, как мог, как считал нужным и возможным. Тем более, у священника недавно родился третий ребёнок. Уверен: если священник решил бы остаться, сами сельчане потребовали бы, чтобы он уехал, вывез семью в безопасное место. Если я не ошибаюсь, некоторое время тер Татев провёл в России, а затем переехал в США на постоянное жительство.

Я тоже вывез свою семью – жену Гоарик, пятилетнюю дочь Сусанну и трёхлетнего сына Айка – из Сухума в Армению. Вывез по настоятельному требованию моих родителей: «Дети могут испугаться, и этот страх останется в их душе на всю жизнь. Вывези их отсюда, пока не поздно», – строго сказал отец, и его поддержала моя мама.

Я и сам понимал, что они правы. Дети действительно боялись рёва двигателей военных самолётов и вертолётов, которые пролетали над нашими домами. При их появлении они забежали домой и прятались под нашим круглым добротным столом, который стоял в центре зала. Дети видели самые первые выстрелы, произведённые из вертолёта, «стоящего» в воздухе буквально над нашим домом. Два снаряда попали в жилой 9-этажный дом, что перед спуском у выезда из Сухума к Ачадарскому мосту. Говорят, что пилотировал этот «крокодил» военный лётчик Майсурадзе, известный как «чёрный полковник». Вот что пишет о нём сайт «Циклопедия»: «26 декабря 1992 года экипаж вертолета Ми-24 в составе Джимшера Майсурадзе и старшего лейтенанта Мераба Гелашвили выполнял боевое задание в Очамчирском районе – расстреливал НУРСами с вертолёта «Комету» с беженцами. Во время второго вылета вертолет был сбит абхазскими борцами за независимость из ПЗРК над селом Атара. Экипаж погиб».

В Армении мы остановились у Азы – родственницы Гоарик, почти на окраине Еревана – в посёлке Джрвеж. Это было в конце августа-начале сентября. Аза сама еле сводила концы с концами, и через некоторое время мы переехали в посёлок Нор Ачн к двоюродному брату Гоарик – Тиграну: мастеру на все руки, добрейшей души человеку, прекрасно исполняющему народные армянские песни.

По иронии судьбы, неподалёку от Нор Ачна находился военный аэродром Вооружённых сил СНГ. И когда оттуда со свистом взлетали самолёты, Сусанна и Айк в страхе забегали в подъезд, чтобы спрятаться. Помню, одна из соседок как-то решила просто пошутить: «Смотри, Айк, – сказала она, – сейчас самолёт выпустит ракету». То, что было потом, невозможно описать словами. Весь двор долго успокаивал впавшего в истерику Айка, упрекая сконфуженную женщину за неудачную шутку и проклиная тех, кто начал войну в Арцахе и Абхазии.

Они-то хорошо знали, что такое война, ведь многие из них сами, или же их родственники были участниками армяно-азербайджанской войны в Нагорном Карабахе, где потеряли своих близких и не первый год носили чёрную траурную одежду.

Через некоторое время, когда в посёлковой администрации зарегистрировали беженцами Гоарик и детей (это означало, что они будут получать по одной крохотной булочке в сутки, для чего надо было всю ночь простоять в очереди перед железным магазинным окошком), я с большим трудом через Адлер, а оттуда рыболовецким сейнером, вернулся в Сухум, где оставались мои родители – больной отец Айк и ухаживающая за ним мать Гегануш.

Была ещё одна веская причина для моего возвращения на родину. Находясь в Ереване, я написал статью «До каких пор будет рушиться наш дом?» о первых днях начавшейся войны. Её напечатали в газете «Азатамарт», главный редактор которой, Мушег Микаэлян, в разговоре

со мной сказал, что редакции для публикаций нужна объективная информация о ситуации, сложившейся на подконтрольной грузинской стороне территории Абхазии: «Из Гудауты мы получаем информацию от нашего сотрудника, а вот из Сухума ничего не поступает, и мы не знаем, что творится там, как чувствуют себя наши соотечественники, какое к ним отношение. Вернее, поступает противоречивая информация, наводящая в основном на грустные размышления».

Уже в Сухуме я написал несколько статей, которые затем были опубликованы в периодической печати.

Но я уже в который раз отвлёкся от своего повествования. Давайте вернёмся к нему.

Железную дверь церкви открыли «гвардейцы», вернее, гранатой взорвали замок (как и двери от классных комнат школы), чтобы, привожу их слова дословно, «как глубоко верующие христиане, могли справлять свои религиозные потребности, прося помощи у самого Господа Бога для исполнения своих непростых обязательств по осуществлению защиты мирных жителей села от нашествия мародёров». Уже после их первой же «молитвы» из церкви исчезли иконы Святых армянской апостольской церкви, кроме (до сих пор не могу понять: почему?) изображения Вардана Мамиконяна.

Но люди продолжали приходить сюда, продолжали зажигать свои свечи, молиться, просить и, главное, верить...

Верить, значит, надеяться на лучшее. И это несказанно радовало меня. Сколько раз я видел зажжённые свечи перед церковью, под её стенами, даже прямо на входных ступеньках. Люди надеялись, что жизнь обязательно воскреснет. Ведь даже само название церкви – Святое Воскресение – недвусмысленно подсказывало, что у людей разум возобладает, и очень скоро закончится ставшая отечественной для народа Абхазии война, что дети и внуки

вернутся в свои родные истосковавшие очаги, откроются двери школы и детского сада.

И вновь прозвучит счастливый детский крик на центральной сельской улице, петляющей вверх от железнодорожного вокзала через старинное кладбище к подножию горы. Это чуть выше дома нашего завхоза, во дворе которого аж до высоты второго этажа возвышалось оливковое дерево, на добрую зависть всем щедро плодоносящее.

В дождливую погоду эта разбитая, с многочисленными колдобинами и ухабами улица превращалась в сплошную полосу серьёзных препятствий, где можно было воспитать не одну плеяду чемпионов по этому замечательному – бегу с преодолением препятствий – виду спорта. Кстати, дорога сейчас находится в ещё более ужасном состоянии. Так что, вполне возможны рождения новых чемпионов.

...В школу я поднимался через Лечкопское кладбище, продираясь сквозь колючие кусты зимбилака между надгробиями и оградами, находящимися в основном в запущенном состоянии: здесь всё аж по пояс заросло всякой травой и сорняком: это и понятно – некому было ухаживать за ними, люди больше думали о сохранении жизни родных и близких. Кладбище с трёх сторон вплотную приблизилось к школьному железному забору. Все классные комнаты, в том числе и учительская, выходили на кладбище: вот смотришь в окно – а кругом одни захоронения.

Когда-то здесь были зелёные чайные плантации, как по нитке высаженные плотными ровными рядами, аккуратно подстриженные. Учащиеся школы проходили на этих плантациях производственную практику по трудовому обучению. Местный чай пользовался большим спросом, и его производство было одним из главных направлений развития сельского хозяйства республики.

А ещё раньше, до появления чайных плантаций, на этих склонах проводились всесоюзные соревнования по

мотоциклетному спорту. Отец приводил меня на эти многолюдные соревнования, и я, помню, очень болел за мотогонщика по фамилии Григорьев, который часто становился победителем этих гонок. Я обязательно присутствовал на церемонии награждения призёров, которая проводилась здесь же сразу после состязаний.

Вот по этому, не совсем удобному, но относительно безопасному маршруту, мы незаметно приходили в школу и также незаметно уходили. Здесь, в случае чего, можно было до поры до времени надёжно спрятаться.

Но однажды лицом к лицу я столкнулся с одним из «гвардейцев», прямо перед открытой дверью церкви, откуда он вышел ... без автомата, который как-то не совсем осмотрительно был прислонён к стене церкви снаружи.

От неожиданности я замер, вернее, очень растерялся, потому что не сразу ответил на его приветствие. Но краем глаза я заметил, что в старом подсвечнике с песком у стены с изображением Святого Вардана Мамиконяна горела только что зажжённая свеча. Я даже успел чуточку удивиться: кроме «гвардейца» кто же мог её зажечь, а ещё и перед изображением Вардана Мамиконяна – национального героя, причисленного Армянской церковью к лику святых?! «Гвардеец» очень внимательно, пристально посмотрел на меня. Мне показалось, что он даже попытался улыбнуться, а может быть, он просто слегка усмехнулся, краешками губ. Потом он полуспросил, полуутвердительно сказал на чистом литературном армянском языке (это меня не удивило, потому что многие «гвардейцы» владели армянским, а вот сам вопрос...):

– Дук «Крунк» терти хмбагирн эк⁴⁷?

Я был ошарашен. Значит, кто-то успел выдать меня. Но кто же мог это сделать? Кто?

В мгновение ока перед моими глазами пролетели лица жителей села. Такие дорогие, чистые, родные лица! Нет, если бы меня кто-то выдал, «гвардейцы» уже давно приш-

ли бы ко мне «в гости», вернее, за мной. Мне даже как-то неловко стало от неожиданно посетившей меня такой не совсем честной мысли.

Конечно же: нет! Никто не мог выдать меня. Никто, ни один человек! Все с уважением относились ко мне. При встрече советовали, даже не советовали, просто требовали беречь себя, быть очень внимательным и осторожным, без особой необходимости не выходить на улицу, интересовались, в чём я нуждаюсь, не нужна ли помощь. И это тогда, когда сами нуждались во многом, когда сами с большим трудом сводили концы с концами. Как-то завхоз школы дал мне целый мешок с кукурузой, который мы с ним вдвоём с наступлением темноты к нам домой принесли на плечах, периодически меняясь. Представляете?! Мешок с кукурузой! Это же на вес золота, это же целый клад! Как же тогда обрадовались мои родители!

– Воч⁴⁸, – всё же промямлил я в ответ.

А может быть и не издал ни звука. Ну не помню я, хоть убейте. И если даже и ответил, то это было бы правдой: ведь не был я тогда редактором «Крунка».

Но с другой стороны... Ведь правда и то, что мой ответ был бы не совсем полным и честным.

Да, действительно, к этому времени я уже не был редактором газеты «Крунк» из-за серьёзных разногласий по некоторым, бывает же так – второстепенным вопросам (звучит забавно, не правда ли: серьёзные разногласия по второстепенным вопросам?) с руководителем одноимённого культурно-благотворительного общества Альбертом Топольяном, перед войной ставшим заместителем председателя Верховного совета Абхазии Владислава Ардзинба. Но правда и то, что я когда-то был редактором «Крунка», и не просто редактором, а самым первым редактором!

После ухода из «Крунка» я начал выпускать газету «Амшен» и до войны успел издать три номера. Газета выходила в Ереване на армянском языке, потому что в Суху-

ме не было такой возможности. Потом, через несколько лет, газета стала называться «Литературным Амшеном». Она выходит до сих пор, уже более тридцати лет.

Он улыбнулся, но тут же посерьёзnel:

– Вас ищут. Они убьют вас, если найдут.

Странно, он сказал: они... Он даже как-то подчеркнул это слово: они... «Они... Значит, не он...», – промелькнуло в обрывках моего сознания.

Увидев мое недоумение, доходящее до растерянности, он сказал:

– Ес чаначеци дзез⁴⁹. Я окончил тбилисскую армянскую школу. Несколько лет назад вы выступали в нашей школе с Геворгом Эмином, Беником Сейраняном, Сосом Симаворяном, Акопом Чобаняном, были еще другие писатели. Я запомнил ваши строчки: «Мы сегодня будем жить, чтобы дальше жить». Я даже помню, как вы от волнения забыли собственное стихотворение и продолжили его по бумажке!

Действительно, был такой случай в одной из тбилисских армянских средних школ!

Как сейчас помню: я начал читать стихотворение, но после первых двух строк всё вылетело из головы. Начал читать второй раз, и опять на том же месте «споткнулся». Потом Эмин и Сейранян долго, по-отечески утешали огорчённого меня за столом, накрытым в учительской!

– Я хорошо запомнил эту встречу, – продолжил «гвардеец», – потому что потом наш класс подготовил юмористическую сценку по ней, где мы обыграли ваше выступление. Я играл начинающего обескураженного поэта, забывшего собственное стихотворение. Получилась смешная юмористическая миниатюра.

Вот ведь как бывает в жизни! Значит, в какой-то момент он находился в моей шкуре, переживал и огорчался, как я! Ничего не скажешь – родственная душа!

– Вы не думайте, – сказал «гвардеец», и его спокойный голос вернул меня к действительности, – я не выдам

вас, я люблю стихи. И потом, они, – он повернул голову в сторону дома, где остановились «гвардейцы», – вас ищут, но как-то вяло, не совсем серьёзно, не верят что вы можете находиться здесь. По их мнению, редактор армянской газеты реально не может находиться здесь из-за грозившей его жизни опасности. Они уверены, что вы и ваши родные давно покинули город, спасаясь бегством. Так им сказала одна армянка, которая хорошо знает вас и ваших родных, и они поверили.

«Какая армянка? – подумал я. – Она же может поплакаться жизнью, «гвардейцы» просто расстреляют её, если вдруг узнают правду».

Хотели же расстрелять нашего соседа Колю Давидяна, который очень робко попытался заступиться за абхаза, который буквально за несколько дней до начала войны купил дом по соседству. Жора, так его звали, служил в Армении в той же лётной части в посёлке Нор Ачн и после демобилизации в звании майора авиации переехал на постоянное жительство в Сухум. Но когда началась война, он перешёл Гумисту и, как нам стало известно уже после войны, служил в абхазской авиации. Вот в его дом пришли грузинские полицейские и заявили соседям, что там скрывался абхазский разведчик. «Да вы что, ребята, какой разведчик...», – начал Коля и тут же получил удар прикладом автомата: «Заткнись, если не хочешь получить пулю в лоб». Конечно, в доме никакого разведчика не было, хотя это не спасло его от ограбления.

Но мы опять отвлеклись от нашего повествования. Потом «гвардеец» переиначил мои строчки:

– Живите, чтобы жить.

И пошел, ускоряя шаг, навстречу к неожиданно появившимся во дворе школы и поспешившим в нашу сторону «гвардейцам».

Я понял, что он дал мне возможность уйти за здание школы, чем я и воспользовался без промедления и через

кладбище спустился вниз к Республиканской больнице. А там до дома совсем близко – уже рукой подать.

В скобках замечу, что армянкой, убедившей «гвардейцев» в том, что я и мои родные покинули Сухум, была Лена Сарецян, двоюродная сестра моего отца, дом которой находился по улице Станционной, что недалеко от нашего дома. Когда «гвардейцы» искали меня, ошиблись адресом и, на моё счастье, встретили тётю Лену. Наверное, был прав мой ангел-спаситель: «гвардейцы» сами не верили, что я мог находиться в Сухуме. Наша тётя Лена, эта замечательная женщина, умерла от инсульта через несколько лет после войны. Пусть земля ей будет пухом!

...После моей удивительной встречи с «гвардейцем»-армянином прошло несколько дней. И всё это время я жил её подробностями. Надо же, какая встреча! И не где-нибудь, а перед церковью, под строительство которой, рискуя вызвать гнев районного руководства, я выделил в нижней левой части здания школы несколько комнат, одну – достаточно обширную, рядом с залом (бывшим кабинетом трудового обучения), где до войны проводила свои почти ежедневные многолюдные заседания местная армянская община «Комитас».

Я уже начинал верить, что эта случайная, а вернее не совсем случайная встреча состоялась именно по воле Всевышнего: он решил таким образом отблагодарить меня за мое богоугодное дело. И отблагодарить не просто так, как попало, а именно в самое нужное, в самое критическое для меня время, когда ни за что – даже за самое безобидное слово, за самый невинный взгляд, за ничего не значащий жест – можно было поплатиться жизнью. И чем дольше я думал об этом, всё больше и больше убеждался в благосклонном отношении Бога ко мне. Ещё бы!

Если не Бог, то кто же спас нас от неминуемой смерти, когда начался обстрел нашей улицы и мы с женой, не

помня себя, распластались на дороге, а рядом, в нескольких сантиметрах, буквально врезались в землю тяжеленные шальные осколки снарядов, чудом не задев нас; когда от «нашествия» самолетов Су-25 посыпались все стёкла нашего дома, а я в темноте, ошарашенный, наверное потеряв чувство реальности во времени и пространстве, вышел из комнаты и пошёл. Шёл и шёл... Но куда я шёл и зачем? Страшное и странное ощущение, сродни потере самого себя в себе же самом.

Кстати, в ту же ночь от этой бомбёжки был полностью разрушен дом журналиста Тенгиза Пачкория, который жил по соседству, чуть выше нас. Его отец погиб, мать получила ранение, сам он был контужен. На следующий день посетил нашу улицу председатель госсвета Грузии Эдуард Шеварднадзе вместе с какими-то иностранными наблюдателями. Одни говорили, что бомбу на дом журналиста сбросили абхазцы, другие уверенно констатировали, что постарались русские лётчики, хотя были и те, кто не сомневался, что «это дело рук грузинской авиации, специально подготовленная провокация для находящихся в Сухуме иностранных дипломатов, чтобы опорочить абхазскую сторону, якобы бомбящую мирное население».

Этот перечень трагических случаев и моего счастливого избежания гибели можно продолжить. Я настолько был потрясён происходящими событиями, что написал стихотворение, в котором есть такие строки (конечно, они далеко от совершенства, но точно выражают мои чувства):

**О мой последний миг! Я знаю, рядом ты,
А может, ближе, чем мне кажется порой,
Не раз ты посещал меня из темноты,
Вернее, ставили меня перед тобой.
О до жестокости честнейший мой палач!,
Не уноси меня, повремени чуть-чуть...
Ошибкам мало я свершал, пройдя свой путь,
Не совершён пока мой самый верный шаг.**

Я решил ещё раз подняться в школу, зажечь свечу в церкви, поблагодарить Господа за его щедрость и великодушие, помолиться не какими-то дежурными и избитыми словами, а словами своими, единственными, идущими из глубины души, пульсирующими вместе с моим сердцем, и попросить... Много было у меня очень важных просьб, и личных, и общественно-значимых, начиная от сохранения наших родных и близких до скорейшего завершения войны и воцарения мира и на многострадальной земле, приютившей моих предков в годы Геноцида армянского народа, и на земле моей исторической родины, где тоже уже не первый год полыхал огонь истребления.

И ещё я очень хотел спросить: «Ну зачем же всё это, о Боже, ну почему?..»

Мои родители были категорически против, но я настоял на своём и поднялся в школу по проложенному нами пути, уже известному читателю. Он знает также, что церковь Сурб Арутюн находилась на юго-западном крыле школы. Входная же дверь в школу была на юго-восточной стороне, т.е. двери церкви и школы находились друг против друга. Я подробно говорю об этом, потому что, возможно, именно такое расположение дверей спасло меня. Обе двери, как и ворота школы, после её неоднократного разграбления, не закрывались. В школе никого не было. Через зал заседаний общины я вошёл в церковь, зажёл свои свечи, и как умел, возможно не совсем умело, но от всего сердца, помолился. Удивительно, на душе сразу стало легче, спокойнее. В эту минуту мне вдруг очень захотелось, чтобы умиротворенность, царившая в церкви, вышла за её пределы с щедростью чистого света и стала переходить из одного сердца в другое, из одного дома в другой... И чтобы её было очень и очень много! Настолько много,

чтобы она распространилась из одной страны в другую, с одного континента на другой, и, в конце концов, своей щедрой чистотой разлилась бы по всему земному шару...

Потом я поднялся на второй этаж, где находились учительская и мой кабинет, а напротив учительской – библиотека. В помещениях гулял сквозняк, всё было перевёрнуто вверх дном: и в кабинете военной подготовки, и в кабинете кройки и шитья, где на столах ещё несколько месяцев назад стояли в ряд очень хорошие учебные швейные машины – их и след простыл. В ту пору они пользовались большим спросом, потому что часть населения республики занималась шитьём лёгких дерматиновых тапочек, так называемых «джексонов», другая часть изготавливала недорогие украшения – бижутерию, которая, как и «джексоны», партиями вывозилась в Россию для оптовой продажи. Многие производители этого ширпотреба имели своих постоянных покупателей, как говорили тогда, клиентов, закупавших товар партиями для перепродажи уже с наценкой; они на этом выручали «хорошие деньги».

Вместе со швейными машинами исчезли и рукописи трёх моих книг, в том числе переводов, которые находились в моём кабинете, – как я считал, в самом надёжном месте... Мне и в голову не приходило, что святая святых – школа – может быть разграблена. Не знаю судьбу этих рукописей, они пропали бесследно. Жаль, конечно, очень жаль. Уже после войны мне удалось кое-что восстановить по памяти и чудом сохранившимся черновикам. Я их собрал в одну книжку под названием «Апацха», к которой послесловие «Два слова об Артавазде Сарецяне» написал член Союза писателей СССР Андраник Багарян. Её потом издала абхазская писательская организация, в то время руководимая уже известным моему читателю замечательным поэтом и литературоведом Борисом Алмасхановичем Гургулиа, который, к сожалению, в марте 2012 года погиб в дорожно-транспортном происшествии.

Послышался рёв двигателя приближавшейся грузовой машины. Я посмотрел в окно и буквально в ту же минуту перед открытыми школьными воротами остановился армейский «Урал», из которого вышли трое «гвардейцев» и поспешили к школе, к её парадному входу. «Хотят посмотреть, что ещё здесь есть», – подумал я.

Стоит ли говорить о том, что встреча с ними в пустом здании мне ничего хорошего не сулила.

Я спустился на первый этаж и через зал заседаний общины и церковь вышел на задний двор школы, сообразив, что уйти вниз по известному читателю пути уже не получится, потому что меня обязательно заметили бы. И я пошёл к воротам школы, которые с самого начала войны не закрывались. Да и не было никакого смысла их закрывать, потому что во двор школы часто заезжал танк, чтобы укрывшись за школьным зданием, выпустить несколько снарядов по абхазским позициям, которые находились на правом берегу реки Гумиста. Абхазские артиллеристы давно охотились за этим танком и, в конце концов, сумели прямой наводкой подбить его, чуть ниже дома нашего захоза. Погиб весь экипаж, в составе которого был и один из преподавателей местного субтропического института. Он невредимым вышел из подбитого танка, но «успел поймать» осколок снаряда, который угодил ему прямо в горло.

Так вот, перед настезь открытыми воротами, вдоль дороги в сторону вокзала стоял армейский «Урал», кузов которого был набит мебелью. «Опять кого-то ограбили, – мелькнуло в голове, – надеюсь, что на сей раз всё обошлось без жертв». А так я подумал, потому что несколько дней назад во дворе своего дома за оказание сопротивления мародёрам была убита Сильва Кюлян – медсестра Республиканской больницы. А ещё несколькими днями ранее, 12 декабря, за то же самое до полусмерти был избит дядя Григор – муж моей родной тёти Аник, дом которого после

ограбления мародёры подожгли. Какую богатую библиотеку имел дядя Григор, какие замечательные книги были собраны в ней, как величественно стояли они плечом к плечу, друг к другу, тесно сомкнутыми рядами! Всю жизнь дядя Григор собирал эти книги! Кто-то покупал мебель, а он – книги! Страшно представить, как же горели эти книги в охватившем дом пламени, – так турки сжигали армянские книги и манускрипты, пытаясь уничтожить самый главный след древнейшего народа на своей же родине.

Я повернул направо и пошёл вниз, к вокзалу. Светило бледное солнце, готовое вот-вот скрыться за густыми серыми тучами, затягивающими весь небосклон. Мне даже подумалось, что солнце побледнело от охватившего его ужаса из-за неопишуемых злодеяний и наверняка считало себя виноватым за все эти преступления и бесчинства, которые творились под его лучами. Мне вдруг захотелось встать на колени и как язычник обратиться к Солнцу: «Не вини себя, о Солнце! Ты – очень доброе, ты – очень чистое и очень светлое! Никакой твоей вины нет в том, что кто-то кого-то убивает, кто-то кого-то обманывает, ворует... Верно, всё это происходит днём, когда ты светишь. Но верно и то, что всё это происходит и ночью, и даже больше происходит ночью, чем днём, под покровом темноты, когда ты наверняка ... не спишь, потому что невозможно спать после всего увиденного. Ты не вини себя, Солнце. Это нам, людям, должно быть стыдно за то, что вот так оскорбляем тебя своим недостойным поведением».

Не успел я дойти до могилы футболиста сухумского «Динамо» по фамилии Алания, которого убил имеющий за плечами несколько «ходок» Карен Гаспарян за оскорбление его отца – водителя троллейбуса, как вдруг услышал хлопки закрывающихся дверей автомашины. Потом через несколько попыток грозно взревел мотор, и коробка передач, нехотя повинувшись воле водителя, с царапающим слух скрежетом переключилась на первую скорость. Машина

тронулась с места и покатила вниз, вслед за мной. Буквально через несколько секунд «Урал» догонит и обгонит меня, а я пройду ещё метров двести и поверну направо, к пожарной охране. Затем выйду к знаменитой пекарне «Колос», открытой пару лет назад отцом Альберта Гагуа, с которым некоторое время я работал на винзаводе обработчиком вин, а проще говоря – фильтровальщиком. Кстати, очень интересная работа!

Не помню кто, но наверняка очень тонкий ценитель винных напитков, справедливо сказал: «Вино – живой организм: как человек рождается, живёт и умирает».

А великий пролетарский писатель Максим Горький восхищался работой виноделов. Как сейчас помню: плакат с его восторженными словами украшал фасад головного завода Абхазвинкомбината: «Да здравствуют виноделы, которые делают вино и через него вносят солнечную силу в души людей!»

«Нынче мало, очень мало солнечной силы в душах людей, – подумал я. – Нет, не оттого, что мало пьют, наоборот – пьют как раз очень много. Да вот беда: собирают незрелые, не впитавшие солнечную силу гроздья винограда, давят и давят их с добавлением воды и сахара. И выжимают последние соки. О таком вине говорят, что оно «сделанное». Пьёшь на вкус очень приятное это вино, а потом выворачивает всю твою душу. Вот и видишь вокруг себя умело «сделанные» лица и улыбки, «сделанные» беседы... сладенькие аж до тошноты...

Но, к счастью, есть и уважающие себя виноделы, не унижающие достоинство винограда и вина.

Вся надежда на них, на настоящих...

Я не смотрел на платаны, обступившие дорогу с двух сторон. Просто шёл, потупив взор. Почему-то в голову пришли евтушенковские слова:

**Горе смотрит, горестно потупясь,
Потому и видит глубоко.**

«Где же ты сейчас, Женя? Как бы ты поступил на моём месте», – я мысленно обратился к своему мудрому другу.

Вот так, в сопровождении его строк, я пройду ещё метров сто вниз, и там слева в переулке дом нашего зятя Шаварша, который в ожидании окончания войны с семьёй находился в селе Дурипше, в дедовском доме своего друга-абхаза. В семейном очаге нашего зятя оставались его родители – мать Аня и отец Ефрем. Я обязательно зайду к ним и останусь там до наступления темноты. Потом, незаметно, стараясь не попадаться на посторонние глаза, как партизан, под покровом ночи доберусь до нашего дома, где меня ждут не дождутся мои родители.

Насколько было возможно, я ушёл от дороги в сторону, на обочину, и продолжил свой путь почти прижимаясь к кладбищенским оградам.

Машина, набравшая скорость и почти догнавшая меня, вдруг замедлила ход... Она не обгоняла меня: водитель периодически, со скрежетом переключаясь на холостой ход, нажимал на педаль газа так, что мотор ревел на всю округу. Краем глаза я заметил надгробный камень с портретом дяди Геворга, установленный им же самым с указанием дня, месяца и года своего рождения. Конечно, на мраморной плите отсутствовала дата его смерти. «Будет и дата, – по этому поводу шутили сельские философы, – ведь это всего лишь вопрос времени». Говорят, дядя Геворг своими же руками смастерил и свой добротный гроб, который находился у него на чердаке. Я мысленно обратился к нему: «Дай Бог вам здоровья, дядя Геворг, живите ещё сто лет, как говорится, без капитального ремонта, пусть ещё долго-долго на мраморной плите не появляется вторая дата, пусть ещё долго-долго на чердаке пылится гроб!»

И вдруг, прервав мои размышления, неожиданная, такая простая и страшно реальная мысль острым шипом вонзилась в мой мозг, пройдя его насквозь, да так, что я даже почувствовал пронизывающую боль: «Вот так они

будут медленно изводить мою душу, шаг за шагом доведут меня до сумасшествия и, в конце концов, просто задавят, вот здесь, на этой улице».

От этой перспективы быть раздавленным на дороге я аж вспотел, как парниковое стекло от разницы внутренней и наружной температур зимой...

Машина медленно катилась за мной, не отставая и не обгоняя меня, то есть мы, как гласит соответствующий закон физики, двигались с одинаковой скоростью, которая, однако, в любой момент могла нарушиться...

Конечно, можно резко повернуть направо и попытаться скрыться. Но я тут же напрочь отмёл эту мысль: не успею, уж очень густо стоят ограды, почти вплоты друг к другу. Я не смогу протиснуться между ними, как получу автоматную очередь.

Мне казалось, что я постепенно схожу с ума, находясь в здравом уме. Но так же не бывает: ведь или сходят с него, или находятся в нём. Но почему так не бывает, очень даже бывает, ведь каждый это делает по-своему ... Даже есть народная мудрость об этом. Нет, всё же надо думать о чём-то другом, о чем-то отвлекающем от дурных мыслей. Ну, например, хотя бы о том, что недалеко отсюда, по левую сторону от меня, почти на спуске, под вековыми кедровыми деревьями, обильно истекающими ароматной смолой, которую местные жители собирают и употребляют как жвачку для очищения дёсен и зубов, – похоронены мой дядя Каро и тётя Зварт – младшая сестра моей мамы. Тётино имя переводится как «весёлая», хотя жизнь она прожила не совсем такую, а если быть более точным – совсем не такую. Неожиданно умерла моя тётя, очень рано, пережив своего мужа Каро на пять лет, оставив сиротами дочерей Гаянэ и Аиду. У неё всегда было повышенное артериальное давление, и настолько она привыкла к этому, что принимала лекарства без измерения давления, не прерываясь от домашних хлопот. Однажды, вместо того,

чтобы повиситься, давление взяло да упало, а тётя опять без его измерения приняла свою привычную норму лекарства. Давление понизилось до критического уровня, тётя впала в кому. Конечно, её сразу же повезли в больницу, но медики ничем не смогли помочь, хотя для этого сделали всё возможное. Через несколько часов, вечером того же дня, она умерла на руках у врача Альберта Гаспаровича Топальяна, который впоследствии, перед войной, стал заместителем председателя Верховного Совета Абхазии.

Я очень любил их: и тётю, и дядю. «Пусть Бог даёт мало,— говорил дядя Каро и добавлял,— но даёт всегда». В отношении самого дяди, да и тёти тоже, первую часть поговорки Бог выполнил с ювелирной точностью: действительно, мало хорошего досталось этой замечательной семье, очень мало. Вторую часть тоже Бог выполнил, постоянно «снабжая несчастьями».

Потом я мысленно перенёсся на могилу нашей крёстной дочери Альвины, что чуть ниже захоронения моих родственников, на северном склоне горы. Туда ведёт узкая тропинка, там сыро до озноба, потому что солнечные лучи проскальзывают мимо — вниз, в ущелье, на крутых склонах которого кто-то посадил мандариновые деревья.

Я настолько глубоко был погружён в свои не совсем светлые воспоминания, что напрочь забыл о с грохотом следовавшей за мной машине, кузов которой был набит всякой всячиной. Вдруг в моё сердце подкралось сомнение: а может быть машина едет медленно, чтобы как бы не повредить эту всякую-всячину, аккуратно сложенную в кузове и сто'ящую для их новых хозяев дороже любой человеческой жизни?

А может быть, все мои сомнения и тревоги действительно напрасны? А может в жизни быть всё так просто и банально? «Конечно, может быть»,— откуда-то из своих неведомых далее обнадёживающе подсказало подсознание. И эта подсказка немного успокоила меня.

Так вот, семь лет было Альвине, когда она умерла в одной из ереванских больниц в чудовищных муках, от белокровия. О её страшной болезни мы узнали, когда для поступления в первый класс она проходила медобследование в Сухумской детской больнице. Здесь же первыми тревогу забили врачи и настоятельно посоветовали, нет, потребовали срочно вывезти ребёнка в Ереван для прохождения обследования в специальной клинике, что и было сделано немедленно. Но... К сожалению, всего на несколько месяцев удалось продлить её жизнь. За несколько дней до её смерти к нам пришёл отец Альвины, Спартак, и сказал: «Альвину надо крестить. Крёстные отказались. Я их понимаю: это невыносимо тяжело – крестить больного ребёнка и знать, что скоро его не будет. Но крестить надо обязательно, и мы хотим, чтобы это сделали вы».

Вот так мы – моя жена Гоар и я – стали крёстными родителями Альвины.

Да, кстати, интересно, это чья же рука не дрогнула, когда выкапывала дерево, которое мы посадили рядом с могилой Альвины?

До поворота к пожарной охране остаётся совсем немного, всего несколько десятков метров. Как раз успею вспомнить ещё историю о том, как дядя Ншан и ещё несколько человек пришли копать могилу для умершей нашей соседки, а я остался во дворе покойной, чтобы смастерить крест и написать на нём её самые главные биографические данные, что через чёрточку.

Как и положено, дядя Ншан и его товарищи вместе с необходимыми инструментами взяли с собой обязательные для таких случаев пару бутылок мандаринового самогона с нехитрой закуской и под лёгким морозящим дождём поднялись на кладбище.

Закуску разложили под раскрытым зонтом, а сами начали копать. Конечно, иногда подходили к зонту, прикладывались к гранённому стаканчику и продолжали копать

дальше. Шутили и рассказывали всякую-всячину. Здесь без таких шуток нельзя, даже невозможно. Вдруг послышался свист летящих снарядов, после чего последовали взрывы где-то совсем рядом.

Друзья спрятались в наполовину вырытом четырёхугольнике. Как раз в этот момент, откуда ни возьмись, появилась бродячая собачка и, не обращая никакого внимания на свистящие осколки, напрямик пошла к зонту, а вернее, к накрытой под ним «поляне».

Дядя Ншан первым заметил целенаправленно приближающуюся к закуске угрозу в виде собачки и, на секунду позабыв об осторожности, слегка приподнялся и крикнул протяжно-жалобно: «тиди-и-и!»...

Тиди... Это – уникальное слово-обращение исключительно к собаке, заменяющее все собачьи «слова» на свете. Его значение зависит от интонации произношения. На сей раз оно означало глубочайшую просьбу: «Пожалуйста, не надо, ну будь же ты человеком». Это почти так, как герой искандеровского «Созвездия Козлотура» восклицаниями «Хейт! Хейт!» подчинял своей воле стадо коз.

Не успел дядя Ншан закрыть рот, не успела собачка повернуть свою лопоухую головку в сторону дяди Ншана, как где-то рядом, с острым свистом взорвался новый снаряд. Один из очень маленьких осколков со змеиным шипением протаранив небритые впалые щёки дяди Ншана, пролетел между его раскрытыми челюстями. Дядя Ншан не сразу понял, что произошло. Потом, надо дать ему должное, он очень спокойно, без лишней паники, как и подобает настоящему мужчине, не «выписав» пинка жадно глотающей закуску виновнице своего несчастья и даже не обматерив её, как принято в таких случаях, сам себе оказал первую медицинскую помощь в виде «принятия на грудь» полного стакана самогона, прополоскал рот и горло, проглотил содержимое, и в сопровождении постепенно приходящих в себя друзей вышел на разбитую кладбищенскую дорогу,

где его подобрал военный УАЗик, следовавший вниз – в сторону Республиканской больницы.

А во-он там похоронен Муджо Цулая. Конечно, если бы я располагал чуть большим временем, я бы обязательно рассказал много интересного об этом сухумском «мясном короле» 60-х годов прошлого века.

Цулая был очень авторитетным и уважаемым человеком, ещё тогда пообещавшим миллион рублей тому, кто исцелил бы его от «очень плохой» болезни (из суеверия тогда именно так называли заболевание раком, чтобы ненароком не накликают беду на себя или своих близких). Но, к сожалению, не нашёлся тот, кто смог бы это сделать, и он, Цулая, тоже оказался здесь, рядом с простыми смертными, где, как известно, все равны.

К сожалению, я должен прервать свой рассказ, потому что впереди оказался поворот направо, к пожарной команде. Кладбище уже закончилось, и появились первые осунувшиеся, как люди от горя, дома: такими жалкими и бессмысленными показались они без детского крика и смеха. Да и людей тоже не было видно, хотя я совершенно точно знал, что за нами внимательно следили очень грустные глаза тёти Жамкочян и дяди Даниэла, и другие глаза, не менее любопытные и такие же грустные.

Дома...

И вдруг меня посетила странная мысль о том, почему в Ачадаре и Гумисте один за другим горели дома, иной раз вместе с жильцами (например, в собственном доме был сожжён учитель математики местной средней школы Карагозян Тариел), а в Лечкопе за это время ни один дом не сгорел, все дома уцелели! Что за непонятное чудо?! Нет, конечно, это хорошо, что не горели дома, это даже очень и очень здорово! В связи с этим я успел даже немного порадоваться перед своим скорым возвращением в суровую действительность.

Ещё несколько метров, и ещё...

Всё ближе и ближе то ли точка моей жизни, то ли её многоточия по названию поворот... Поворот... Но поворот куда? Это именно тот поворот, смысл которого не зависит от поворачивающегося.

Машина медленно катилась за мной...

Ещё пару метров... Вот ещё сделаю пару шагов...

Через несколько секунд решится мой вопрос, а точнее судьба, и, наконец, закончится эта суровая игра с самим собой, похожая на детскую под названием... Интересно, кто её так нежно назвал «кошки-мышки», чтобы кто-то потом смог уточить: «Кошкина игра – мышкина смерть».

Обильный холодный пот лился с меня градом, заставляя мне глаза...

Будь что будет. Из последних сил я взял и просто-напросто повернул себя направо и механически сделал ещё несколько шагов...

«Урал», прощально посигналил. Взревев мотором, медленно покатился вниз и скрылся за углом – через пару минут он будет на железнодорожном вокзале. Я тоже в знак прощания попытался поднять онемевшую руку и постарался помахать вдогонку. «Расстались, почти как друзья расстались, – ехидно съязвило в моей голове, – надеюсь, навсегда».

Я не почувствовал, как остановились мои окаменевшие ноги. Они показались мне очень тяжёлыми. Потом эта тяжесть ушла куда-то вниз, наверное, в землю, и я облегчённо вздохнул, как будто с моей души свалился ... огромный камень, наверняка надгробный, потому что только он может быть таким невероятно тяжёлым. Только он может так сильно давить.

После огромного нервного напряжения наступило такое душевное облегчение, что я даже физически почувствовал его.

Не знаю, сколько минут, а может всего несколько секунд, но точно целую вечность (!), я стоял неподвижно. И

только тогда, когда передо мной остановилась белая «шестьёрка» руководителя сельской общины «Комитас» Размика Ипекчяна, единственного армянина, имевшего машину в связи с работой в городской больнице, я почувствовал пронзительный холод, проникающий в мою душу. Я почти по колено стоял в луже, раскинувшейся метров на десять в длину и заполненной грязной полужидкой жижей.

– Да как же тебя угораздило попасть в эту лужу, куда же ты смотрел, не видел, что ли? Давай, садись в машину, – крикнул Размик, высунув голову из салона, – давай, давай, повезу тебя домой, заболеешь ведь. И не забудь выпить стакан крепкой чачи с острым перцем.

Я хотел ему ответить, что не только я, но и все мы вместе оказались в ещё большей и страшной, нет, не в луже, а в болоте, и уже болеем какой-то непонятной болезнью... Так что, я уверен, никакая крепкая чача с острым перцем не поможет.

Но я только махнул рукой и пошёл к машине, быстро сообразив, что это – самое удачное для меня продолжение остросюжетного дня.

После окончания войны, когда наконец воцарился тяжёлый, отмеченный многими человеческими трагедиями мир, я получил ответ на вопрос о том, как уцелели дома в нашей прифронтовой зоне, и наши сельчане избежали человеческих жертв.

Оказалось, что всё до банальности просто: это заслуга узнавшего меня «гвардейца» из Тбилиси по фамилии Давтян (имени, к сожалению, не помню). Он сделал всё возможное (да и невозможное!) для сохранения нашего небольшого пригородного села.

Более того, оказывается, он был наслышан о творимых «гвардейцами» безобразиях в отношении мирных жителей. И специально приехал в Абхазию, чтобы в меру своих

сил и возможностей защитить местных – амшенских армян от мародёров и убийц, чувствовавших себя очень вольготно в условиях разгула преступности, охватившей в начале 90-х годов прошлого века практически все регионы бывшего Союза. Особенно высокий уровень преступности был на тех территориях, где полыхали межнациональные и национально-освободительные войны. Как, например, у нас. Об этом мне рассказал завхоз нашей школы, когда однажды летним жарким днём я поднялся к нему домой после моего возвращения в Абхазию. «Да и я обязан ему жизнью, – с благодарностью сказал завхоз и добавил. – Он часто приходил к нам в гости, иногда с Размиком Ипекчяном. Мы много говорили о жизни. Вспоминали и тебя. Конечно, он не был всемогущим, не всё ему удавалось, хотя удавалось многое. Он очень старался, переживал, когда не успевал».

Рассказывал завхоз, а я думал о том, что если бы не Давтян, не сидели бы мы сейчас под этим оливковым деревом и не пили ароматную изабеллу – вино, приготовленное из одноимённого винограда, закусывая вкусными мясистыми маслинами собственного, вардикяновского посола. Вот попробуешь эти маслины да пальчики оближешь, и никогда не будешь есть их дальних родственников, расфасованных в красиво оформленные жестяные банки!

Кстати, во время войны наши друзья солили плоды лавровишни, отдалённо напоминающие маслины, и это тогда считалось дорогим угощением.

Многие обязаны своей жизнью Давтяну. Многим он приходил на помощь по первому же зову, сопровождал до морвокзала и рыбколхоза тех, кто уезжал из фронтовой зоны. Самым ходовым и востребованным грузовым «транспортом» в то время были детские коляски и тачки: их загружали необходимым скарбом и пускались в дорогу. Давтян сопровождал их, сажал на перевозящие мирных жителей в Россию рыболовецкие сейнеры. Помогал,

конечно же, рискуя собственной жизнью, ведь не всем «гвардейцам» нравилось его такое миротворческое поведение. К нашему счастью, были и такие люди, как Давтян – сильные, честные, благородные. Люди, которые сумели сохранить своё человеческое достоинство.

Война (да и наш послевоенный период тоже, «продолжающийся» уже на протяжении почти тридцати лет) очень строго и безжалостно расставила всё по своим местам, разложила буквально по полочкам, показала, кто есть кто на самом деле: соседи, друзья, родственники. К сожалению, не все выдержали это суровое испытание, не все сумели удержать своё человеческое достоинство на должной высоте, зафиксировав, как штангист, эту тяжёлую обязанность – быть человеком: «очень многие оказались побеждёнными под знамёнами своих же побед», как сказал поэт Размик Давоян. И я начал понимать обнажённые до предела слова Евгения Евтушенко:

**Эх, война, моя мачеха-мать,
ты учила умнее грамматик,
научила всему, что могла,
и сама кой-чему научилась.
Проклинаю за то, что случилась,
и спасибо за то, что была.**

Да, война достойна всеобщего проклятия, но уж если, к несчастью, она случилась, необходимо в полной мере, максимально воспользоваться её до жестокости суровыми уроками и сделать соответствующие выводы, чтобы она не повторилась в будущем. На войне враг – твой самый верный друг: честно и точно укажет твои сильные и слабые стороны.

Мне понравилась эта мысль: использовать уроки войны против неё же, вернее, против её повторения.

– Не знаю, уцелел ли этот молодой человек, – сказал завхоз, наливая стакан. – Он ушёл вместе со своей группой с началом наступления абхазских войск на Сухум. Много

погибло тогда людей, ой как много. Как военных, так и мирных жителей. Никогда не забуду того ужаса.

Я с сожалением вспомнил, что погиб и врач Размик Ипекчян: он был убит в неизвестных обстоятельствах то ли во время боёв за освобождение Сухума, то ли сразу после окончания войны.

– Давай поднимем стакан за Давтяна. Если жив он, дай Бог ему здоровья и счастья! Хорошего сына воспитали его родители, достойного! Вот побольше бы таких людей, и, глядишь, жизнь была бы намного чище и светлее, и люди были бы добрее.

Потом мы выпили за мир во всём мире и чистое небо над человечеством. Не как традиционный, «дежурный» тост мы подняли этот стакан, как делали до войны, – а как выстраданное пожелание души и сердца. Выпили до дна, до последней капли, приливом чувствуя в своей душе животворящую силу солнца, которая медленно проникала в нашу каждую клетку, растворяясь без остатка.

Так пьёт человек, прошедший через ужасы войны, испытавший горечь невозможных потерь, хорошо знающий цену миру.

Это потом станет традиционным вторым стаканом, после первого за Всевышнего, поминать тех, кто ценой своей жизни дал нам право не существовать – жить на этой земле.

Ярко светило солнце совсем другими красками и переживаниями лучей – так бывает только в детстве, когда всё имеет другой смысл и значение, другие измерения, неподвластные никаким физическим и философским законам.

И вдруг так неожиданно грянул гром и пошёл дождь. Летний, чистый, с солнечными капельками вперемешку, проникающий в душу и очищающий её слепой дождь, хотя правильнее будет называть его солнечным.

Как в детстве, когда все дожди бывают только солнечными, если даже они слепые.

А Я И УХОМ НЕ МОРГНУЛ...

Я никогда не занимался торговлей, не мог «торговаться» на рынке даже для незначительного снижения цены товара, хотя это считается святым делом: хоть немного, но обязательно надо «поломать» цену.

Потом я с удивлением узнал, что «неторговля» иной раз истолковывается как неуважение к продавцу и даже оскорбление! Это почти то же, что и «покушать хаш без стопки сногшибательной вашей чачи. А если ты еще и водитель, гаишники могут за это сурово наказать!»

Об этом серьёзно поведал мне знакомый цыган на рынке города Шахты Ростовской области (где временно остановилась моя семья во время войны), открывший мне глаза на некоторые «премудрости базарного бизнеса, т.е. купли-продажи».

Признаюсь, за одну и ту же сумму моя жена отоваривается почти вдвое больше, чем я. Как говорил тот же цыган, «на базаре есть два дурака – покупатель и продавец. И каждый из них, заметь, обязательно хочет обхитрить другого. Например, если продавец уступит в цене, то обязательно «надует» в весе или в чём-то другом. Не сомневайся, он найдет способ для этого!

Ведь это святое дело: так «надуть» покупателя, чтобы он даже ухом не моргнул!

Так что, как хочешь крути, как хочешь верти и в какую сторону хочешь крути и верти, в итоге получается, что довольны оба: и покупатель, в начавшейся «словесной» войне сумевший наступательными движениями снизить цену, и продавец, отступательными манёврами незаметно заманивший покупателя в постоянно готовую ловушку и «кинувший» его в чем-то... А дальше, как говорится, дело техники и её отточенности.

Заметь, здесь ключевое слово «кинуть», просто взять и «кинуть», и неважно в чем... Пойми меня правильно: это

философия торговли, её движущая сила, действующая без сбоев во времени и пространстве. Это как законы физики и математики! Конечно, бывают и исключения, но исключительно для подтверждения законов!»

Кстати, отдельные направления этой философии развивал и мой друг Юрий Иванович после очередного нашего похода в ресторан или апацху, что происходило не совсем часто, но регулярно во время наших экзаменационных сессий в Абхазском госуниверситете.

– Ты думаешь, мы покушали на пятнадцать рублей?! – возмущался он. – Держи рот шире! Она (официантка. – А.А.) «кинула» нас минимум на один рубль пятьдесят шестьдесят копеек, а может быть, и на целых два рубля!

Но давайте оставим в покое умудренного в рыночных баталиях старого цыгана и моего уже седого, как и я, друга-правдолюбца и вернемся к моей скромной персоне. Значит, я не то что торговаться, я вообще ходить на рынок даже за самыми необходимыми продуктами питания считал недостойным делом – просто я был уверен, что это исключительно женское занятие.

Кстати, до сих пор меня раздражают мужчины, лениво сидящие за прилавком и торгующие всякой всячиной, особенно женской одеждой, хотя сегодня «купи-продай» считается самым что ни на есть авторитетным мужским делом.

Ничего не поделаешь, времена нынче другие, возможно, я безнадежно отстал от времени.

Так вот, несмотря на все это, мне однажды, перед самым Новым годом, пришлось-таки выйти на шахтинскую, покрытую гололедом рыночную площадь с двумя огромными сумками, до отказа забитыми мандаринами, привезенными моей женой из Абхазии.

–Мы с мамой приглашены в гости. А ты поезжай завтра на рынок и продай эти мандарины,– не терпящим возражения тоном сказала моя жена.– Смотри, товар хороший,

отборный! Не продешеви! На Новый год очень нужны деньги! Сам ведь понимаешь. Я все посчитала... Вырученные от продажи деньги должны хватить на небольшую новогоднюю елку для детей, стол и подарки!

Потом добавила строго:

– И еще должны остаться! Январь – тяжелый месяц. Вся надежда на тебя!

Она назвала вес нашего товара, его рыночную цену и предполагаемую от реализации выручку, которую я должен был принести домой.

Я представил многочасовое столпотворение на русско-абхазской границе, женщин с тачками, загруженными мандаринами и другими фруктами... Шум, проклятия, мат... И на этом ужасном фоне – моя хрупкая жена с двумя огромными сумками... Я очень пожалел ее, хотя и как-то робко попытался отвертеться:

– Ну ты же знаешь, что я не умею...

– Ничего, научись.

На следующий день рано утром на трамвае я приехал на шахтинский рынок.

Здесь все места заняты, имеют своих постоянных «хозяев», которые «отстегивают смотрящим» какую-то фиксированную сумму.

Так что мне пришлось поставить свои сумки прямо на гололед недалеко от центрального входа.

Не успел я выкурить свою «Приму», как меня окружила группа очаровательных женщин:

– Молодой человек, откуда ваши мандарины?

– Из Абхазии.

– Не обманываете? Не турецкие ли?

– Да вы что!!! Вчера привезли! Посмотрите, свежесобранные!

– Да верим, верим! Не будет же такой симпатичный молодой человек обманывать женщин!

Они поинтересовались ценой. Переглянулись.

– Дороговато просите, – сказала одна из них, как я понял, главная, – не снизите цену?

– Нет, – твердо сказал я, – не могу.

– Да, понимаю, у вас была война, нуждаетесь, наверное, семья, дети... Как вы считаете, девочки, поддержим парня?

– Поддержим конечно! Жалко ведь!

– Ну хорошо, мы берем ваш товар.

– Так и быть, берем! Мы добрые!

– Взвесьте так, чтобы всем было поровну, – приказала главная, – а я расплачусь за весь товар. Потом разберемся.

Женщины быстро поделили мандарины, мигом опустошив мои сумки, и поблагодарили меня за настоящий абхазский товар, еще раз мило поздравили с наступающим Новым годом.

– Пока я буду расплачиваться, купите хурму и апельсины вон у того парня, – сказала главная и обратилась ко мне, – так сколько мы должны вам?

Я назвал вес и сумму.

– Хорошо, – сказала главная и достала из сумочки купюру в 50 000 (пятьдесят тысяч!) рублей.

Я впервые видел недавно вошедший в оборот этот крупный по тем временам денежный знак, чье «нежное шуршание приводит сердце в трепетание и лучше всякой лёгкой музыки приносит нам покой».

Я достал из кармана брюк все свои деньги, чтобы дать сдачу...

Правой рукой женщина держала 50-тысячную банкноту, а я считал свои 50-рублевки и мелкие деньги и аккуратно клал их в ее раскрытую левую ладонь.

«Все правильно, – считал и думал я одновременно, – берем деньги левой рукой, а отдаем – правой».

– Все? – спросила женщина.

– Все, – ответил я.

– Не хватает?

– Нет.

– Да ничего страшного,– она поспешила успокоить меня,– я сейчас разменяю в магазине. Вы подождите несколько минут. Хорошо?

– Хорошо, разменяйте, я подожду.

– Я сейчас...

И она, мило улыгнувшись, поспешила в сторону хозяйственного магазина.

«Пока она вернется, успею покурить сигарету»,– подумал я и закурил свою «Приму», от холода переминаясь с ноги на ногу. Потом закурил еще одну, потом еще...

– Э-э, брат, по-моему тебе не одну пачку сигарет придется выкурить, пока она вернется. А вернется ли? Тоже не факт. «Кинули» они тебя, дорогой,– сказал стоящий рядом, как я понял, уже умудрённый жизненным опытом азербайджанец, – на, выпей водки, ты совсем продрог,– он протянул мне почти полный чайный стакан. – И поскорее уходи отсюда, пока не пришли «смотрящие»: им тоже придется «отстегнуть» за место. Они же не поверят, что ты остался не только без товара и выручки, но и даже без собственных карманных денег.

И действительно, где же остальные женщины, покупавшие хурму и апельсины «у того парня»? Я лихорадочно начал смотреть по сторонам. Да их и след простыл!

Наконец, я понял, в какой идиотской ситуации таким нелепым образом оказался.

Я опять представил границу с её столпотворением, жену с тяжеленными сумками в хаосе тачек, тележек и колясок с разнообразным товаром, грязь, крики, проклятия, грубость таможенников, мат и плач... Кстати, на этой границе жена «заработала» грыжу позвоночного диска (результат поднятия и перебрасывания сумок через ограждения), которую потом удалили путём операции. «Что же я ей скажу? Она ведь с ума сойдет!»,- лихорадочно мелькало в моей голове.

Почему-то я вдруг вспомнил нашего соседа Олега. Он дома взвешивал мандарины и делил поровну между своей женой Олей и сестрой Соней, называл твердую цену, по какой они должны продать мандарины на сухумском рынке, а также сумму, которую должны принести ему. «Смотрите, – наставлял он, приказывая «перед дорогой на базар на удачу присесть на минутку», – не смейте прятать деньги, принесёте все до последней копейки!»

И они действительно не прятали деньги, приносили все, хотя у них почти никогда не получалось реализовать товар по цене, названной дядей Олегом. Разница была лишь в том, что тетя Оля приносила вырученную только от продажи сумму, которая всегда получалась ниже установленной ее мужем, а тетя Соня недостающие деньги компенсировала своими собственными, да еще и с небольшой надбавкой – на всякий случай. Здесь хочу пояснить, что у нее была такая возможность, потому что занималась, как сегодня модно говорить, мелким бизнесом – перепродажей детской одежды (тогда это называлось спекуляцией), а тетя Оля, к сожалению, не располагала никакими финансовыми возможностями, да и, что греха таить, не обладала необходимым «полётом мысли».

Стоит ли рассказывать о том, как же здорово «доставалось» хрупкой тётке Оле от дяди Олега – жестокосердного крепыша, любящего размахивать кулаками?! Она же в его глазах выглядела подлой воровкой! Вот и ходила она «с кругами темными у глаз». Я попытался представить тётку Олю без этих кругов, и не смог.

Здесь же добавлю, что дядя Олег в 30-х гг. по партийному направлению работал в НКВД Армении и считал эти годы самыми лучшими, самыми плодотворными и яркими в своей жизни, ибо, как он любил с наслаждением говорить в минуты откровения, «немало гадов выявил и собственноручно уничтожил безжалостно». «Какое же было время – глубокое, широкое... Как океан, как стихия!..»

И в этом «океане» дядя Олег чувствовал себя как рыба в мутной воде.

И вот тут меня вдруг осенило как неожиданное стихотворное озарение: для «избежания надвигающейся репрессии» надо последовать гениальному примеру тёти Сони – дать моей жене необходимую сумму, и даже немного больше – для пущей убедительности!

Да, велик Еврипид хотя бы тем, что когда-то изрёк: «Всё гениальное легко и просто», хотя, надо согласиться, не всё простое и лёгкое гениально.

Я, не теряя времени, поспешил к своему родственнику, взял у него нужную сумму с небольшой надбавкой в долг, который, кстати, не вернул до сих пор (ты посмотри, как-то вылетело из головы: вот хорошо, что взялся за этот рассказ и вспомнил о долге, надо обязательно вернуть при встрече) и к обеду уже был дома, после, конечно обмытия моего озарения, которое было оценено моим родственником по достоинству. «Надо взять на вооружение», – сказал он. Довольный, улыбающийся до ушей, я вернулся домой и, как понял читатель, не только по причине «гениального озарения мысли».

Жена очень обрадовалась, она даже похвалила меня:

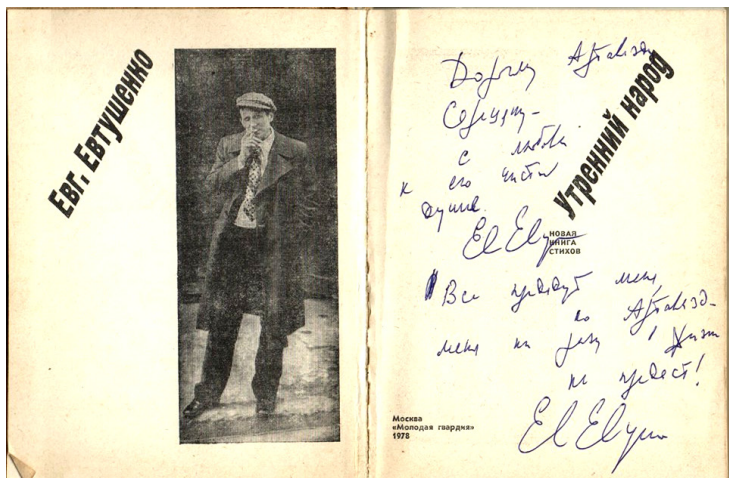
– Вот видишь, а ты говорил, что не умеешь торговать! Какой талант открылся в тебе! Не хочу говорить, что он пропал.

А потом посмотрела на меня, хитро прищутив глаза:

– Не свою профессию ты выбрал, э-эх, не свою... Жили бы мы тоже как люди.

МОЙ ЕВТУШЕНКО

(воспоминания)

1. «Дымок струился плавно ввысь...»

В живописном посёлке Агудзере, что в Гулрыпшском районе Абхазии, соседями Евгения Александровича Евтушенко по даче были писатели Карло Ражденович Каладзе, Нодар Владимирович Думбадзе, Георгий Иосифович Гулиа и другие знаменитости. Но особенно тепло, по-братски он относился к известному абхазскому поэту Ивану Константиновичу Тарба.

Я тоже его уважал хотя бы уже за то, что он был ближайшим другом Евтушенко, и ещё, что немаловажно: он очень ценил и любил армянский народ, которому посвятил замечательные стихотворения «Камень Армении», «Ереван» (впоследствии я их вместе с его несколькими другими стихотворениями перевел на армянский язык), а эпиграфом к своему роману «Глаза моей матери» взял ставшим мудрым изречением слова Аветика Исаакяна: «Самое красивое в мире – это глаза матери». Кстати, Александр

Блок писал об Исаакяне, что он – «поэт первоклассный, может быть, такого светлого и непосредственного таланта во всей Европе нет».

Евтушенко написал предисловие ко второму изданию романа Тарба «Глаза моей матери» в «Роман-газете» в 1984 году: «Иван Тарба очень много сделал для молодой абхазской литературы, с его ладони в небо поэзии взлетело немало талантливых людей. Как бы ни возносила его судьба и как бы ни ударяла, он всегда возвращался к письменному столу, как к честному пастбищу своих мыслей, своих надежд. В этом сказалась его здоровая горная натура абхаза, привыкшего дышать воздухом, в котором слиты воедино два дыхания – моря и заснеженных вершин. Его поэзию и прозу объединяет глубокая человечность и привязанность всеми корнями к родной почве», – писал Евтушенко о своём друге.

А на его трагическую смерть в 1994 году он отреагировал пронзительным стихотворением «На смерть абхазского друга»:

**...И заржали в Абхазии кони,
Когда умер он, так одинок,
Суеверно сжимая в ладони
Окровавленный пляжный песок.
И я верую, как в спасенье,
В горсть надежды, зажатой в руке,
И в прощёное воскресенье,
Где все равные во грехе.**

...Я часто оставался ночевать в гостеприимном доме Евгения Александровича.

Как-то вечером он сказал, что мы пойдём в гости к Ивану Тарба, посидим в его апацхе у медленного костра, над которым по абхазскому национальному рецепту копятся мясо и сыр, на весёлом огне варится мамалыга, и поговорим на этот раз ... не о поэзии. Он особо подчеркнул это: не о поэзии.

У нас было хорошее настроение, т.к. накануне Евгений Александрович получил сигнальные экземпляры двухтомника избранных произведений.

С Иваном Тарба я лично не был знаком, знал его только по книгам, в основном по двухтомнику, вышедшему в издательстве «Художественная литература».

«Хороший он человек», – сказал Евтушенко. И мы вышли на улицу.

Но прежде чем отправиться к Тарба, мы почему-то (наверное, «по вине» нашего хорошего настроения) оказались в апацхе Карло Каладзе. Стоя выпили по стакану ароматной «Изабеллы», закусили копчёным мясом. Евгений Александрович прочитал стихотворение «Мы – карликовые берёзы»:

Мы – карликовые берёзы.

Мы крепко сидим,

как занозы,

у вас под ногтями, морозы...

– И у меня тоже есть стихотворение о берёзах, – сказал Карло Каладзе, – но мои берёзы не карликовые.

Попрощавшись с хозяином, мы пошли к Тарба. «Он хороший человек, – повторил Евгений Александрович, – он очень хороший человек».

Тарба нас ждал в апацхе за богато накрытым столом. Горел огонь, весело потрескивали поленья, к потолку медленно поднимался дым, обволакивая лунные головки домашнего сыра сулугуни и большие куски мяса на специальных крючках-вешалках.

Когда Евтушенко представил меня, Тарба поинтересовался, где я родился и учился, чем занимаюсь. Я ответил на все интересующие его вопросы, сказал, что окончил сухумскую армянскую школу имени Ованеса Туманяна. Тарба сказал, что, будучи председателем правления Союза писателей Абхазии, принимал участие в открытии памятника Ованесу Туманяну во дворе школы. А когда

я добавил, что работаю на Абхазвинкомбинате, Евгений Александрович не без гордости сообщил Тарба, что по моей просьбе он выступал в актовом зале винзавода, где познакомился с замечательным человеком и дегустатором вин Валерием Авидзба.

За столом завязался интересный разговор. Я внимательно слушал, не перебивая.

Как и обещал Евтушенко, они говорили не о поэзии. Хорошо помню: он рассказывал о карибском кризисе и роли Анастаса Микояна в его разрешении, о своих захватывающих дух встречах с Фиделем Кастро на Кубе и в Москве и о многом другом.

Вдруг Евтушенко обратился ко мне:

– О поэзии мы говорить не будем. Но обязательно будем читать стихи. Тема – костёр. Давай начнём с тебя.

Я, конечно, не заставил себя долго упрашивать и начал читать:

**Смотрите, как горят дрова в камине,
От дров сухих нет дыма и в помине.
Вы слышите,
Что говорят дрова, когда горят?
Я слышу их слова:
«Мы рождены землёй,
И наша пусть зола достанется земле».
А что же говорят дрова сырые,
Они шипят, как духи злые:
«Чтоб горели мы,
сухих нам дайте дров».**

– Хорошо, – сказал Евтушенко, – мне понравилось! Ваня, а сейчас твоя очередь.

Иван Тарба прочитал стихотворение «У костра»:

**Душа Сибири, отогрейся,
Небось прозябла за века!
Уже в тайге ложатся рельсы,
Бегущие издалека.**

**...Машины их уходят в рейсы
Сегодня дальше, чем вчера.
Душа Сибири, грейся, грейся
У молодёжного костра!**

Дошла очередь и до самого Евгения Александровича:

– Я хочу прочитать нежное, полное любви стихотворение. Оно мне очень нравится своей искренностью.

И он начал читать:

**Костёр, я помню, во дворе
Мать разводила на заре...**

О Боже! Так это же моё стихотворение «Мамин костёр», которое несколько дней назад было опубликовано в газете «Советская Абхазия»!

Или я ослышался?

Да нет же! Как будто в глубоком сне я слышу:

**Дымок струился плавно ввысь,
И... продолжалась наша жизнь.**

Евтушенко читал так, как умел читать только он, в каждое слово вкладывая капельку своей крови. Мне казалось, что к концу стихотворения он, обессиленный, рухнет на земляной пол. Я даже, помнится, привстал немного, чтобы поддержать его. Поддержать самого Евтушенко!

**– Зачем ты по утрам костёр
Разводишь, мама, с давних пор?**

– Чтоб солнцу силу дать, сынок, –

Мне улыбалась сквозь дымок...

...В моей жизни был вот такой замечательный вечер.

Этот тёплый, чистый, овейанный морским воздухом вечер сопровождает меня всю жизнь.

Он продолжается до сих пор, и без его тепла и света моя жизнь была бы намного бледной и бедной.

2. «Морская соль» Евгения Евтушенко

В моей жизни много интересного связано с именем выдающегося поэта современности Евгения Александровича Евтушенко, ушедшего в бессмертие 1 апреля 2017 года на 85-м году земной жизни. Умер он в клинике города Талса (штат Оклахома, США), где проживал последние 25 лет. Похоронен Евгений Александрович на Переделкинском кладбище рядом с Борисом Пастернаком – такова была его последняя воля.

Написал эти строки, и вновь передо мной встал его стремительный образ мудрого человека, и вспомнил его пророческие слова и ещё раз убедился, что поэт не умирает:

**Я останусь не только стихами.
Золотая загадка моя
в том, что землю любил потрохами,
и земля полюбила меня.
И земля меня так захотела,
чтобы люди понять не могли,
где мое отгулявшее тело,
где гуляющее тело земли.
...Мне совсем умереть не под силу.
Некрологи и траур - брехня.
Приходите ко мне на могилу,
на могилу, где нету меня.**

Как уже известно читателю из предыдущего воспоминания, я с Евгением Александровичем познакомился в начале 70-х гг. прошлого века в поселке Агудзере Гулрыпшского района Абхазии, где он имел 2-этажную дачу буквально на берегу моря, рядом с дачей известного абхазского поэта Ивана Константиновича Тарба, с которым дружил много лет и ценил как замечательного человека. Свои дачи здесь имели и другие знаменитости, с которыми Евгений Александрович поддерживал добрые отношения,

но, подчеркнём ещё раз, особая дружба связывала его именно с Иваном Константиновичем.

Решающее значение для нашего близкого знакомства имела публикация моих нескольких пейзажных стихотворений на страницах районной газеты «Дроша», редактором которой в то время был известный журналист Сергей Иосифович Саркисян. Кстати, в этой газете публиковал свои басни и мой дядя Аршавир. До сих пор помню его замечательную басню:

**Лисица о курятнике поведав
И там насадкой вкусно пообедав,
Цыплятам говорит:
– К вам не пытаю злости,
А вы не жалуйтесь.
В ответ незваной гостье
Цыплята пискнули:
– Не скажем, нет!
Всё скажет о тебе
В курятнике твой след!**

Евгений Евтушенко с большим уважением относился к моим родителям и часто приезжал к нам в гости на своей красной «тройке». Кстати, он требовал, чтобы я его называл Женей, несмотря на большую разницу в возрасте.

Евгений Александрович с интересом слушал рассказы моего отца, обожал блюда, приготовленные моей мамой, особенно жареную «барабульку, сложенную штабелями», и соленье из свежих стручков фасоли с добавлением перца, баклажанов, яблок – амшеноармянскую туршу, которую он называл гениальным ... произведением. «Так пишут стихи», – шутил он.

Часто просил, чтобы я читал свои стихи на армянском языке. Слушал он очень внимательно, вникая в мелодику стиха.

Он как композитор чувствовал музыку произведения, порой дельно замечал шероховатости и указывал на них.

Помню, как-то глубоко вздохнул и произнес: «Даа,— и после короткого погружения в задумчивое молчание продолжил,— великий язык Нарекаци!»

Евгений Евтушенко очень высоко ценил поэзию Паруйра Севака. «Многие советские поэты учились у Паруйра. Если бы не Севак, советская поэзия не достигла бы таких выдающихся высот»,— говорил он.

Дружил и с Геворгом Эмином. Он переводил его стихотворения, написал мудрое предисловие к двухтомнику Эмина, которое называлось «Мысль как эмоция».

Среди представителей более молодого поколения особо выделял Размика Давояна.

Однажды он рассказал об одной поразившей его встрече Давояна с представителями армянской общины в Париже, свидетелем которой он был.

В гости к Размику Давояну в гостиничный номер пришли местные армяне-миллионеры. Они до поздней ночи разговаривали со своим земляком-писателем, и когда пришло время расставаться, очень просили разрешения ... остаться переночевать в его номере: «Вы не переживайте, мы устроимся прямо на полу, вы только разрешите». «Они так и сказали: в номере армянского поэта. И ещё они сказали, что об этой встрече с гордостью будут рассказывать своим внукам и правнукам. Вот как надо любить поэзию и своего поэта! Любить так, как любят армяне!»,— воскликнул Евгений Александрович.

...Пишу эти строки и не могу не рассказать о другом случае, поразившем уже меня до глубины души.

21 сентября 2014 года от имени президента Армении Сержа Саргсяна я был приглашён на приём по случаю 23-й годовщины независимости Республики Армения. Приём состоялся в спортивно-концертном комплексе имени Карена Демирчяна. Среди многочисленных приглашённых были известные политики, бизнесмены, деятели науки и культуры. Был и Размик Давоян – живой классик армян-

ской литературы. И в этом не было ничего удивительного. И даже наоборот, я думаю, что его присутствие на приёме придало особый шарм мероприятию. А вот после приёма... Я видел Размика Давояна – величавого, седого, одиноко стоящего на обочине дороги. Мимо на дорогущих иномарках серьёзно и важно проезжали самодовольные политики, бизнесмены и ни один из них не остановил машину, ни один из них не предложил подвести. Ни один!

Наверное, они понимали, что не достойны чести находиться рядом с этим великим человеком!

Наивное, слабое утешение.

Евгений Александрович строго относился к моим стихам, требовал, чтобы я до «седьмого пота» работал над каждым словом, чтобы оно нашло свое место – единственное, верное. «От этого, от верного места, зависит колдовство поэтического слова», – говорил он. Название одной из моих книг, «Без восклицательных знаков – на краю пропасти», имеет непосредственное отношение к его имени.

Но это тема для другого воспоминания.

Однажды в присутствии поэта Сергея Смирнова, которого он называл своим учителем, так раскритиковал меня, требуя вновь и вновь искать оригинальное решение финала стихотворения, что я в отчаянии воскликнул: «У меня уже отвращение к словам!» и выбежал на улицу, но в последнюю секунду успел услышать его радостное восклицание: «Молодец!»

Через несколько минут вышел Сергей Смирнов, подошел ко мне и сказал: «Радуйся! Он любит тебя и верит, вот и требует...»

Когда мы вернулись в зал, Евгений Александрович, сидевший, как обычно, перед камином, встал, обнял меня и прочитал стихотворение, которое – о чудо! – заканчивалось так:

**Проклятье - я профессионал.
Могу создать блистательную штучку
из слёз всех тех, кого я доконал,
страдания заправляя в авторучку.
...Профессии такой прощенья нет.
Чужая кровь лишь выглядит лилово...
Но тут и начинается поэт,
Когда приходит отвращенье к слову.**

Очень ранимым человеком был Евтушенко.

Я был свидетелем его тяжёлого разговора с одним высокопоставленным чиновником Главлита, от воли которого, как я понял, зависела судьба многослойного романа «Ягодные места». Можете себе представить: от воли какого-то чиновника зависела судьба выдающегося произведения современности?!

И этот чиновник постоянно требовал сокращения отдельных абзацев, предложений.

Однажды он потребовал сократить целую главу, посвящённую теме космонавтики:

– Сократите, если хотите, чтобы роман увидел свет.

– Но это же соль романа, – возмущённо воскликнул Евтушенко.

– Вот видите, речь как раз о том, что Вы постоянно сыплете соль на наши раны.

– Да, но моя соль – морская, она лечит раны, – с горечью бросил Евтушенко.

Вместо того, чтобы творить, писателям приходилось тратить свою духовную энергию и отпущенную Всевышним золотое время на решение вот таких околотитературных вопросов.

Роман «Ягодные места» вышел в 1981 году, вышел очень тяжело, да ещё и с большими сокращениями, но тем не менее, и в таком сильно урезанном виде сразу же стал бестселлером. Он был глотком свежего, оздоравливающего общества воздуха, глотком кристальной родниковой

воды, без которых можно было задохнуться в атмосфере всеобщей лжи и лести. Роман переходил из рук в руки. У меня был целый список читателей, которые терпеливо ожидали своей очереди.

Конечно, лестно для меня, что я был одним из тех немногих счастливцев, а может быть и единственным поклонником таланта Евгения Александровича, кто не только читал рукопись этого романа, ночами колдуя над интересным почерком автора, что в какой-то степени заставляло творчески воспринимать практически каждое слово, но и слушал, как его, и многие другие произведения, в том числе и захватывающую фантастическую повесть «Ардабиола», читает сам автор, сидя перед камином в своём гостеприимном агудзерском доме за чашкой чая с малиновым вареньем, приготовленным самым Евгением Александровичем Евтушенко.

3. Без восклицательных знаков...

На краю пропасти...

Будучи учеником средней школы, как подающий надежды начинающий поэт, я часто печатался в детско-юношеской газете «Пионер-канч» («Пионер-зов») – в любимом издании многих сотен тысяч её подписчиков во всех армянских общинах мира. Газета выходила два раза в неделю и я с нетерпением ждал очередного её выпуска и обязательно с моими стихами – я просто любил эту газету, потому что в ней печатались лучшие армянские детские писатели: Вахтанг Ананян, Беник Сейранян, Сурен Мурадян, Генрик Севан, Липарит Саркисян и другие, публиковались первые стишки начинающих авторов, многие из которых впоследствии стали знаменитыми писателями...

Печатала мои стихи и газета «Советакан Врастан» – это было очень важным моментом в моей только-только

начинающейся литературной жизни, ибо отделом культуры здесь заведовал классик армянской литературы Беник Сейранян и все литературные публикации одобрялись именно им. Он также был руководителем армянской секции Союза писателей Грузии и редакционного совета альманаха «Камурч», где также начали появляться мои стихи и переводы. Дорогого стоило для начинающего автора быть одобренным Беником Сейраняном!

К слову сказать, через несколько лет он же благословил выход моего первого сборника «Добрая встреча», а затем и второго под названием «Солнечный ветер», которые увидели свет в издательстве «Мерани».

Однажды Евгений Александрович попросил, чтобы я подготовил для него подборку подстрочных переводов нескольких моих стихотворений. Окрылённый таким предложением, я в тот же вечер приступил к работе.

Не знаю почему, но я решил, что стихи обязательно должны быть советско-коммунистической направленности. Но так как в то время я полностью был увлечён пейзажной и частично любовной лирикой, то вынужденно сел за стол и приступил к созданию цикла, «необходимого мне как глоток свежего воздуха».

Не вставая из-за письменного стола, написал несколько длинных стихотворений, которые с благодарностью посвятил Великому Октябрю, родной Коммунистической партии во главе с Леонидом Ильичом Брежневым и нашему светлому будущему. Не скажу, что легко дались эти посвящения. Невыносимо тяжело писать по заказу, пусть и собственному. А ещё надо было до утра успеть сделать их подстрочники!

Так что, я в поте лица честно поработал до самого утра. Для количественной солидности я вынужденно добавил к подборке ещё по одному пейзажному и любовному стихотворению и, довольный самим собой за плодотворную ночную работу и окрылённый удачными «творчески-

ми муками», рано утром первым же рейсовым автобусом №13 помчался в Агудзеру.

По моему глубокому убеждению, мои стихи своим высоким идейным содержанием должны были наповал сразить Евгения Александровича. Ехал я в Агудзеру и всю дорогу в своём воображении рисовал нашу скорую встречу во всех подробностях, воочию представляя, как же он будет приятно удивлён, какими превосходными словами будет хвалить и воодушевлять меня!

Приехал к нему, передал свои «творения» и самонадеянно сказал на одном дыхании:

– Я счастлив, что за моей спиной как гора стоит один из крупнейших поэтов современности.

Евгений Александрович слегка улыбнулся, закурил сигарету, хорошо не помню, то ли «Marlboro», то ли «Winston» в красной пачке, быстро просмотрел первые 2-3 строки «коммунистических» посвящений, а вот лирические стихотворения прочёл по два раза, причём до конца и сказал:

– Эти – стихотворения. В них есть колдовство слов. Например, мне понравились вот эти строки, где пишешь, что вдали от глаз любимой

Не знаю я: что делать мне,

Не знаю я: как выйти мне

Из глубины твоих очей.

Понравились ещё и эти строки:

Золотом кипит закат в котлах небес

И через край льётся ... осенний листопад.

– А вот эти...– он помахал перед моим носом «коммунистической» пачкой,– здесь можно вместо каждого слова и запятой поставить восклицательный знак и от этого ничего не добавится и ничего не убавится...

Я был ошарашен. Не успел я прийти в себя, как Евгений Александрович нанёс следующий нокаутирующий удар:

– И ещё запомни, что я действительно нахожусь за твоей спиной, но не как гора, а как глубокая пропасть...

И после этого памятного и значимого для меня разговора я так и живу: без восклицательных знаков, на краю пропасти.

Моя судьба полностью соответствует данной формулировке.

Через несколько лет именно так будет названа одна из моих книг вот с этим, уже известным читателю предисловием.

И ещё добавлю, что когда у меня набралось, по нашему мнению, достаточное количество стихотворений, достойных представлению всесоюзному читателю, мы с Евгением Александровичем решили приступить к переводу моего отдельного небольшого по объёму сборника «Мамин костёр» на русский язык. Начали отбирать стихотворения для подстрочного перевода, но помешала начавшаяся вскоре грузино-абхазская война, а рукопись уже готовых подстрочников, находящихся вместе с другими моими произведениями в Лечкопской школе, где я работал директором, исчезла.

4. Возвращать в двойном размере

Однажды моя мама полушутя-полусерьёзно обратилась к Евгению Евтушенко, приехавшему с женой Джан к нам в гости.

– Женя, у нас есть одна большая мечта, но, к сожалению, её осуществление что-то очень затягивается.

– Что это за такая мечта, – поинтересовался Евтушенко, – и чем же я могу помочь? Что я могу сделать для вас?

Моя мама посмотрела на меня и как-то виновато тихо сказала:

– Мы с Айком очень хотим, чтобы Артавазд женился, а он даже слышать об этом не хочет. Может быть, он послушается тебя и, наконец, женится? Вон, все его друзья женились, создали свои семьи и уже имеют детей, осчастливили своих родителей. А наш?..

– Послушай,– сказал Евтушенко, обращаясь ко мне,– я первый раз слышу, что ты не подчиняешься воле родителей. Разве так можно? Мы с Джан тоже приняли бы участие в вашем свадебном торжестве. Не так ли, Джан?

– Конечно,– неслезанно оживилась Джан,– мы такой праздник устроим! Говорят, что армянские свадьбы невероятно интересные! Кстати, надо обратить внимание на Лену, она очень хорошая девушка, умная, воспитанная, мастерица на все руки! Она так подойдёт вашей семье. Скоро Леночка окончит школу и уедет в Россию, будет поступать.

Лена со своей мамой, Зинаидой Тихоновой, проживала на даче Евгения Александровича в Агудзере, она училась в выпускном классе местной средней школы. Зинаида Тихонова по предписанию врача проходила в Абхазии курс лечения. Они были родственницами председателя Совета министров СССР Николая Тихонова, кстати, очень скромного и честного человека.

Будучи председателем правительства, все свои сбережения он отдавал детским учреждениям, а после отставки получал обычную пенсию по старости. А перед смертью он вынужденно обратился к президенту России Б.Ельцину с просьбой похоронить за государственный счёт из-за неимения материальной возможности.

По просьбе Лены, Евгений Александрович несколько раз выступал в школе, где она училась. Я тоже участвовал в этих встречах.

Кстати, Евгений Александрович приглашал меня на все свои сухумские выступления. Особенно запомнился интересный вечер в санатории МВО.

Собравшиеся задавали очень много вопросов о его восприятии поэзии вообще и творчества разных поэтов. Были вопросы и о Владимире Высоцком, Илье Резнике, Роберте Рождественском, Николае Рубцове.

Помню, он сказал, что ему понравилась недавняя подборка стихотворений Рождественского в «Комсомольской правде». Евгений Александрович так и сказал: «Я очень рад за Роберта».

– Да, действительно, Лена замечательная девушка, но Артавазд должен жениться на армянке,– за одну секунду Евтушенко определил мою дальнейшую судьбу,– потому что он не просто должен вернуть своему народу то, что получил вместе с материнским молоком, но и удвоить полученное и так вернуть. Кстати, это долг каждого армянина – возвращать своему народу, пережившему геноцид и потерявшему практически всё, хотя бы в двойном размере. Артавазд ещё и поэт, и к тому же родился в апреле.

– О да,– засмеялась Джан,– наш Артавазд и Ленин родились в апреле, даже в один и тот же день – 22 числа.

– Нет,– поправил её Евтушенко,– в апреле турки уничтожили практически всех великих западноармянских писателей. И армянский народ 24 апреля отмечает день геноцида, потому что этот день стал последним для многих из них.

Прошло несколько месяцев, я познакомился с замечательной девушкой Гоар, которая после окончания Казанского государственного университета вернулась в Сухум и начала работать в аптеке Сухумского роддома провизором-аналитиком.

К огромному счастью моих родителей, вскоре мы решили жениться. Был назначен день нашей свадьбы: 15 марта 1985 года.

Но, к сожалению, Джан и Евгений Александрович не смогли принять участие в нашем свадебном торжестве: в

это время они находились в Москве и готовились к срочному отъезду в Англию, где должна была выйти книга Евтушенко на английском языке, и требовалась его встреча с издателем, который, как рассказывал Евгений Александрович, владел большим виноградником и серьёзно увлекался виноделием.

Перед отъездом Евтушенко в Москву, я привёз ему в подарок от главного инженера винкомбината Валерия Борисовича Авидзба пять бутылок красного вина, одну из которых мы все вместе выпили. Остальные четыре бутылки он повёз в Англию – своему издателю: тому очень понравилось наше вино и он, как потом рассказывал Евтушенко, просил передать абхазским виноделам, что такое вино не пьют, а смакуют.

Но вернёмся к нашей свадьбе. Джан и Евгений Александрович очень тепло поздравили Гоар и меня с созданием семьи и пожелали, чтобы наш второй ребёнок был противоположного первому пола.

К слову сказать, в 1987 году родилась наша дочка Сусанна, а в 1989 году на свет появился сын – Айк, названный так в честь моего отца. И ещё один сын – Тигран – родился в 1998 году.

А на армянской свадьбе Евгений Александрович и Джан всё же побывали, когда женился мой родственник Размик. Они поднялись аж на самую гору, где до сих пор находится наш дедовский дом. Очень им понравилась свадьба, особенно Джан. Она даже станцевала знаменитый амшенармянский танец «Срапар», что дословно означает: «постоянный танец», потому что его исполнители постоянно меняются и поддерживают азартный ритм танца.

...Через несколько лет случилась великая трагедия в нашей жизни: война 1992-1993 годов, в ходе которой вместе с другими домами полностью сгорела и дача Евгения Евтушенко – очаг, который для меня был вторым родным.

...По иронии судьбы, 1 апреля 2017 года один из наших общих знакомых сказал, что Евгений Александрович очень просит, чтобы я обязательно позвонил ему.

– Не первоапрельская ли шутка?– спросил я с определённой долей недоверия.

– Да ты что, конечно же нет!– немного обиделся мой собеседник.- Это было несколько месяцев назад, но я никак не мог передать тебе его просьбу,– но поймав мой укоризненный взгляд, виновато опустив голову, сказал,– честно говоря, я о ней вспомнил сейчас, когда случайно мы встретились. Извини меня, пожалуйста, очень прошу, извини.

Я в тот же день несколько раз звонил на номер Евгения Александровича, но, к сожалению, так и не дозвонился. А буквально на следующий день пришла страшная весть о его кончине. Я до сих пор не могу простить себя за то, что единственный раз не смог исполнить его просьбу, которая оказалась к тому же последней.

Но я до конца своей жизни буду верен памяти этого великого человека и поэта, с чьим именем связаны мои первые значимые литературные успехи, наставника, привившего мне чувство уважения и достойного отношения к слову.

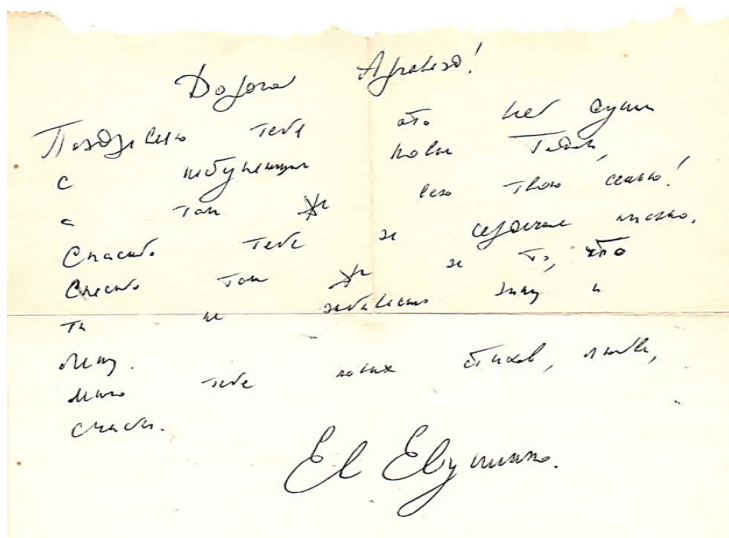
А разве может быть иначе?

Дорогого стоят для меня его дарственные слова на книге «Утренний народ», которая чудом сохранилась в нашей библиотеке, да ещё и с письмом, проникнутым теплотой и светом трепетного отношения Евгения Александровича ко мне:

«Дорогому Артавазду с любовью к его чистой душе.

**Все предадут меня, но Артавазд
Меня ни разу в жизни не предаст».**

А вот и его письмо, написанное 25-го и полученное мной 31-го декабря 1980 года:

«Дорогой Артавазд!

**Поздравляю тебя ото всей души с наступающим
Новым годом, а также твою семью!**

Спасибо тебе за сердечное письмо.

**Спасибо также за то, что ты не забываешь Зину
и Лену.**

Много тебе новых стихов, любви, счастья.

Евгений Евтушенко»

Всего несколько слов на глянцево-блестящей блокнотной бумаге. Но удивительное дело: они не только сохранили своё тепло, но со временем стали более значимыми и дорогими. Живу и чувствую это тепло, стараюсь оправдать наказ великого поэта и человека:

Дорогой мой Артавазд,

Будь в своих стихах горазд!

ДУХОВНЫЙ МОСТ МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРАМИ

(памяти Анаит Бостанджян)

Огромно и незаменимо значение печатных изданий в жизни армянской диаспоры: они являются основным условием не только для развития родной литературы за пределами исторической родины, но и сохранения национальной идентичности.

И среди этих изданий чудесным образом выделяется литературно-художественный альманах «Камурч» («Мост»), главным редактором которого до последнего времени была замечательный поэт и переводчик Анаит Бостанджян.

«Камурч» был ежегодным изданием армянской секции Союза писателей Грузии. Работой секции на протяжении многих лет руководил классик армянской литературы Беник Мкртычевич Сейранян (1913-2003) – литературный наставник Анаит Бостанджян. Он одновременно являлся председателем редколлегии ее печатного издания, в состав которой входили Мкртыч Асланян, Сурен Авджян, Саак Манвелян, Арташес Мхитарян, Ованес Караян, Акоп Чобанян, Сос Симаворян и другие известные писатели и литературоведы.

На страницах альманаха публиковались не только лучшие произведения членов армянского литературного объединения «Черноморская заря» Абхазии Аршавира Джидаряна, Акопа Гуруняна, Андраника Багаряна, Вазгена Кансузяна, но и переводы из абхазской литературы (Дмитрий Гулиа, Шалва Цвижба, Баграт Шинкуба, Алексей Джонуа и другие). В 70-80-х гг. прошлого столетия альманах (как и книги членов секции) выходил в издательстве «Мерани», корректором армянской редакции которого с благословения Беника Сейраняна была Анаит Бостанджян – выпускница филологического факультета Ленинакан-

ского государственного педагогического института имени Микаэла Налбандяна.

С ней я познакомился в 1981 году, когда под редакцией Акопа Вагаршаковича Чобаняна вышел мой первый сборник «Добрая встреча». Через несколько лет увидела свет следующая книга под названием «Солнечный ветер». Корректором этих книг была Анаит Бостанджян. Впоследствии она сменила Акопа Вагаршаковича (легендарного партизана-подпольщика, человека необычайной судьбы) на должности редактора армянской редакции издательства «Мерани».

После развала Советского Союза из-за финансовых затруднений на несколько лет прекратился выпуск альманаха «Камурч». Но в 1996 году с помощью Католикоса Всея армян Гарегина Второго неутомимая Анаит возобновила издание альманаха в Ереване, подключив к этому нужному делу как отдельных спонсоров, так и Фонд Окро Окрояна и Министерство диаспоры Армении, а также ереванское издательство «Зангак».

Я не буду говорить о том, какие затраты несла замечательная семья Анаит. Вот что говорила она сама: «Буду голодать, возьму кредит в банке, продам все ценное, чем владею, но «Камурч» будет выходить. Я знаю, что мои дочери, идущие по моим стопам – переводчик Марина и журналист Гаянэ, которым я очень благодарна за то, что они помогают в издании ежегодника, одобряют мою работу и всегда будут находиться рядом со мной».

Несмотря на эти трудности, альманах заметно «потолстел» и расширил свои границы: на его страницах стали появляться произведения не только армянских авторов, но и творения представителей русской и зарубежной литератур: Виктор Коноплев, Лариса Прашкивская-Фелисион, Павел Черкашин (Россия), Атонис, Халил Хинтави (Сирия), Любица Милетич, Горан Лазович (Сербия), Эдуардо Сангинетти (Италия)...

Воистину, Анаит Бостанджян своей подвижнической деятельностью стала духовным мостом между литературами.

Сердце автора более 30 оригинальных и переводных книг Анаит Бостанджян неожиданно перестало биться утром 8-го января 2017 года.

«Когда душа поет и плачет».

Так называется последний сборник Анаит, об издании которого она сообщила мне за два дня до своей скоропостижной смерти, добавив, что очень надеется на нашу скорую встречу в Ереване, где и передаст мне мои экземпляры её книг, вышедших в последние месяцы. Но увы...

Так и прожила она свою не совсем длинную жизнь – с песней в душе и со слезами на глазах.

Свое слово об Анаит хочу завершить её же словами: «Смерть – своеобразное продолжение жизни, которое тянется от временного к вечному, от материального к нематериальному, от земного к небесному, звездному. По этому пути идут только избранные, те, у которых главное в жизни – любовь и вера в Бога, кто одержал победу над смертью – бессмертием».

Верю, что литературное наследие Анаит Бостанджян займет свое достойное место в истории армянской литературы.

ВОКРУГ КАПКАНА

(интервью)

Ваге Ошакан. Автор многочисленных прозаических и стихотворных сборников, таких, как «Окно», «Город», «Тревога», «Паника», «Вокруг капкана», «Потомки» и др. Доктор, профессор филологии и философии.

В декабре 1995 года по приглашению Всеармянского культурно-образовательного общества «Амазаин» («Общественно-национальное») более месяца я провёл в Ливане. Состоялись интересные встречи с представителями местной армянской общины, духовными, государственными и общественными деятелями, в том числе с Католикосом Большого Дома Киликийского Арамом Первым, главой крупного административного района Бейрута Цолаком Тутеляном, нынешним депутатом парламента Ливана Акопом Багратуни и другими. Побывал в редакциях нескольких армянских периодических изданий, посетил армянское село мусалерцев Айнчар.

В высокогорном пансионате Эды Шарбель состоялась моя встреча с Ваге Ошаканом. Некоторые отрывки из наших вечерних разговоров предлагаю вниманию читателей.

– Уважаемый Ваге, к нашему глубокому сожалению, вы почти незнакомы армянскому читателю Абхазии. Для начала расскажите о себе.

– В том, что я не известен читателям Абхазии, вашей вины, конечно же, нет. Впрочем, и моей тоже.

Западноармянская литература очень слабо пропагандировалась в бывшем Советском Союзе, за исключением нескольких писателей, в число которых я, к сожалению, не входил. Но вернемся к твоему вопросу.

Я родился в Болгарии в 1922 году, в семье писателя Акопа Ошакана. Мое начальное образование – армянское, среднее – английское. В 1952 году закончил Парижский университет на французском языке. Преподавал в ряде

американских университетов историю английской литературы. Сейчас живу и работаю в Австралии, где веду курс армянской литературы на английском языке в Сиднейском университете. Одновременно, около восьми лет, редактирую англоязычный стихотворный альманах «Рафт» (парус – А.С.).

– Альманах назван таким образом от вашего страха утонуть в штормящем море бездарных произведений?

– Доля правды, конечно же, в этом есть. Если сам о себе не подумаешь, можно и действительно утонуть.

– Несколько слов о вашей семье.

– Супруга Арсинэ – доктор-профессор математики – по приглашению работает директором сиднейской школы Армянской культурно-просветительской организации «Амазгаин». Старший сын Ара – профессор одного из американских университетов; младший, Айк – ведущий специалист-компьютерщик. Очень люблю невесток Анаит и Джорджиан, горжусь внуками Алиц и Ашотом, которые учатся в школе.

– Расскажите о вашем отце – известном армянском писателе Акопе Ошакане.

– Отец мой родился в 1883 году в городе Бурсе, недалеко от Константинополя, в бедной крестьянской семье. Очень скоро лишившись отца, остается на попечении слепой бабушки (или наоборот?), ибо мать почти круглосуточно работала на ткацкой фабрике. С 17 лет трудится учителем в школе. В 1902 году в константинопольской газете «Аревелк» («Восток») состоялся его дебют – рассказ «Первая слеза», который вызывает гнев сельских ага, ибо сюжетной его основой стал конфликт, возникший в одной из богатых семей. В результате Акоп остается без работы. Этот маленький эпизод оставляет свой неизгладимый отпечаток на всем творчестве писателя: после «Первой слезы» Акопом Ошаканом будет выпущено 40 томов, и в

этой огромной массе читатель не найдет ни одной лживой строки, ни одного непережитого слова.

С 1945-го по 1975 год выходит его 10-томный фундаментальный литературоведческий труд: «Общий обзор западноармянской литературы». К сожалению, отец увидел только первый его том. В этом году (1995 г. – А.С.) под моей редакцией вышел его автобиографический роман «Как жизнь».

Почти 50 лет, до самой смерти в 1948 г., личность и творчество Акопа Ошакана подвергались гонениям, преследованиям со стороны как турецких властей, так и тех, кто должен был его благодарить – учеников и соратников. Я не говорю уже о политических противниках.

С 1915 по 1918 года он как армянский писатель находился в розыске, и это естественно, ибо его ближайшими друзьями были Даниэл Варужан, Григор Зохраб, Рубен Зардарян и другие выдающиеся деятели армянской культуры и литературы. Как раз в это время он вынужденно взял псевдоним Ошакан (наша фамилия Кюфечян). В результате всего этого вокруг его имени сложилась отрицательная сказка о хмуром, злом, невыносимо грубом, страшном человеке. Но в действительности же он был и до последней минуты своей жизни оставался простым, наивно добрым армянским крестьянином, с кем бы он ни общался – от неграмотного соседа-араба до патриарха и католикоса, которых принимал в своей маленькой комнате...

– Когда же, на ваш взгляд, начинается писатель?

– Тогда, когда появляется великое писательское чувство – отвращение к слову, без которого невозможно жить. И только тогда писатель превращается в высокого выразителя национальной культуры.

– Что такое капкан?

– Это своеобразный треугольник: автор-действительность-истина. Здесь находятся слова.

А вообще-то слова, выстраиваясь в строку, неравнодушны: они или любят, или ненавидят друг друга, а в конечном счете изводят автора, сердце в клочья разрывая...

Выдержит ли твое сердце, дорогой мой Артавазд, есть ли у тебя близкая душа, готовая, соединившись с твоею, облегчить ее? Да, понимаю... А в сущности-то, все мы в капкане...

– **А вокруг капкана?**

– А вокруг капкана – свобода.

– **Подозреваю, что ваши произведения, особенно такие, как «Рукоприложение», обеспечили вам прочную ... несладкую жизнь.**

– Да, я уже третий инфаркт перенес.

Рассказ «Рукоприложение» был опубликован в 1988 году. Сразу же вокруг него разгорелся огромной силы скандал. Дело дошло до проклятия и моего отречения от церкви.

Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы на мою защиту не встала группа честных ученых, писателей, деятелей культуры нашей диаспоры. Как будто в последнее время церковь чуть-чуть успокоилась. Ты же читал рассказ, что же в нем плохого?

– **Рассказ, на мой взгляд, написан прекрасно, затронутые проблемы действительно серьезные... Но я думаю о том, как же будет читать этот рассказ ваша внучка Алиц?**

– Когда я пишу, совершенно не думаю о читателе.

Действие рассказа происходит в армянской церкви Вашингтона, все описанное естественно. Мои любимые ученики – англичанин Пирс, Жак и Сона хотят разбудить армянское самосознание. Но каким образом можно это сделать?

Их выбор тебе известен. Они горят желанием проиграть, даже погибнуть в церкви. И это поражение будет великой победой духа.

– И все же, есть же какие-то...

– В литературе есть только писательские права. И никаких правил!

– Тогда объясните мне, что такое литература?

– По-моему, все знают, что такое литература ... кроме самых литераторов. Литература – яд для писателя, для читателя – бальзам. Страшная штука литература...

– Кто ваши учителя?

– Очень трудно себя считать учеником великих. Но мой бог – гений человечества Григор Нарекаци, который сумел понять душу нашего народа, сои волшебные молитвы подняв до божественного уровня. Туманян, Варужан, Текеян, Терьян.

Наши две литературы, дополняя друг друга, преподносят армянскому народу мудрость земли и красоту воображения. Две литературы – две могучие ветви Великого армянского дерева страдания и душевного порыва.

Кстати, западноармянская литература после геноцида армян 1915 года вступила, так сказать, в отрицательный период самоотпевания.

Выдающийся представитель этого периода – Никогос Сарафян, умерший в 1972 году в Париже.

Сейчас развивается второй – положительный период, когда наша литература повернулась лицом к действительной жизни: Эдвард Поячян, Григор Былдян, Абраам Аликян.

– Вам известно, что в Абхазии была война?

– Да, да, грузино-абхазская война. Народ Абхазии одержал великую победу. Главное, ее удержать, не самоуспокоиться. Знаю, что армяне принимали участие в войне, создав национальную воинскую единицу – батальон имени маршала Баграмяна.

Иначе и не могли поступить амшенские армяне, подарившие нам великого мстителя Мисака Торлакяна, в котором, как мне кажется, сконцентрированы лучшие качества

амшенского армянина: спокойствие, рассудительность, скромность, переходящая в стеснительность, трудолюбие и неужержимость духа в минуты великого порыва.

И еще, передай мой горячий привет победившему народу Абхазии. Если пригласите, обязательно приеду к вам в гости.

Очень хочу быть участником вашего праздника победы.

1995

P.S. Ваге Ошакан скончался 30 июня 2000 года.

СЛАДКИЙ ДЫМ ДЕТСТВА

(интервью)

Доктор медицинских наук, профессор Аршавир Карапетович Флорикян один из видных специалистов по грудной хирургии. Его монографии и многочисленные научные труды, которые основаны на анализе данных большого числа клинических и экспериментальных наблюдений, посвящены в основном хирургическому лечению различных заболеваний легких и органов средостения, патологии вилочковой железы.

В этой области плодотворно работали Е.Вагнер, Е.Перельман, Ф.Кутушев, Б.Комаров, А.Колесов и другие. Они исследовали преимущественно отдельные стороны очень сложной торако-абдоминальной хирургии, анестезиологии, реаниматологии. Но только в работах А.Флорикяна, кстати, впервые как в отечественной, так и зарубежной медицинской литературе, в комплексе и наиболее полно отражены патофизиологические нарушения, возникающие в организме при тяжелой закрытой травме и проникающих, огнестрельных ранениях груди. Клинико-патофизиологически обоснованные, патогенетически оправданные методы терапии, рекомендуемые А.Флорикяном, особенно актуальны сегодня, когда наряду со значительным ростом проникающих, огнестрельных, ножевых ранений возросла и автотранспортная закрытая травма.

Предлагаем вашему вниманию беседу с А.Флорикяном, которая состоялась в Сухуме в один из дней его отпуска в родной Абхазии.

– Аршавир Карапетович, пожалуй, начнем с самого начала: о ваших корнях.

– Корни наши связаны с Орду. Это - исторический Амшен. А в Абхазию семья моего деда Левона переехала из Западной Армении в годы армянских погромов: геноцид - страшная страница в биографии каждой амшенской семьи,

точнее, армянского народа. Естественно, здесь, на новом месте, было тяжело, очень тяжело. Семья бедствовала. Подозреваю, что особенно трудно приходилось моей бабушке Арусяк.

Она была из очень богатой семьи Зорьянов, которые имели обширные ореховые плантации между Орду и Трапизоном. Так вот, моя бабушка Арусяк во дворе часто разводила костер и «варила» ... камни для того, чтобы со двора Флорикянов валил дым. Голубой, горький, съедающий больше душу, чем глаза, густой дым. «Чтобы никто не говорил, что у Арусяк ничего нет», - разводила бабушка костер и повторяла эти, ставшие чуть ли не молитвой, слова. Сухие веточки радостно потрескивали в веселом огне. Вот такое своеобразное проявление, не знаю, самолюбия ли, гордости моей бабушки. В том суровом 1915 году на последней лодке, именуемой в нашем народе «сандалом», приехали в Абхазию их дети – Карапет и две его сестры: Естер и Лусануш.

Сапожник Карапет – мой отец.

Говорю без преувеличения: он был очень умным человеком, много читал, живо интересовался художественной литературой, астрономией, историей, особенно отечественной...

У отца было какое-то внутреннее благородство, какое-то благоговение перед семьей и образованием. И хотя он окончил всего 2 класса, а учился он в армянской и русской школах, - по природе, по уму никто из нашей родни в отца не пошел. Несмотря на наше довольно-таки приличное образование, мы не смогли достичь его интеллектуального уровня. Для большой семьи Флорикянов сапожник Карапет был своеобразным остоном.

Его слово было законом и для профессора Сурена Клорикяна, трижды лауреата Государственной премии СССР, и для академиков Григорянов – наших родственников по материнской линии.

Отец обожествлял народную музыку, любил петь. И любил рассказывать. Он был чудесным рассказчиком. А рассказывал он о жизни их семьи в Западной Армении. С особой любовью и гордостью, возвышенно он повествовал о национально-освободительной борьбе, которую вели лучшие сыны армянского народа – мстители.

Отец учил нас своему делу – сапожному ремеслу.

В годы Великой Отечественной войны мы с отцом работали на обувной фабрике Черноморского флота, эвакуированной из Севастополя в Сухум и размещенной в здании нынешней гостиницы «Абхазия».

Отец сам обрабатывал кожу, обрабатывал честно, с достоинством варпета (мастера – А.С.). А технологию обработки специальной кожи он перенял от своего учителя, грека, впоследствии переехавшего в Грецию.

Эта была очень тяжелая и кропотливая работа, требующая усидчивости и терпения. И в этом деле ему очень помогала наша мама Вардануш. Кстати, меня всегда удивлял счастливый союз внешне несовместимых сапожника Карапета и вольновоспитанной, образованной Вардануш. Мать была своеобразной женщиной, возможно уступчивой. Во всяком случае, нашей семьей фактически руководила она. Но это делала так ненавязчиво, так тонко, не затрагивая «хозяйского» достоинства сапожника Карапета, которому казалось, что семьей руководит именно он. Мама тоже хорошо пела, превосходно играла на фортепиано. Она стремилась дать нам музыкальное образование. И это ей почти удалось. Забегая вперед скажу, что я в последствии поступил в Харьковскую консерваторию. Помню: мы, накопив денег, купили пианино, ночью притащили домой, чтоб никто не видел. В то страшное сталинское время это было неслыханно: сапожник, притом армянин, и вдруг – пианино...

А занимался я у Марии Дмитриевны Бубновой.

Незабываемые годы.

– Одновременно вы учились в сухумской армянской средней школе...

– Здесь я обучался до ее закрытия в 1942 году. Затем учебу продолжил в школе при музыкальном училище, по окончании которого перевелся в сухумскую среднюю школу №4.

С большой любовью вспоминаю наш класс, нашу классную руководительницу Меланию Евгеньевну. Она не имела своих детей, и всю свою нежность, доброту широкой души без остатка отдавала нам.

Наш класс был интересным, очень сильным. Достаточно сказать, что моими одноклассниками были ставшими впоследствии известными учеными Николай Уткин (доктор архитектуры), долгое время работавший главным архитектором Москвы; Константин Рыженко (доктор филологических наук, профессор); Ираклий Мухин (доктор медицинских наук, профессор); Элефтер Илиади (доктор физико-математических наук)... Хорошим баскетболистом был будущий детский врач Анатолий Седов.

Школу я окончил на серебряную медаль, в отличие от брата Паруйра и сестры Эммы, которые заслуженно получили золотые медали.

– Кстати, о вашем брате. Читателям будет интересно узнать о его судьбе.

– После окончания сухумской 2-й средней школы Паруйр в 1949 году поступает в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Здесь его однокурсниками были будущие космонавты. Это были очень интересные годы учебы.

В это время на базе двух солидных научных учреждений – бауманского училища и физико-технического факультета Московского госуниверситета создавались основы атомной и космической техники.

Хотелось бы отметить, что будучи сталинским стипендиантом (а это в то время для армянина было практи-

чески невозможно), Паруйр с 3-го курса находится «под крылом» академика Сергея Павловича Королева. К этому времени он – автор ряда изобретений, получает приличные гонорары и, естественно, материально поддерживает и нас. Кстати сказать, Сергей Павлович сыграл огромную роль в судьбе Паруйра. Именно по его совету и настоянию Паруйр был оставлен на научную работу. Вскоре он защищает кандидатскую диссертацию по технологии изготовления особого сплава стали...

– Если я не ошибаюсь, в технической литературе существует такое понятие, как «сталь Флорикяна». Не связано ли оно с именем вашего брата?

– Действительно, в танко- и ракетостроении и поныне используется «флорикяновская сталь», т.е. сталь, изготовленная на основе технологии, разработанной Паруйром.

Вскоре Паруйр назначается начальником лаборатории в одном из военных научно-исследовательских институтов закрытого типа, где велась большая и серьезная творческая работа по укреплению обороноспособности страны.

К сожалению, рано ушел из жизни Паруйр, в 1984 году, в возрасте 54 лет, от инфаркта миокарда...

Его неприятности начались еще в конце 60-х годов, после смерти Королева, когда многое вдруг стало непонятным, потеряло смысл...

Паруйр был настоящим борцом за справедливость; другими словами, неудобным человеком. Это немногим тогда нравилось, да и сегодня не вызывает особого восторга. Естественно, Паруйр проявлял свой бойцовский характер, «стальную» выдержку.

Вскоре стало известно о его неизлечимой болезни – облучении, полученного в результате многочисленных научно-практических испытаний, в которых он принимал непосредственное и активное участие.

– Значит, вы окончили школу и поступили в медицинский институт...

– Нет. Признаюсь, я никогда не думал заниматься медициной. Я мечтал стать известным музыкантом и немало сделал для осуществления моей мечты, неоднократно выходил победителем различного рода музыкальных конкурсов. И, естественно, чтобы достичь поставленной цели, я готовился к поступлению в Московскую консерваторию и усиленно работал над собой. В пианисты готовила меня и Мария Дмитриевна Бубнова. По дороге в Москву я остановился в Харькове, у нашего дяди Миши – академика Михаила Григоряна, который в ту пору занимал высокую должность начальника эвакогоспиталей Украины. Здесь были введены коррективы в мои планы и я решил поступить в Харьковскую консерваторию. Вопрос был решен положительно, и я со спокойным сердцем приехал в Сухум. Но через несколько дней я получил извещение о том, что на основании документов я зачислен и на первый курс медицинского института.

Скажу откровенно: было очень тяжело совмещать учебу в двух вузах. К тому же, к каждому отличнику учебы прикреплялось несколько фронтовиков, с которыми мы занимались: в послевоенное время это практиковалось во многих вузах.

Приходилось подрабатывать на жизнь. Отец присылал мне заготовки, я же собирал обувь для дальнейшей реализации.

Тяжелые условия, напряженная учеба и вынужденная физическая работа отразились на моем здоровье. Я заболел туберкулезом и переехал в Сухум.

Год вынужденного отпуска я использовал для усовершенствования своего музыкального образования.

Затем опять лекции, научные труды, бесконечные споры...

Институт я закончил на отлично и был оставлен на научную работу, хотя очень хотелось начать свою трудовую деятельность в родном городе, где, будучи студентом,

проходил медицинскую практику, занимался научной работой...

– ... за которую вы, студент 4-го курса, получили золотую медаль в Киеве.

– Это за работу над сосудосшивающим аппаратом Гудова.

Получив диплом врача, я мечтал продолжить работу в ИЭПИТе (Сухумский институт экспериментальной патологии и терапии – А.С.) по исследованию отражения радиации на организм человека. Очень серьезная и актуальная тема!

Но, к моему огромному сожалению, мне места в институте не дали. К тому же умерла наша Ляля – Гульнар Рефатовна Карал-оглы, с которой мы вели научные исследования. Я уехал в Харьков, устроился на работу в хирургическом отделении Научно-исследовательского института туберкулеза и в Институте неотложной хирургии и переливания крови.

Поворотным периодом в моей научной жизни стал 1956 год, когда в одном из медицинских журналов была опубликована новаторская статья тогда еще кандидата медицинских наук Александра Алексеевича Шалимова.

– Статья была посвящена открытой и закрытой кавернэктамии (лат. *caaverna* – полость, возникающая в органе при разрушении его тканей патологическим процессом, преимущественно при туберкулезе)?

– Совершенно верно. Так вот, по заданию моего учителя, академика Александра Григорьевича Киселева я поехал в Брянск, где встретился с Александром Шалимовым – будущим академиком, Героем Социалистического труда, смелым ученым, не знающим никаких профессиональных преград и ограничений. Вскоре Александр Шалимов переехал в Харьков, и с 1957 года началась наша совместная научная работа.

Излишне говорить о том, что мы и наши сотрудники работали до «седьмого пота», не покладая рук. Без преувеличения можно сказать, что эти годы были лучшими в нашей научной деятельности.

Еще бы! Ведь мы стояли у истоков становления не только торакальной хирургии, но и панкреато-абдоминальной резекции (лат. resectio – отсечение) и сосудистой хирургии. И результатом нашей кропотливой работы стало открытие в 1959 году кафедры торако-абдоминальной хирургии – первой подобной кафедры в бывшем СССР. Нами было сделано немало операций, кстати, впервые в нашей стране.

О значимости проделанной нами работы говорит тот факт, что в 1965 году наш институт неотложной хирургии был реформирован в научно исследовательский институт общей и неотложной хирургии. Я был назначен заведующим торакальным отделением и заместителем директора института по лечебной части.

– Можно ли из сказанного сделать такой вывод, что вы не признаете узкую хирургическую специализацию?

– Хирург, на мой взгляд, в первую очередь должен быть общим хирургом, а затем уже хирургом узкой специализации. Я большей частью торакальный хирург, в меньшей степени занимаюсь брюшной хирургией.

– Приверженцем какой медицинской школы себя считаете вы?

– Очень интересной немецкой школы Розе – ученика Фердинанда Зауэрбруха (1875-1951), одного из основоположников грудной хирургии. Его основные труды посвящены хирургическому лечению туберкулеза, рака легких, болезней пищевода и средостения.

Школа Розе – торакальная школа: к огромному сожалению, не только плохо изученная, но и несправедливо и жестоко битая.

– Аршавир Карапетович, вы с большим уважением произносите имена академиков Александра Киселева и Александра Шалимова, называете их своими учителями. А есть ли у вас продолжатели вашего дела, ваши ученики?

– По моему глубокому убеждению, настоящий ученый должен заниматься не только научной деятельностью. Я действительно горжусь моими учениками: лауреатом Государственной премии, доктором медицинских наук, профессором Борисом Евгеньевичем Родионовым, доктором медицинских наук, профессором Родионом Михайловичем Алексеенко, лауреатом Государственной премии, доктором медицинских наук Николаем Николаевичем Велигодским... Ну как же не гордиться ими – светилами отечественной медицинской науки?!

– Сухум – ваш родной город. Здесь 21 ноября 1927 года родились вы. Здесь прошло ваше детство – трудное, горькое, счастливое, пропитанное дымом костра вашей бабушки Арусаяк...

– Стоит ли говорить о том, что Сухум – мой любимейший город. Сухум моего детства, в первую очередь, это – многонациональное общение буквально до слияния душ.

Наш город дал нам очень многое – и великую дружбу, и морально-духовное обогащение, и слияние многих национальных культур, традиций и обычаев, так счастливо сочетающихся именно здесь. Все вышеназванное – немаловажное составляющее сверхоригинального духовного мира сухумчанина.

Сухум – город моего босоногого детства был очень своеобразной сферой обитания и необходимо не только не растерять это разнообразие и языков, и культур, не только сохранить незапятнанным, но и обогатить его новыми оттенками, новыми красками.

– Вы тонкий знаток футбола. Эта любовь зародилась здесь, в Сухуме?

– Какой сухумский мальчишка не гонял в футбол и, вообще, представим ли Сухум моего детства без переполненного стадиона с ветхим деревянным забором, со скамейками в десять рядов, с раздевалками для футболистов?!..

Так вот этот наш невзрачный стадион, без сомнения, сыграл огромнейшую роль в становлении советского футбола. Именно здесь, на этих грубо сколоченных скамейках обговаривались и решались многие теоретические и практические вопросы, связанные с дальнейшим развитием футбола. Этот стадион видел выдающихся мастеров кожного мяча и их наставников.

Мы, мальчишки, общались с такими знаменитостями, как Гринин, Николаев, Соловьев, Демин, Кочетков, Никаноров... А легендарный тренер неоднократного чемпиона и обладателя Кубка страны команды ЦДКА, а впоследствии (с 1952 г.) и сборной СССР, Борис Андреевич Аркадьев! – своеобразный, непредсказуемый, строгий наставник, и в то же время чуткий и добрый человек. Эти, современным языком говоря, фанаты работали до «седьмого пота», работали не за деньги, без кокетства. А приходили они на стадион в нашем, мальчишеском, сопровождении, простые, доступные.

Мы шли рядом, радуясь предстоящему «профессиональному общению» с нашими кумирами. Правда, бдительные стражи стадиона старались не допускать нас на тренировки. Но, к нашему счастью, и Аркадьев, и его подопечные были нашими заступниками.

А каким мальчишеским счастьем было для нас подать им мяч или сбегать за водой! Так что, Мыкич, сын чувячника Погоса, никак не мог не стать знаменитым футболистом Никитой Симоняном...

Кстати, неотъемлемой частью нашей футбольной жизни был наш священник, батюшка. Мы его часто видели на стадионе. Помню, во время одной из товарищеских встреч между сухумскими и тбилисскими одноклубниками

вдруг на всю округу зазвонил церковный колокол. Встревоженные жители ближайших домов высыпали на улицы и поспешили к церкви, на ходу распространяя самые невероятные слухи о причине неистового колоколобиения... И каково же было удивление сухумчан, когда узнали, что таким образом батюшка отреагировал на забитый в ворота тбилисцев гол!

– И, пожалуй, последний вопрос. Что бы вы пожелали читателям газеты «Амшен»?

– Мира и благополучия, дружбы и взаимопонимания, возрождения тех добрых традиций, которые были заложены нашими предками.

Каждый из нас должен любить эту землю, каждый камень этой земли должен быть нам дорог.

И тогда на этой земле не будет войны. Здесь воцарятся мир, счастье и благополучие.

**Декабрь, 1998
январь, 1999**

ПРИМЕЧАНИЯ

«Отчий дом, который Эргир»:

¹Историческая родина.

²Сиаманто – псевдоним западноармянского поэта Атома Ярджяна (1878 – 1915). Жертва Геноцида армян.

³Виктор Мари Гюго (1802 – 1885) – французский писатель.

⁴Константин Бальмонт (1867 – 1942) – русский поэт, переводчик.

⁵Часть исторической Малой Армении. Сегодня этот район находится на северо-востоке Турции, в непосредственной близости от грузинской границы. На территории Амшена находятся крупные города Ризе и Трабзон. Армянское княжество Амшена просуществовало с 789/90 года по 1489 год. Последним князем был Давид Второй Амшенци.

⁶Ёка – очень тонко раскатанные и поджаренные на сливочном масле блины; татарлома – жидкая еда из лаханы с добавлением небольшого количества кукурузной муки и чесночной поджарки; вознат – сыр для длительного хранения; кавурма – жареное мясо для длительного хранения в топлёном масле; мацнац – мацун с мелконарезанными огурцами и чесноком, употребляется в основном летом в холодном виде; лазди и ехинджи чаш – виды каши из кукурузной муки и крапивы; турша – соление из зелёной фасоли, перца, баклажанов, яблок и т.д.

⁷Сев гет или Кара дере – название местности, буквально: Чёрная река.

⁸Пропась, обрыв.

⁹Сар – гора, сареци – горец.

¹⁰«Соли привёз для всех, берите».

¹¹Село Манукянов.

¹²Годы бегства.

¹³Бог.

¹⁴Учитель.

¹⁵Названия первых букв армянского алфавита. В переносном смысле – азбука.

¹⁶Карабин Мосина.

¹⁷Мужественные ребята.

¹⁸Двузубое приспособление для копания каменистой почвы.

¹⁹Разновидность кирки.

²⁰Широкий топор с острым выступом.

²¹Священник.

²²Бракосочетание.

²³Фраза, означающая «если счастье отвернётся».

²⁴Подарок.

²⁵Жертва.

²⁶Праздник жертвоприношения. Является частью мусульманского обряда паломничества в Мекку.

²⁷Бала джан – деточка.

²⁸Бухр и тошт – дикие растения, напоминающие лопуха.

²⁹Башибозуки – жестокие военные отряды в Османской империи, не получавшие жалование. В основном занимались мародёрством. Слово «башибозук» до сих пор среди армян употребляется в значении «грабитель с большой дороги».

³⁰С турецкого: друг.

³¹Дословно: скромная.

³²С персидского: человек, жертвующий собой. Употребляется в значении «народный мститель». Фидаинское движение возникло в середине 80-х гг. XIX века в Западной Армении. Первыми фидаи и организаторами национально-освободительного движения были: Карапет, Арабо, Учитель Маргар, Кери Дерсима, Арыуц Мндзури, Арам Ачыкпашьян, Минасоглы, Ахбюр Сероб и его жена – Сосе Майрик, Андраник Озянян. Первоначально они со своими небольшими мобильными группами действовали в

Себастии, Сасуне, Тароне, Васпуракане, Кесарии, Хлате, Ване, Шапин-Гарахисаре...

³³Абхазы, вынужденные переселиться в 19-м веке из Абхазии в Турцию и другие страны.

³⁴Михаил Лакербай (1901-1965) – классик абхазской литературы.

³⁵Эльпис Кесарацян (1830-1911) – по словам нене, двоюродная сестра её отца, родители которой в годы Сев гета обосновались в Стамбуле, где и родилась Эльпис. Получила блестящее для своего времени образование в Европе. Учредитель и редактор очень смелого женского журнала «Гитара Эльпис Кесарацян», выходявшего в Турции в начале 60-х гг. 19-го века.

³⁶Человекоубийца: от слов мард – человек и спанел – убивать.

³⁷Название села в районе Орду, буквально: грушевые места.

³⁸Мовсес Хоренаци (410 – 490) – крупнейший армянский историк, автор знаменитой «Истории Армении».

³⁹Турецкий солдат.

«Кофейная чашечка моей нене»:

⁴⁰Նէ հէրաշաւի իւնձիւն – она ушла от меня.

⁴¹Мастер.

«Там, где звезду можно рукой достать»:

⁴²Гехануш – старинное армянское женское имя, состоит из двух слов: гехецик – красивая, ануш – сладкая.

⁴³3 июля 2019 года информационное агентство «Апсныпресс» опубликовало список жителей Абхазии армянской национальности – узников концлагерей, обнаруженных поисковой группой «Возвращение имени». В списке значится имя уроженца села Псырцхы Минаса Кешабяна, попавшего в плен в 1942 году в Севастополе и погибшего в плену 13 августа 1944 года в городе Торне, отдельная могила 2363.

«Одна судьба связала нас»:

⁴⁴Родина.

«Однажды в человеке рождается Бог»:

⁴⁵В рассказе использованы отрывки из моих стихотворений, выделенные чёрным шрифтом.

«Фирс»:

⁴⁶Ехинджи чаш – каша из крапивы с кукурузной мукой, мятой и чесноком.

«Слепой дождь»:

⁴⁷Вы редактор газеты «Крунк»?

⁴⁸Нет.

⁴⁹Я узнал вас.

Содержание

Отчий дом, который Эргир (<i>рассказ</i>).....	3
Кофейная чашечка моей нене (<i>рассказ</i>).....	55
Расцветают деревья. Зима (<i>рассказ</i>).....	60
Там, где звезду можно рукой достать (<i>рассказ</i>).....	66
Сержик, Жан Татлян, хацони пап Ованес и другие (<i>отрывок из повести «Классическая водолазка»</i>).....	88
«Учитель, перед именем твоим...» (<i>цикл рассказов</i>)	
«Очень симпатичная и приятная».....	96
С чего начался развал СССР.....	120
О том, как рухнуло царство Урарту.....	125
Становиться светом.....	130
Мои приветствия поредели.....	134
«Одна судьба связала нас».....	138
Сохранить любовь и доброту.....	143
P.S. Краткая история Сухумской армянской школы...147	
Однажды в человеке родится Бог (<i>рассказ</i>).....	154
Фирс (<i>рассказ</i>).....	162
Слепой дождь (<i>рассказ</i>).....	174
Ая и ухом не моргнул (<i>рассказ</i>).....	206
Мой Евтушенко (<i>воспоминания</i>)	
1. Дымок струился плавно ввысь.....	213
2. «Морская соль» Евгения Евтушенко.....	218
3. Без восклицательных знаков.....	223
4. Возвращать в двойном размере.....	226
Духовный мост между литературами.....	232
Вокруг капкана (<i>интервью</i>).....	235
Сладкий дым детства (<i>интервью</i>).....	241
Примечания.....	252

Литературно-художественное издание

Артавазд Аикович Сарецян
Однажды в человеке родится Бог
Рассказы, воспоминания, статьи, интервью
Абхазское государственное
издательство
Сухум
2021

Гарнитура Tahoma
Компьютерная вёрстка
газеты «Литературный Амшен»
e-mail: abk-hamshen@yandex.ru

Формат 70x90/32.
Бумага офсетная
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ №